

ISBN: 978-93-90547-21-9

**EMOTIONAL CONCEPTS IN THE RUSSIAN AND
GEORGIAN LANGUAGES**

**Tsertsvadze M.G.,
Kukhalashvili M.N.**

Published by
Novateur Publication
466, Sadashiv Peth, M.S.India-411030

www.novateurpublication.com

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РУССКОМ И
ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

ЦЕРЦВАДЗЕ М.Г., КУХАЛАШВИЛИ М.Н.

МОНОГРАФИЯ

2022

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ
ЯЗЫКАХ**

ЦЕРЦВАДЗЕ М.Г., КУХАЛАШВИЛИ М.Н.

МОНОГРАФИЯ

2022

www.novateurpublication.com

УДК 398.91

ББК 82.3

Ц.48

Рецензент: Гоголашвили Г.И. доктор филологических наук, полный профессор Института языкознания имени А. Чикобава (Грузия, Тбилиси).

Редактор: Кадирова Б.Н., кандидат педагогических наук Каспийского государственного университета имени Ш. Есенова (Казахстан, Актау)

Церцвадзе М.Г., Кухалашвили М.Н.

Эмоциональные концепты в русском и грузинском языках. 2022. - 108с

Монография посвящена контрастивно — сопоставительному изучению эмоциональных концептосфер, базирующихся на концептах «любовь», «радость», «стыд», «страх», «печаль», «ненависть», «зависть/ревность», «смех», в их вербальном выражении в русской и грузинской языковых картинах мира.

ISBN: 978-93-90547-21-9

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. МНОГОАСПЕКТНАЯ ПРИРОДА ЭМОЦИЙ

Раздел I. Философский аспект эмоций

- 1.1. Об эмоциях в античности .....
- 1.2. Трактовка эмоций в средневековье .....
- 1.3. Интерпретация эмоций в Новое время .....
- 1.4. Об эмоциях в трудах философов современности .....

Раздел II. Психологический аспект эмоций

- 2.1. Психологические теории эмоций .....
- 2.2. Понятие эмоции в психологии .....
- 2.3. Подходы к классификации эмоций .....

ГЛАВА II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭМОЦИЙ

Раздел I. Эмотивность как лингвистическая категория

- 1.1. Категория эмоциональности в лингвистике .....
- 1.2. Соотношение категорий «эмоциональность» / «экспрессивность» .....
- 1.3. Соотношение категорий «эмоциональность» и оцкнчность .....
- 1.4. Соотношение категорий «эмоциональность» и образность.....
- 1.5. Соотношение категорий эмотивности и модальности .....
- 1.6. Языковые средства выражения эмоций .....
- 1.7. Лексемы как способ называния эмоций.....
- 1.8. Эмотивность как базовый компонент прагматики языка .....

Раздел II. Эмоциональный концепт как лингвокультурологическая категория

- 2.1. Трактовка понятий «концепт» и «эмоциональный концепт» .....
- 2.2. Ментальные структуры (концепт, категория, понятие, значение).....
- 2.3. Способы организации лексических единиц.....

ГЛАВА III. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

- 3.1. Языковая репрезентация концепта «радость» в русском и грузинском языках.....
- 3.2. Языковая репрезентация концептов «любовь\ ненависть» в русском и грузинском языках.....
- 3.3. Языковая репрезентация концепта «печаль» в русском и грузинском языках.....
- 3.4. Языковая репрезентация концепта «стыд» в русском и грузинском языках.....

3.5 Языковая репрезентация концепта «смех» в русском и грузинском языках.....	
3.6. Языковая репрезентация концепта «страх» в русском и грузинском языках.....	
3.7. Языковая репрезентация концептов «зависть и ревность» в русском и грузинском языках.....	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ЛИТЕРАТУРА	

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что все познается в сравнении. Поэтому неудивительно, что интерес к типологическому изучению языков в мире только растет. Цель каждого контрастивного исследования состоит в выделении не только универсальных средств языкового описания мира, но и специфических средств, которые отражают особенности каждой национальной модели мира. Настоящая работа посвящена контрастивно — сопоставительному изучению эмоциональных концептосфер, базирующихся на концептах «любовь», «радость», «стыд», «страх», «печаль «ненависть», «зависть/ревность», «смех», в их вербальном выражении в русской и грузинской языковых картинах мира. Сравнительное исследование эмоциональных концептов позволяет установить общие и специфические свойства лексико-семантических систем языков сравнения.

Из века в век эмоциональная сторона человеческого бытия вызывала интерес у исследователей самых различных областей знания, в том числе у лингвистов. В настоящее время появляется все больше работ, посвященных изучению эмотивов. Среди этих публикаций можно в частности назвать труды И.А. Волостных, Л.А. Калимуллиной, Н.А. Красавского, М.В. Маркиной, И.Ю. Никишиной, К.О. Погосовой, Д.В. Сергеевой, В.И. Шаховского и др. [Волостных, 2007; Калимуллина, 1999; Красавский, 2001; Маркина, 2003; Никишина, 2008; Погосова, 2007; Сергеева, 2004; Шаховский. 2008, 2009].

Эмоции занимают важное место в жизни человека; при этом они, как правило, существуют не в «чистом виде», а в виде комбинаций разных чувств, таких как страх, гнев, отчаяние, сожаление, тревога и т.д. Все эмоциональные переживания представляют собой универсальный феномен, и, тем не менее, остается нерешенным вопрос о том, накладывается ли национальная специфика на выражение чувств. Чтобы ответить на этот вопрос, требуется сравнительное исследование наименований эмоциональных состояний в языках, представляющих разные культуры.

Актуальность данного исследования объясняется необходимостью углубленного изучения способов концептуализации эмоций в русской и грузинской языковых картинах мира в рамках когнитивной лингвистики. Эмоциональные концепты имеют особую значимость и ценность для создания эмоциональной картины мира, которая «рисует» с помощью концепта как «сгустка культуры в сознании человека» (Ю С.Степанов) на стыке нескольких формирующих пластов — культуры, сознания и языка.

Научная новизна работы заключается в том, что интерпретирование содержания эмоциональных концептов «любовь», «радость», «стыд», «страх», «печаль «ненависть», «зависть/ревность», «смех» осуществляется с позиций лингвокультурологии, а также в выявлении и описании

вербальных средств, репрезентирующее соответствующее содержание в языках (русском и грузинском).

Цель данной работы состоит в выявлении и сопоставительном описании лексических средств репрезентации эмоциональных концептов «любовь», «радость», «стыд», «страх», «печаль «ненависть», «зависть/ревность», «смех» в русской и грузинской лингвокультурах.

Основное внимание в нашей работе сосредоточено на решении **следующих задач**:

- 1) определить основные понятия исследования: эмоция, эмоциональность, экспрессивность;
- 2) установить, как соотносятся понятия «эмоциональность» и «экспрессивность»; эмоциональность» и оценочность, «эмоциональность» и «образность», «эмоциональность» и «модальность»;
- 3) рассмотреть различные подходы к выделению классов эмоциональной лексики;
- 4) охарактеризовать лингвистические средства выражения эмоций;
- 5) определить национально — культурную специфику лексем, репрезентирующих концепты «любовь», «радость», «стыд», «страх», «печаль», «ненависть», «зависть/ревность», «смех» в русской и грузинской языковых картинах мира.

Для решения поставленных задач в работе использовались **следующие методы исследования**: описательный метод, типологический (сравнительный) метод, метод количественного анализа, метод компонентного (семного) анализа.

Теоретическую базу составляют основные положения философской и психологической теорий эмоций (Платон, Аристотель, Р. Декарт, И. Кант, Н.А. Бердяев, К. Изард, С.Томкинс, П. Экман и др.), идеи, изложенные в работах по лингвистике эмоций (И.В.Арнольд, Л.Г.Бабенко, Л.М. Васильев, А. Вежбицкая, Н.А. Красавский, В.Н. Телия, В.И. Шаховский и др.), по когнитивной и концептуальной лингвистике (Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Г. Редекер, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Дж. Тейлор, Р.М. Фрумкина, М. Шварц, Т. Янсен и др.), по теории семантического поля и методу компонентного анализа (Л.М.Васильев, П.Н.Денисов, А. Лерер, С.А. Моисеева, С.Г. Шафииков, Г.С. Щур и др.).

Материалом исследования послужили данные картотеки, составленной на основе «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (1998.), «Словаря русского языка» СИ Ожегова (2000), «Толкового словаря русского языка» СИ Ожегова и

Н Ю. Шведовой (2004), Фразеологического словаря русского языка. Молоткова А.И.(1968), «Словаря синонимов русского языка» под редакцией З.Е. Александровой (1985), . «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова (1939) , «Словаря древнегрузинского языка» под редакцией Абуладзе И. (1973), «Грузино-русского

фразеологического словаря» под редакцией. Гамрекели Н.Н., Мгалобишвили Е.А. ,(1966), «Словаря синонимов грузинского языка» под редакцией Неймана А.(1976), «Толкового словаря грузинского языка» под редакцией С.С.Орбелиани..(1966), «Грузино-русского словаря» Чубинишвили Н. (1959), «Толкового словаря грузинского языка» под редакцией Чикобава А. (1960).

Общий объем проанализированного материала составил 2000 единиц, из них 1463 лексические единицы русские и 537 лексем грузинские, полученные методом сплошной выборки.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в теорию концептуализации базовых эмоций. В исследовании представлены теоретические основания для понимания эмоциональных концептов как производных национальных менталитетов. как источников познания внутреннего мира человека той или иной этнической принадлежности •

Практическая значимость работы заключается в возможности использования данных исследования в разработке учебных и исследовательских программ по когнитивной лингвистике, психолингвистике, этнолингвистике, в составлении толковых, переводных и эмотивных словарей, при чтении лекционных курсов по лингвокультурологии; концептологии, межкультурной коммуникации и в самостоятельной исследовательской деятельности студентов.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы

Во введении аргументируется актуальность данной работы, определяется предмет и объект исследования, формулируется цель исследования и задачи, необходимые для достижения этой цели, перечисляются научные методы, использованные в работе, а также говорится о практической ценности исследования

В первой главе «Многоаспектная природа эмоций» проводится анализ научной литературы, раскрывающей суть категории эмоциональности в философии, психологии.

Во второй главе «Лингвистический аспект эмоций» представлен обзор существующих точек зрения на проблему эмоций в трудах лингвистов, устанавливается соотношение понятий «эмоциональность» и «экспрессивность», «эмоциональность» и «оценочность», «эмоциональность» и «модальность». Обращается внимание на средства, с помощью которых эмоции могут быть репрезентированы. Описываются различные подходы к делению эмоциональной лексики на классы.

Третья глава «Языковая репрезентация эмоциональных концептов в русском и грузинском языках» посвящена анализу языковых средств эмоциональных концептов

В заключении подводятся итоги данного исследования, формулируются общие выводы.

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭМОЦИЙ

Раздел I. Философский аспект эмоций

Обзор истории учений об эмоциях позволяет заметить, что вопрос определения их сущности с древнейших времен волновал представителей самых различных научных дисциплин, начиная с психологии и медицины и заканчивая социологией и литературоведением. Несомненно, важное место в этом ряду отводится философии как «науке всех наук». В рамках философии предпринимаются первые попытки исследования сущности эмоций и их природы, составляются классификации, а также рассматриваются проблемы, связанные с воздействием эмоций на поведение и деятельность человека. В последующем многие философские воззрения легли в основу ряда психологических теорий эмоций и способствовали развитию отдельных направлений в рамках данной дисциплины.

1.1. Об эмоциях в античности

Об организующей роли эмоциональных явлений, наряду с разумным началом, говорится еще в трудах древнегреческих мыслителей. Значительный вклад в разработку данной проблемы внес создатель учения о душе Платон. В своём диалоге «Федр» он даёт знаменитый образ колесницы души: «Уподобим душу соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего. У богов и кони, и возничие все благородны и происходят от благородных, а у остальных они смешанного происхождения. Во-первых, это наш повелитель правит упряжкой, а затем и кони-то у него — один прекрасен, благороден и рожден от таких же коней, а другой конь — его противоположность и предки его — иные. Неизбежно, что править нами — дело тяжкое и докучное» [Платон, 1989: 26]. Возница изображает здесь разум, добрый конь — волевою часть души, а дурной конь — страстную или эмоциональную часть души.

В диалоге «Государство» Платон более подробно разбирает эти три составляющие психики человека и даже проводит параллель между устройством полиса и строением человеческой души. Государство состоит из трех сословий: правителей, т.е. свободной части общества, воинов и ремесленников, — что соответствует трем составляющим души: разумной, яростной (аффективной, эмоциональной) и вождедеющей (чувственной). Разумное и яростное начала призваны управлять началом вождедеющим, которая составляет большую часть души человека и

состоит в получении телесных удовольствий. Но при этом аффективное следует указаниям господствующего рассудка и стремительно выполняет все его решения. Если вся душа «следует за своим философским началом и не бывает раздираема противоречиями, то для каждой ее части возможно не только делать все остальное по справедливости, но и находить в этом свои особые удовольствия, самые лучшие и по мере сил самые истинные» [Платон, 1998: 346]. В случае если «возьмет верх какое-нибудь другое начало, то для него будет невозможно отыскать присущее ему удовольствие, да и остальные части будут вынуждены стремиться к чуждому им и не истинному» [там же]

Однако подлинная история изучения эмоций начинается с другого величайшего философа античности – Аристотеля.

Наиболее важные взгляды о душевной организации человека представлены в его трактате «О душе», в сочинениях «Никомахова этика», «Метафизика», «Поэтика» и др. По его мнению, все человеческое поведение является смесью рационального и иррационального – сознательного и бессознательного. Если Платон осуждает доминирование эмоционального над рациональным, то Аристотель считает, что эмоции не только не подавляют рациональную сферу, но, напротив, оздоравливают ее. «Все состояния души связаны с телом: негодование, кротость, страх, сострадание, отвага, а также радость, любовь и отвращение; вместе с этими состояниями души испытывает нечто и тело» [Аристотель, 1976: 373]. Если тело не придет в возбуждение, то большое несчастье не вызовет должной эмоции, поэтому люди часто «каменеют», чтобы защититься от страдания. Итак, делает вывод Аристотель, «состояния души имеют свою основу в материи» [Аристотель, 1976: 373-374], как и «способность ощущения невозможна без тела» [Аристотель, 1976: 434].

«Страсти» занимают одно из главенствующих позиций и в философии стоиков, которые считали, что всезнание рождается из ощущений. Ощущения и восприятия закрепляются в памяти и порождают представления. Эти представления перерабатываются, выделяются повторяющиеся, и таким образом формируются понятия. Понятие – это своего рода «подобие» предмета, это как отпечаток предмета в душе. Описанный процесс образования понятий происходит у стоиков посредством чувственного восприятия окружающей действительности и сознательной деятельности ума.

Как и другие античные мыслители, стоики видели высшее благо в счастье. Счастье понимается как жизнь согласно природе, в соответствии с добродетелью. Поэтому идеал стоика – это смирение с судьбой, покой (атараксия) или терпение (анатея).

Для стоицизма бесстрастие (атараксия) являлось одним из путей к блаженству, поэтому они первыми разработали теорию страстей. Для них страсти делились на положительные и отрицательные. Положительные – это радость, осторожность, воля. Отрицательные – это печаль, страх,

вожделение, наслаждение. Позиция стойков в том, чтобы бороться со страстями и противопоставлять негативным эмоциям положительные, например, страху – предусмотрительность, вожделию – волю.

1.2. Интерпретирование эмоций в средневековье

Средневековье ознаменовалось господством религиозного мировоззрения, поиском сверхъестественного в собственном внутреннем мире. Христианство сыграло огромную роль и в развитии философской мысли, поставив Бога как Личности и Творца превыше всего и сделав человека центром Вселенной, венцом творения Бога.

Наиболее ярким представителем того времени является доминиканский монах Ф. Аквинский. Исследуя проблемы устройства мира и сущности человека, он часто обращается к учению Аристотеля, которое, по его мнению, во многом пере-кликается с христианским учением.

Каждый человек в своих поступках стремится к благу, а высшим благом в христианстве признается Бог. Для этой цели у человека есть три способности: чувства, знания и воля. Чувства не могут способствовать достижению блага так же, как и воля. Высшее блаженство достигается лишь посредством интеллектуальной способности, разума и только при помощи Самого Бога [Рассел, 2001: 548]. Но, кроме разумных действий, у человека есть и действия, которые объединяют его с животным – это страсти. Душа испытывает страсти только вследствие то-го, что соединена с телом, для которого это состояние вполне естественно. Страсть может испытывать лишь существо, которому чего-то не хватает. Только Бог как бытие совершенное и абсолютное ни в чем не нуждается, и в нем нет страстей.

Аквинский достаточно основательно подошел к рассмотрению данного явления и даже предложил свою классификацию страстей, основанную на классификации человеческих желаний. Так, он выделяет страсти вожделия, состоящие в желании к обладанию предметом или, наоборот, на стремлении удалиться от него, и страсти пылкости, основанные на сопротивлении опасному предмету, или, наоборот, на преодолении трудностей для обладания этим опасным предметом.

Эти страсти также классифицируются по отношению к добру и злу. Страсти вожделия – это любовь, желание и радость (страсти по отношению к добру) и противоположные им – ненависть, отвращение и печаль (страсти по отношению ко злу). Страсти пылкости – это пять страстей: с одной стороны, надежда и отчаяние (по отношению к добру), с другой стороны, противоположные им страх и отвага (по отношению ко злу). Отдельная, не имеющая противоположности страсть пылкости – это гнев.

Страсти в большинстве своем относятся к неразумным, а значит, и неморальным действиям. Будучи укорененной в человеке, страсть может стать причиной греха, поскольку человек может сознательно выбрать некое греховное деяние. Поэтому анализ страстей для философа является необычайно важным, чтобы помочь разуму избежать ошибок в своем действии и правильно оценивать поступки, ставить цели и найти правильный путь к спасению своей собственной души.

1.3. Проблемы эмоций в Новое время

Эпоха Нового времени входит в историю под знаком того события, которое Ницше выразил в афоризме «Бог умер».

Единственной несомненной реальностью признается индивид и его сознание. Основоположник новоевропейской философии Р. Декарт объявляет акт «я мыслю» – основополагающей инстанцией в структуре духовного опыта. Человек представляется им как связь бездушного и безжизненного телесного механизма с душой, обладающей мышлением и волей.

Тесная связь эмоций с процессами жизнедеятельности организма была подмечена давно. Декарт, говоря об эмоциях (любви, ненависти, радости, печали), утверждает, что «все они относятся к телу и даны душе только постольку, поскольку она связана с телом» [Декарт, 1989: 539]. Главное действие аффектов, или страстей, состоит в том, что они побуждают душу человека к желанию тех вещей, к которым подготовлено тело: «чувство страха вызывает желание бежать, а чувство отваги – желание бороться» [Декарт, 1989: 499].

В качестве непосредственной и прямой причины эмоций мыслитель выдвигает специфические состояния организма, которые заставляют душу испытывать страсти: «у нас не потому сжимается сердце, что мы печальны, но мы испытываем печаль, потому что наше сердце сжимается» [Выготский, 1984:345]. Однако вместе с висцеральными изменениями в качестве отдаленных и первых причин эмоций называются впечатления, ощущения и представления о том или ином объекте.

Например, человек чувствует радость или печаль не от обладания каким-нибудь благом или его недостатка, а от того, что у него имеется впечатление, связанное с благом или злом.

Жизнью в наибольшей мере наслаждаются те, кого волнуют страсти, при этом подчеркивается, что мудрость состоит в умении распорядиться своими эмоциями, «чтобы легко можно было перенести причиняемое ими зло и даже извлечь из них радость» [Декарт 1989: 571].

Голландским мыслителем Б. Спинозой эмоции понимаются как динамические силы, подчиняющиеся законам, которые могут быть

логически выведены из трех первичных аффектов, или эмоций: удовольствия (радости), неудовольствия (печали) и желания. Эмоции разных людей имеют индивидуальные черты, однако все они ставят человека в рабство от вещей, «ибо человек, преданный аффектам, не располагает собой, а находится во власти случая, и до такой степени, что часто бывает вынужден следовать худшему, хотя и видит лучшее для себя» [Спиноза, 2001: 209]. Обуздать свои страсти и раскрыть истинную природу вещей возможно лишь через адекватное познание самого себя и окружающей действительности и жизнь согласно разуму. Только в таком случае возможно достижение человеком нового, особого аффекта – высшего удовлетворения, когда человек достигает истинной свободы, блаженства и «Божественной» любви к миру [Спиноза, 2001: 327].

Идея Спинозы о том, что эмоциональная жизнь подчиняется некоей логике, а эмоции — не просто иррациональные силы или болезни, которые должны быть преодолены, находит огромное признание в психологии XX века.

Вместе с тем в XVII-XVIII вв. получает развитие другое направление в теории познания, получившее название сенсуализм (от фр. *sensualisme*, лат. *sensus* — восприятие, чувство, ощущение), основной принцип которого гласит: «нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах». Крупнейшими представителями английского сенсуализма являются Т. Гоббс и Дж. Локк.

Т. Гоббс в своей первой работе «О теле» утверждает, что все наши знания происходят из ощущений, и только из них. С этой же точки зрения он подходит к исследованию эмоциональной сферы человеческого сознания. Эмоции представляются как особое «внутреннее движение», направленное от органов чувств к сердцу и распространяющееся далее от сердца по всему организму. Так, причиной «как ощущения, так и влечения и отвращения, удовольствия и неудовольствия являются сами предметы, действующие на органы чувств» [Гоббс, 1989: 238].

Предмет философии Дж. Локка перекликается с воззрениями Гоббса: исследование происхождения знания, положения которого представлены в его основной работе «Опыт о человеческом разумении».

Локк утверждает, что при рождении душа представляет собой *tabula rasa*. Эта «чистая доска», заполняется в процессе жизненного опыта образами и идеями, возникающими при воздействии на органы чувств каких-либо качеств предметов. Среди таких идей он выделяет модусы удовольствия и страдания, которые образуются в нашем уме в результате различного рассмотрения добра и зла [Локк, 1985: 280]. По Локку, все человеческие страсти (любовь, ненависть, радость, печаль, страх, отчаяние и т.д.) связаны с удовольствием или страданием и рассматриваются только в отношении этих двух понятий. Например, ненависть определяется как «мысль о страдании, которое может причинить нам присутствие или отсутствие какой-нибудь вещи» [Локк, 1985: 281], а

радость – «наслаждение ума от рассмотрения им настоящего или несомненно приближающегося обладания благом» [Локк, 1985: 282].

Пытался примирить идеи рационализма и сенсуализма представитель классической немецкой философии И. Кант. Он полагал, что «всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцания и для подведения его под высшее единство мышления» [Кант, 1964: 340].

Считается, что Кант выделил чувства в значении «эмоции» в качестве самостоятельных душевных способностей и противопоставлял их аффектам и страстям. Он различал чувства удовольствия и неудовольствия, которые могли быть по причине возникновения как чувственными (наслаждение и страдание), достигаемыми через «внешнее» чувство, воображение, вкус, так и интеллектуальными – через изобразимые представления и идеи.

Аффекты и страсти относятся философом к волевой сфере, при этом подчеркивается их существенное отличие друг от друга. Страсть представляется как склонность, которую разум с трудом может подавить или может не подавить вовсе. Аффект же – это чувство «удовольствия или неудовольствия в настоящем состоянии, не оставляющее в субъекте места для размышления (разумного представления о том, следует ли отдаться этому чувству или противиться ему)» [Кант, 1966: 496].

Кант также не оставляет без внимания взаимосвязь психического состояния человека и его физического здоровья. На основании телесных переживаний он делит эмоции на стенические (радость, воодушевление, гнев), то есть повышающие мышечный тонус, и астенические (страх, тоска, печаль), то есть ослабляющие его [Кант, 1966: 497].

Таким образом, Кантом был проведен глубокий анализ как душевного, так и психофизиологического состояния человека, что легло в основу многих последующих теорий и направлений в развитии науки о человеческой душе.

Не оставил без внимания вопросы, касающиеся человека, его духа, души и наиболее выдающийся представитель мировой философии Г.В.Ф. Гегель. В «Антропологии» Гегель рассматривает душу как единство трех составляющих – природной души, чувствующей души и действительной души. Одним из компонентов природной души выступают ощущения: внешние (воспринимаются органами чувств) и внутренние (находятся субъектом в себе). При этом внутренние ощущения могут быть двоякого рода: или они касаются непосредственно субъекта (гнев, стыд, зависть), или относятся к чему-то всеобщему – к нравственности, религии, праву. Подобного рода вместилищем для ощущений, влечений, страстей и их удовлетворений выступает чувствующая душа. Гегель также называет ее «предчувствующим сознанием», но вместе с тем чувствующая душа – это еще не

сознательное «я» человека, а скорее подсознательное «для себя- бытие» [Гегель, 1977: 132].

В «Феноменологии духа» чувство определяется как форма «своеобразной единичности субъекта», в которую может быть вложено то или иное содержание. Далее Гегель выделяет:

1) чувства приятного и неприятного, которые возникают при соответствии между бытием и долженствованием или их несоответствием; 2) чувства, содержание которых «проистекает из созерцания или представления», т.е. приходит извне [Гегель 1977: 317]; 3) чувства, возникающие вследствие принятия происходящего из мышления содержания морального, религиозного, правового (стыд, раскаяние).

От чувств философ отличает страсти. Хотя оба они имеют в своей основе «разумную природу духа», последнее также представляет собой единство воли, духа, характера, жизненных интересов субъекта. Гегель говорит, что «без страсти никогда не было и не может быть совершенно ничего великого» [Гегель 1977: 320], но вместе с тем утверждает: «неправильно придерживаться чувства и сердца вопреки разумности мысли» – ведь в духовно развитом человеке существует «единый разум в чувстве, воле и мышлении» [Гегель, 1977: 315].

1.3.Об эмоциях в трудах философов современности

В противоположность классической философии, выдвинувшей на первое место разум, возникает философское течение, провозглашающее примат неразумного, то есть отсутствие рационального становится основной характеристикой как самого мира, так и его понимания. Начало данному направлению – иррационализму – положил А. Шопенгауэр. Он развил немало интересных идей, связанных с волей и чувствами человека, а также их ролью в жизни людей. По его мнению, воля, т. е. побуждения к действию, а также процессы его совершения специфичны, относительно самостоятельны и во многом определяют направленность и результаты разумного познания. Воля трактуется как слепое влечение, независимое от контроля разума. Мир и все, что в нем существует (каждая сила в природе, инстинкты, сам человек) – это и есть воля.

С точки зрения воли рассматриваются философам и различные явления в жизни человека. «Задержку от препятствия, возникающего между ней [волей] и ее временной целью, мы называем страданием, а достижение цели – удовлетворением, благополучием, счастьем» [Шопенгауэр, 1993: 411].

В начале XIX в. на первый план выходят совершенно иные философские проблемы, чем в XVII и XVIII в. С поворотом науки к проблемам определения путей развития цивилизации и в связи с этим к человеческим проблемам происходит отказ от философствования как такового вообще. Не проблемы познания и бытия волнуют философов, а

проблемы человеческого существования. Стремление понять жизнь со всех ее сторон способствуют возникновению так называемой «философии жизни», основателем которой считается Ф. Ницше. Ницше, как и Шопенгауэр, ставит волю на первое место среди всех остальных форм психики человека. Но при этом они по-разному трактуют данное понятие. Пытаясь свести различные качественные состояния психики (инстинкты, эмоции, ин-теллект и т.д.) к какому-то единому основанию, он приходит к понятию «воля к власти». Космос понимается им как постоянная «борьба “квантов власти”, каждый из которых стремится к господству над всеми остальными, желает стать организующим центром всего мира» [Ницше 1990: 635]. Все в мире стремится к власти, как живое, так и неживое. Данное понятие, будучи центральным в философии Ницше, легло в основу идеи сверхчеловека, то есть сильной, деятельной личности, способной повести за собой людей.

Другой представитель «философии жизни» В. Дильтей считает, что познание возможно только на основании переживаний. Жизнь – это мир переживаний. Разум человека не может познать мир или доказать его существование, что говорит о том, что внешний мир познается не рассудком, а переживанием.

Дильтей считается также основателем такого направления, как герменевтика, которая ставит своей целью истолкование различных текстов, символов различных социокультур.

При этом герменевтика рассматривается как метод понимания текстов, культуры путем сочувствования, сопереживания, что сходно с интуицией и характеризуется непосредственным постижением некоторой духовной целостности.

К философам, отводящим самое достоверное и решающее значение эмоции, следует отнести почти всю русскую философию XX века. Наиболее известным ее представителем выступил Н.А. Бердяев. Согласно его утверждениям, вся оценочная сторона познания – эмоционально-сердечная, и оценке принадлежит огромная роль в философском познании. Без оценки невозможно познание смысла.

Философ отмечает, что познание немислимо без эмоций и «решающее значение в познании имеет эмоциональное принятие или отвержение, с трудом выразимое» [Бердяев, 1991: 93]. Самый крайний интеллектуализм и рационализм может быть «страстной эмоцией» [там же]. Сама философия трактуется ученым через призму эмоционального. «Философия есть любовь к мудрости, любовь же эмоциональное и страстное состояние» [Бердяев, 1991: 94].

Итак, проанализировав данный раздел, можно сделать следующее заключение:

1. В рамках философской науки предпринимаются первые попытки исследования эмоций с различных позиций (физиологической, психологической, социальной, культурной). В первую очередь в трудах великих мыслителей подчеркивается организующая роль эмоциональных явлений (Платон, Аристотель, Гегель и др.), их связь с процессами жизнедеятельности организма, а также отражение на физиологии и психологии человека (Декарт, Спиноза, Кант и т.д.). Большое внимание уделяется триаде «мышление – эмоция – воля». Несмотря на то, что многими разум и воля признаются определяющими в регуляции поведения, ничуть не преуменьшается значимость чувств в этом сложном процессе. 2. Именно философам принадлежат первые классификации эмоциональных состояний по различным основаниям: по физическим показателям (у Канта на основании телесных переживаний – стенические/астенические), по знаку (у Спинозы, Канта – удовольствие/неудовольствие; у Аквинского – по отношению к добру/по отношению к злу), по форме (у Гегеля – чувства, возникающие при соответствии бытия и долженствования/чувства, происходящие из созерцания/чувства, возникающие из морального, религиозного содержания; у Канта – чувства/аффект/страсть). 3. Философские воззрения на сущность и природу душевных переживаний легли в основу ряда психологических теорий эмоций, а также способствовали развитию отдельных направлений в рамках данной дисциплины

Раздел II Психологический аспект эмоций

Если философия представила разрозненные взгляды по вопросу сущности эмоций, то психология попыталась полученные данные систематизировать. Комплексный подход к исследованию эмоциональных процессов позволил выдвинуть ряд теорий эмоций, каждая из которых может быть названа фундаментальной.

2.1. Психологические теории эмоций

В течение долгого времени психологи стремились понять и объяснить сущность и природу эмоций. В XVIII-XIX вв. актуальность данной проблемы способствовала появлению различных точек зрения, выраженных в соответствующих теориях. Одной из самых известных является интеллектуалистическая концепция И. Ф.Гербарта. Согласно данной теории, органические проявления эмоций – это следствие психических явлений. Эмоция представляет собой связь, которая устанавливается между представлениями и вызывается «конфликтом» между представлениями [Ильин, 2001: 67]. Данная точка зрения позднее получила свое развитие в когнитивных теориях эмоций.

Схожие положения можно заметить и в ассоциативной теории В. Вундта. По его мнению, чувства следовало определять в трех измерениях: как приятное/неприятное, по степени активации и концентрированности внимания [Лихи, 2003: 105]. Эмоции определялись как изменения, характеризующиеся непосредственным влиянием чувств на течение представлений и, в некоторой степени, влиянием последних на чувства, а органические процессы рассматривались как следствие эмоций. При возникновении в сознании человека эмоции она всякий раз вызывает по ассоциации соответствующее ей, близкое по содержанию ощущение, которое порождает определенные мимические движения. Например, мимика презрения (выдвигание нижней губы вперед) сходна с движением, сопровождающим выплевывание чего-либо неприятного, попавшего в рот человеку [Ильин, 2001: 68].

Совсем о другой природе эмоций говорит книга Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных». Создатель теории эволюции биологически объясняет происхождение эмоций и их физиологических проявлений. Эмоции представляют собой реакцию организма в процессе эволюции в борьбе за существование, и экспрессия основных эмоций одинакова как у человека, так и у его ближайших зоологических представителей. Например, стиснутые зубы, покраснение лица, затрудненное дыхание и напряжение в мышцах при ярости объясняется тем, что животные, когда им угрожал враг, напрягали все свои силы в борьбе и

самозащите. Таким образом, наследственная привычка к мышечным усилиям приобреталась в ассоциации с состоянием ярости, а это состояние прямо или косвенно воздействовало на различные органы [Дарвин, 1953].

О развитии системы эмоций у человека в процессе эволюции говорится в последующем и в биологической теории эмоций П.К.Анохина. Исследователь связывает возникновение тех или иных эмоций с физиологическими потребностями организма. Негативные переживания говорят об отклонениях во внутренней среде организма (голод, жажда), что активизирует соответствующую программу действий. Достижение поставленных целей сопровождается положительным эмоциональным фоном. Таким образом, ведущие эмоции определяют направленность поведения, постановку цели, формирование результата действия. Ситуативные же эмоции, которые возникают при оценке отдельных действий, позволяют корректировать поведение и достигать поставленной цели [Анохин, 1975].

Однако фундаментом для современных теорий эмоций считается периферическая теория У. Джемса и К.Г. Ланге. Эти ученые независимо друг от друга выдвинули идею о том, что возникновение эмоций обусловлено внешними изменениями как в произвольной двигательной сфере, так и в сфере непроизвольных актов сердечной, сосудистой, секреторной деятельности. То есть периферические органические изменения, которые обычно рассматривались как следствие эмоций, объявлялись их причиной: «мы печальны, потому что плачем; приведены в ярость, потому что бьем другого; боимся, потому что дрожим» [Джемс, 1991: 275].

Данная концепция встретила своих противников. У. Кэннон, а позже и П.Бард экспериментальным путем доказали, что телесные изменения не всегда сопровождаются эмоциональными переживаниями. Более того, они возникают одновременно в соответствующих структурах центральной нервной системы как ответ на какой-либо раздражитель [Маклаков, 2001: 403]. Эта теория получила название психоорганической теории эмоций и получила дальнейшее развитие в исследованиях головного мозга.

Вслед за теориями, объясняющими природу эмоций, появились и другие, раскрывающие влияние эмоциональных явлений на психику и поведение человека. Психоаналитическая теория эмоций З.Фрейда рассматривала возникновение эмоций как результат бессознательных инстинктивных влечений.

При этом во внимание принимались только негативные эмоции, возникающие в результате конфликтных ситуаций. Считалось, что воспринятый образ вызывает у человека бессознательный процесс, в ходе которого происходит неосознаваемая «мобилизация» инстинктивной энергии. Если она не находит применения во внешней активности человека, «разрядка» происходит в виде эмоционального переживания.

С развитием когнитивной психологии связано происхождение различных когнитивистских концепций эмоций. Согласно когнитивистско-физиологической теории С. Шехтера, проявление эмоций может быть обусловлено словесными ин-струкциями и эмоциогенной информацией. Так, людям давали в качестве «лекарства» физиологически нейтральный раствор, причем в одном случае им говорили, что оно будет вызывать у них эйфорию, а в другом — состояние гнева. И действительно, после принятия «лекарства» через отведенный инструкцией временной промежуток у испытуемых появились ожидаемые эмоциональные переживания.

К разряду когнитивистских относится и информационная концепция эмоций П.В.Симонова. В соответствии с этой теорией эмоциональные состояния определяются качеством и интенсивностью актуальной потребности индивида и оценкой, которую он дает вероятности ее удовлетворения. Оценку этой вероятности человек производит на основе врожденного и ранее приобретенного индивидуального опыта, непроизвольно сопоставляя информацию о средствах, времени, ресурсах, предположительно необходимых для удовлетворения потребности, с информацией, поступившей в данный момент. Так, например, эмоция страха развивается при недостатке сведений о средствах, необходимых для защиты. [Маклаков, 2001: 405].

В данной работе были рассмотрены только наиболее распространенные из них. В каждой концепции можно выделить свои достоинства и недостатки, и все они имеют право на существование. Однако они представляют собой лишь разрозненные знания, касающиеся лишь частных аспектов проблемы, и непригодны для решения конкретных вопросов.

2.2. Понятие эмоции в психологии

Многие исследователи (А.Н. Леонтьев, Ф. Тайсон, Р. Тайсон и др.) считают, что трудности при изучении эмоций возникают вследствие неразграничения видов психических явлений.

«Различные теории аффектов зачастую несовместимы друг с другом и запутывают читателя, потому что каждый автор пытается по-своему определить релевантные концепции и феномены, одни более явно, чем другие. Вдобавок термины аффект, эмоция, чувство нередко используются как взаимозаменяемые, что отнюдь не добавляет ясности концепции аффектов» [Тайсон Ф., Тайсон Р., 1998: 173].

На сегодняшний день заметна тенденция к эмпирическому изучению отдельных эмоциональных реакций без попыток теоретического осмысления. Встает необходимость наведения порядка в используемом понятийном аппарате. Не претендуя на полное и законченное раскрытие

данной темы, попробуем разобраться в том, что авторы понимают под эмоциями и какие виды эмоций они выделяют.

С позиций этимологии понятие «эмоция» обозначает «переживание» (от лат. *emovere* «волновать»).

Эмоции обнаруживают прочную связь с физиологией.

Эмоции рассматриваются как физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека [Анохин, 1978: 397].

Помимо этого, эмоции определяются как особый класс психических процессов и состояний, которые связаны с инстинктами человека, его потребностями и мотивами. «Эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта путём отражения значимости внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [Леонтьев, 1983: 257].

В эмоциях выражаются важные для человека явления ситуации, которые его окружают. Они отражают, что значимо и что не значимо. Можно говорить об эмоциях в случаях, когда возникают особые состояния – пик переживания, или когда человек чувствует, что работает по максимуму, когда он испытывает гордость за себя [Маслоу, 1999].

Наиболее существенной чертой эмоций является их субъективность. Если такие психические процессы, как восприятие и мышление, позволяют человеку более или менее объективно отражать окружающий и не зависящий от него мир, то эмоции служат для отражения субъективного отношения человека к самому себе и к окружающему его миру. Именно эмоции отражают личную значимость познания через вдохновение, одержимость, пристрастность и интерес.

2.3. Подходы к классификации эмоций

Вследствие многогранности проявления эмоций на различных уровнях отражения и деятельности существует множество классификаций в зависимости от того, что именно автор вкладывает в данное понятие. Одни ученые признают существование базовых эмоций, другие считают, что человек конструирует эмоции из своего жизненного опыта, что эмоция является продуктом культуры, социализации и обучения.

В виду бесчисленности эмоциональных реакций и ситуаций, их порождающих многие исследователи сходятся во мнении о невозможности создания универсальной классификации эмоций. На этой почве появляется множество таких, которые отвечают лишь одной какой-то задаче. Большинство подобных классификаций не являются общепринятыми, и представляют собой больше субъективный взгляд на сущность эмоций.

В зависимости от потребностей и целей человеческой деятельности Б.И. Додонов выделяет: 1) альтруистические эмоции (жалость, нежность, преданность); 2) коммуникативные эмоции (симпатия, уважение,

признательность); 3) глорические эмоции (гордость, самолюбие, удовлетворенность); 4) практические эмоции (чувство напряженности, увлеченности работой, приятной усталости); 5) пугнические эмоции (жажда острых ощущений, азарт); 6) романтические эмоции (чувство ожидания «светлого чуда»); 7) гностические эмоции (чувство догадки, радости открытия истины); 8) эстетические эмоции (чувство прекрасного, светлой грусти); 9) гедонистические эмоции (наслаждение приятными физическими ощущениями); 10) акзигитивные эмоции (интерес к приобретению, накоплению) [Додонов, 1978: 109]. Однако данная классификация представляется несколько ограниченной, поскольку относится лишь к эмоциям, которые придают непосредственную ценность самому процессу человеческой деятельности. По существу, основой выделения тех или иных групп являются мотивы, которым служат эмоции. Более того, признаком выделения группы эмоций нередко выступают желания и стремления, что создает еще большую путаницу.

Более развернутую классификацию чувств дает А.Н. Лук, выделяя в них 3 «этажа»: 1) высшие социальные чувства (чувства справедливости, долга, бескорыстия, прекрасного и др.); 2) чувства «промежуточного этажа», которые могут быть по-ложительными (радость, любовь, гордость, злорадство), отрицательными (горе, неприязнь, смущение, ужас) и чувственно-нейтральными (безразличие, любопытство, спокойствие, изумление); 3) «низшие» эмоции (чувства голода, жажды, боли и др.) [Лук, 1982: 20]. Первый и третий «этажи» включает в себя перечень эмоций, раскрывающих нравственные и волевые свойства и качества человека. Во второй же группе представлены собственно эмоциональные переживания, которые довольно подробно и четко разграничены в плане их влияния на общее поведение и психологическое состояние человека.

Эмоции имеют одни и те же выражения и характеристики в различных обществах, на разных континентах земного шара.

Так, все эмоции могут делиться на первичные (базовые) и вторичные [Ekman, 1999, Plutchik, 1980, Ortony, Turner, 1990]. Разные авторы называют различное число базовых эмоций (от двух до десяти). Наиболее известной является классификация

К. Изарда, который выделяет 10 фундаментальных эмоций: интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх и стыд [Изард, 1999]. Несколько отличается список, представленный С. Томкинсом: страх, гнев, наслаждение, отвращение, интерес, удивление, презрение, стыд, горе [Tomkins, McCarter, 1964]. На основе изучения лицевой экспрессии П. Экман с сотрудниками выделяют шесть эмоций: гнев, страх, отвращение, удивление, печаль и радость [Ильин, 2001: 138]. Однако большинство эмоций в этих списках в значительной степени совпадает. По мнению создателей данной классификации, переживания человека не ограничиваются вышеперечисленными. Все остальные

эмоциональные состояния являются производными, или вторичными, т.е. возникают на основе нескольких фундаментальных.

Базовые эмоции обладают рядом общих характерных признаков, поскольку все они 1) возникли в результате эволюционно-биологических процессов; 2) представлены в сознании в форме непосредственных переживаний; 3) имеют двойственный психофизиологический характер: с одной стороны, это аффективное волнение, а с другой – его ограниченное проявление; 4) имеют ярко выраженную субъективную окраску; 5) оказывают организующее и мотивирующее влияние на человека; 6) наблюдаются у всех человеческих культур [Ильин, 2001: 90].

Подобное деление также встречается у П. Э. Гриффитса, который выделяет так называемые «базисные эмоции» и сложные эмоции, или «сложные эмоциональные эпизоды» [Griffiths, эл.ресурс]. Под первыми он имеет в виду «короткоживущие эмоциональные отклики, гомологичные встречающимся у других позвоночных», такие как опасение, гнев, отвращение, печаль, радость и удивление, под вторыми – внутренние переживания, сочетающие в себе различные эмоциональные состояния одновременно.

Предполагается, что базовые эмоции выступают как родовые по отношению к соответствующим группам других чувственных явлений, которые на основе качественного сходства «стягиваются» вокруг эмоций более общего характера [Витт 1983: 31]. При выделении денотативных классов эмотивной лексики лингвистам можно отчасти ориентироваться на психологическую номенклатуру эмоций, но при этом учитывать неоднозначность терминологии эмоций. «Многие названия эмоций в действительности по-разному соотносятся с реальными их переживаниями» [Додонов, 1987: 25, Рейковский, 1979: 160].

Наиболее традиционным является деление всех эмоций на положительные и отрицательные. К первым обычно относятся те, которые способствуют душевному подъему, дают энергию, усиливают волевую активность. Вторая группа эмоций ослабляет волю, снижает активность, предрасполагает к пассивно-оборонительным действиям, ухудшает организацию деятельности.

Как уже упоминалось, связь эмоций с потребностями организма рассматривал известный физиолог П.К. Анохин. Он утверждал, что с физиологической точки зрения перед человеком стоит задача раскрыть механизм процессов, которые в итоге приводят к возникновению как отрицательного (потребность), так и положительного (удовлетворение потребностей) эмоционального состояния [Анохин, 1964: 355]. Таким образом, он также выделял два вида эмоций. При этом из определения следует, что отрицательные эмоции возникают тогда, когда человек испытывает потребность, а положительные – при ее удовлетворении. Дифференциация позитивных и негативных эмоций может послужить

целям лингвистического исследования в качестве основания тех или иных оппозиций эмотивов.

Но данное разграничение является весьма условным, поскольку, как мы отмечали, одно и то же психическое состояние может представлять собой сложное единство противоположных сочетаний. Сопоставление по типу оценочного знака является семантической универсалией, которая свойственна эмотивной лексике всех языков. Однако в антонимические отношения вступают лишь те наименования эмоций, которые регулярно противопоставляются и вне контекста вызывают в нашем сознании представление о своей противоположности [Шахова, 1980: 15].

Надо отметить, что эмоциональные процессы не являются однородными и обычно отличаются друг от друга по форме переживания (длительности и интенсивности). На этом основании предлагается следующая классификация эмоций, которая, как нам кажется, наиболее полно раскрывает оттенки переживаний, испытываемых человеком:

- аффекты – сильные, кратковременные эмоции, вызывающие необходимость выполнить какое-либо действие, но при этом у человека теряется чувство реальности;
- собственно эмоции – относительно длительные состояния, которые представляют собой реакцию не только на текущие события, но и на вероятные или вспоминаемые;
  - чувства – глубинные и устойчивые эмоции, имеющие четко выраженный предметный характер и связанные в большей степени с социальной сферой;
  - настроения – «хроническое» эмоциональное состояние, отличающееся меньшей интенсивностью и отражающее бессознательную обобщенную оценку того, как на данный момент складываются обстоятельства.
- страсти – высшее проявление эмоциональных состояний, представляющее собой «сплав» эмоций, мотивов и чувств, сконцентрированных вокруг определенного вида деятельности или предмета;
- стрессы – очень сильная эмоциональная реакция организма на воздействия, характеризующиеся повышенной активностью организма и вызывающие физическую и психическую травму [Маклаков 2001].

Часто настроения и эмоции рассматриваются как один вид переживаний, поскольку считается, что они возникают как реакция на оценку [Mayer, Salovey, 1988: 88]. «Менее дифференцированная природа настроений отражена в том, что в языке, по-видимому, имеется меньше слов для обозначения настроений, чем для обозначения эмоций» [Ellis, Ashbrook, 1988: 59].

Как правило, психическое состояние человека в каждый момент может включать несколько оттенков переживаний.

Так, ярость представляет собой аффект гнева, блаженство – аффект радости и удовлетворения, а обожание – это любовь, ставшая страстью [Лук, 1982: 27].

Таким образом, на основе проанализированного содержания раздела , можно сделать следующие выводы

1.. Если философия выдвинула разрозненные взгляды по вопросу сущности эмоций, то психология попыталась полученные данные систематизировать. Однако многое в учении об эмоциях представляет собой скорее отдельные аспекты одной проблемы. Так, до сих пор нет единого мнения о природе эмоций и механизмах их возникновения, отсутствует общепринятая классификация и точные методы исследования эмоциональных явлений, неупорядочен понятийный и терминологический аппарат.

2. Вместе с тем нельзя не учитывать, что по ряду положений взгляды психологов совпадают. Среди них мы можем отметить следующие: эмоции выполняют организующее и мотивирующее влияние на поведение человека, имеют двойственный психофизиологический характер, являются результатом эволюционно-биологических процессов и в зависимости от общественно-исторических и иных условий подвергаются изменениям. и некоторые другие.

3. При проведении лингвистических исследований могут быть приняты во внимание некоторые выдвинутые психологами классификации (дифференциация положительных и отрицательных эмоций и разграничение базовых и вторичных эмоций).

ГЛАВА II

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭМОЦИЙ

Раздел I. Категория эмоциональности в лингвистике

В современном языкознании выделяют как отдельное направление эмотиологию, или лингвистику эмоций. Сформировавшись совсем недавно – в 80-х гг. XX века – на стыке психологии и традиционного языкознания, она начинает активно развиваться. В рамках данной науки изучаются роль эмоций в языке, речи, тексте (Е.Ю. Мягкова, О.Е. Филимонова, В.И. Болотов), в языковом поведении человека (Н.В. Витт), механизмы вербализации эмоций, а также понятия эмоциональной языковой личности, эмоционального концепта (А. Вежбицкая, Н.А. Красавский) и т.д. Таким образом, основные задачи эмотиологии сводятся к исследованию субъективных компонентов значения единиц языка [Ионова, 2004: 5], а также к вербализации, аккумуляции, структуризации и «межпоколенной трансляции знаний об эмоциях», зафиксированных в языке [Шаховский, 2008].

В указанном направлении эмоции неоднократно исследовались. Так, были описаны следующие эмоциональные концепты: «любовь» и «ненависть» в русском языке и американском варианте английского языка [Балашова, 2004], «радость» в русском и английском языках на материале произведений Ф.М. Достоевского и Ч. Диккенса [Сергеева, 2004], «обида» в русском языке [Эмих, 2005], «удивление», «радость», «стыд», «страх», «печаль / горе», «гнев», «презрение / отвращение» в русской и английской лингвокультурах [Погосова, 2007], «злость» в русском языке [Крылов, 2007],

«тоска» и «радость» в художественных картинах мира И.А. Бунина, Ф. Сологуба, И.Ф. Анненского [Шмугурова, 2011], концепты: «любовь», «радость», «счастье», «тоска» в грузинском языке [Якобидзе, 2015].

1.1. Определение категории эмотивности

В современной лингвистической литературе представлены многочисленные работы, в которых рассматриваются проблемы эмотивности. Однако до сих пор не сложилось единого понимания её сущности.

Прежде чем мы обратимся к различным определениям эмотивности, остановимся на принципиальной **разнице понятий** «эмоция», «эмоциональность», «экспрессивность», «эмоциональная лексика». Под эмоциями понимают состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него факторов и выражающиеся прежде всего в форме непосредственных переживаний удовлетворения или

неудовлетворения его актуальных потребностей [Головин, эл. ресурс]. Т.В. Семёнова пишет, что эмоции с человеком составляют нерасторжимое, хотя и не всегда соблюдаемое единство. В языке эмоции имеют двойной способ обнаружения. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речи говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок. Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобно любой другой конкретно наблюдаемой реальности. Поэтому, учитывая наличие в эмоциональном опыте человечества группы универсальных эмоций, можно сказать, что существуют универсальные эмотивные смыслы и в лексической семантике. Это обусловлено семантикой отражения, потому что опыт человечества в познании эмоций, как и любого другого фрагмента мира, закрепляется в языковых единицах [Семёнова, 2010: 156]. Итак, эмоции активно изучаются в лингвистике, соответственно термин «эмоция» широко используется в языковедческой литературе.

Наряду с ним учёные оперируют такими понятиями как «эмоциональность» и «эмотивность». Расшифруем эти термины. Как отмечают исследователи, термин «эмоциональность» достаточно длительное время употреблялся как в психологических, так и в лингвистических работах. Языковеды вкладывали в него содержание, связанное со спецификой языковой репрезентации эмоций. Наряду с этим лингвисты осознавали условность вербальной характеристики эмоций, лишь приблизительно отражающей реальное жизненное пространство. Всё это вело к поиску обозначений, конкурирующих с психологическими терминами, следствием чего явилось введение понятия «эмотивность» [Калимуллина, 2006: 71–72; Зотова, 2010: 14–15]. Итак, основное разграничение понятий «эмоциональность» и «эмотивность» проходит по линии психологическое / лингвистическое. В связи с этим В.И. Шаховский пишет, что эмоциональность – это психологическая категория, а эмотивность – языковая. Эмоциональность отражает психическое состояние человека, в то время как эмотивность – это вербальное выражение эмоций говорящего [Шаховский, 1987].

Эмотивность, в отличие от эмоциональности, выступающей на психологическом уровне, является лингвистической категорией [Березина, 2014: 90]. Эмоциональность в данном случае отражает психическое состояние человека, а эмотивность – выражение эмоций говорящего на языковом уровне.

Л.А. Калимуллиной был выполнен критический анализ различных концепций эмотивности. Он позволил выделить четыре основных подхода к её определению.

1. Лексикоцентрический подход. Он является наиболее традиционным в российской и зарубежной лингвистике. В рамках данного подхода лингвисты считают словарные единицы основным средством вербализации эмоций.

Г. Рамишвили предлагает для исследования эмоций прежде всего:

- 1) описать лексику слов, обозначающих эмоции.;
- 2) описательную лексику довести до абстрактной и объединить их по редуктивному правилу;
- 3) прояснить связь между метафорой и семантическим полем [Рамишвили, 1995: 146].

Опираясь на их разные характеристики, учёные относят к эмотивному фонду те или иные группы лексем: 1) междометия и аффективы; 2) названия эмоций; 3) слова с суффиксами субъективной оценки; 4) слова, в семантической структуре которых содержится эмоционально-оценочный компонент; 5) оценочные слова и др. [Калимуллина, 2006: 71–72].

2. Коммуникативная концепция эмотивности. Согласно данной концепции эмотивность представляет собой функционально-семантическую категорию, так как отвечает всем её признакам: общность семантической функции, взаимодействие лексических и грамматических элементов, членение по типу «центр – периферия». Исследуя коммуникативную сущность категории эмотивности, языковеды решают вопросы о языковых функциях в целом и об эмотивной функции – в частности, о том, как разграничивать эмотивную и экспрессивную функции, а также о том, какой класс языковых единиц может выражать эмотивную семантику [Калимуллина, 2006: 74–75].

3. Психолингвистический подход. В рамках данного подхода развивается мысль о том, что носители языка для выражения чувств и эмоций используют разнообразные средства, и эмотивная лексика составляет лишь небольшую часть от всего лексического состава. В связи с этим основное внимание уделяется языковым единицам, которые характеризуются разного рода коллективными и индивидуальными коннотациями, имеющими эмоциональную значимость для говорящего. Иначе говоря, психолингвистическая трактовка эмотивности допускает в качестве репрезентантов соответствующей семантики единицы, которые характеризуются эмоциональными ассоциативными связями [Калимуллина, 2006: 75–77]. Кроме того, психолингвисты на основе проведённых экспериментов выдвинули теорию панэмоциональности, т.е. потенциальной эмоциональности лексических единиц. Согласно этой теории любое слово, функционирующее в индивидуальном лексиконе, при соответствующих обстоятельствах может оказаться эмоциогенным [Калимуллина, 2006: 76].

4. Концепция эмотивности, разрабатываемая в рамках когнитивной лингвистики, избрала предметом исследования своеобразие эмоциональной концептосферы, представленной в том или ином языке. По мнению сторонников когнитивного подхода к проблеме эмотивности, люди создают идеализированные когнитивные модели для объяснения своей эмоциональной жизни, а метафоры помогают эксплицировать эти скрытые модели. Кроме метафорического принципа концептуализации эмоций

продуктивным является и метонимический принцип [Калимуллина, 2006: 77– 78].

Существует также иной принцип к трактовке категории эмотивности. А.Б. Зотовой был проведён анализ значительного количества научных источников, который показал, что категория эмоциональности обычно рассматривается в широком и узком смысле. В первом случае ряд исследователей (например, Я.Г. Биренбаум, А. Вежбицкая, Н.А. Лукьянова и др.) трактуют её как совокупность областей выражения чувств и эмоций субъекта, либо как усиление или интенсивность (например, М.Я. Блох, Л.А. Киселёва и др.). Во втором случае эмоциональность толкуется как отражённое и закреплённое в семантике слова чувство говорящего, его отношение к объекту речи [Зотова, 2010: 14].

Таким образом, в данной работе в качестве рабочего будет использован термин «эмоциональность» как наиболее традиционный. Эмоциональность рассматриваем в рамках лексикоцентрического подхода и понимаем её широко как использование языковых элементов с целью выражения эмоций, отношения говорящего / пишущего к обозначаемому, а также с целью воздействия на чувства адресата.

1.2.Соотношение категорий «эмоциональность» / «экспрессивность»

Категория эмоциональности тесно связана с категорией экспрессивности. Смещение

экспрессивного и эмотивного в языке приводит к тому, что термины эмотивность и экспрессивность нередко употребляются синонимично. Сторонником отождествления эмотивности и экспрессивности был Ш. Балли, который считал, что «идентифицировать экспрессивный факт– значит приравнять его к единой мысли, определить его путём подстановки простого эмоционального слова (слова-идентификатора), соответствующего представлению или понятию» [Балли Ш. ,1961:34].

В.В. Виноградов, разделяя сходную точку зрения, отмечал, что «слово переливает экспрессивными красками социальной среды; этот круг оттенков, выражаемых словом, называется экспрессией слова, его экспрессивными формами; экспрессия всегда субъективна, характерна, лична» [Виноградов В.В., 1977: 18].

А.М. Эмирова под экспрессивным компонентом понимает «часть прагматического значения, которая связана с выражением эмоций и оценок говорящего (в лексике и фразеологии) – так называемое эмотивное,

эмоционально-оценочное значение, в грамматике– субъективно-модальное» [Эмирова А.Н., 1988:15].

Ю.М. Осипов считает, что понятия экспрессивности и эмотивности не могут сопоставляться ни как равнозначные, ни как различные по объёму. Он полагает, что данные понятия «не взаимозаменяемы, так как находятся в отношении дополнительности друг к другу. Они соотносятся как величина... и функция» [Осипов Ю.М.,1970.: 125]. По его мнению, эмотивность составляет компонент значения слова и является в этом смысле элементом языковой системы, а экспрессивность возникает только в результате отбора и употребления языковых единиц и поэтому не входит в значение слова- «речь, которая сама есть выражение, не может состоять из средств выразительных и невыразительных(нейтральных)» [Осипов Ю.М., 1970: 126].

В.И. Шаховский считает экспрессивность и эмотивность частично сходными, но автономными явлениями и допускает существование неэкспрессивной эмотивности. Он считает, что эмотивность высказывания всегда связана с реализацией эмоциональной оценки, в то время как экспрессивность чаще связана с интеллектуальным намерением убедить в чём-нибудь адресата[Шаховский В.И., 1987: 3–25].

По мнению Н.Л. Шадрина, важно разграничивать понятия эмотивности и экспрессивности. [Шадрин Н.Л., 1991.: 99]. Е.М. Галкина-Федорук полагает, что экспрессивность шире эмоциональности, так как способна пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное, а также эмоциональные средства служат для выражения чувств, а экспрессивные – для усиления выразительности, как при выражении эмоций, так и при выражении мысли. [.Галкина-Федорук Е.М.,1958:107]

Г.Н. Акимова полагает, что «точный перевод самого слова экспрессия– "выражение" вызывает мысль об экспрессивности языковых средств как об их выразительных возможностях, т.е. специальном стилистическом приёме» [Акимова Г.Н., 1988.:15].

В.Н. Телия, разграничивая понятия эмотивность и экспрессивность, рассматривает экспрессивность«не как свойство отдельных единиц, а высказывания в целом; экспрессивность выражается интонационной структурой и, соответственно, восклицательной формой предложения» [Телия В.Н., 1986: 42].

По мнению автора, эмотивность также не предполагает обязательной экспрессивности, например, высказывание«"мне нравится ваш план" представляет собой оценку, где эмотивность является ведущим фактором, однако экспрессивность отсутствует» [.Телия В.Н, 1986: 43]. Как и В.Н. Телия, Е.М. Вольф считает, что эмотивность– «это языковая категория, подразумевающая лишь те эмоциональные явления, которые связаны с выражением эмоционально-оценочного отношения, направленного на создание у слушателя эмоционального резонанса» [Вольф Е.М., 1985: 114].

Д.С. Писарев, относя экспрессивность к прагматическим категориям, подчёркивает, что главное отличие между экспрессивностью и эмоциональностью состоит в следующем: если основной функцией эмоциональности является чувственная оценка объектов внеязыковой действительности, то экспрессивность— это целенаправленное воздействие на слушателя с точки зрения впечатляющей силы высказывания, выразительности, его эстетической характеристики[Писарев Д.С., 1983:121].

М.В. Никитин, исследуя семантические факторы экспрессивности поэтического слова, пришёл к выводу, что экспрессивность— это сила впечатления от мысли как функция способа её выражения – «в определение экспрессивности, безусловно, входит способность производить, оставлять сильное глубокое или, по меньшей мере, заметное впечатление» [Никитин М.В., 1996 :298].

Экспрессивным М.В. Никитин называет такое выражение, которое обеспечивает высокую меру внимания к себе за счёт своей формы, своего строения, а экспрессивность— впечатляющая сила способов языкового выражения некоторого когнитивного содержания[Никитин М.В., 1996: 302].

Эмотивность М.В. Никитин трактует как простейшие случаи экспрессивности, построенные на принципе количества эмотивно значимого языкового средства за счёт корреляции между эмотивностью и экспрессивностью выражения: «субъективное переживание говорящим элементов содержательной структуры высказываний и текстов через выражающие их языковые средства становится сигналом той значимости, которую им придаёт говорящий и которую он хочет довести до адресата. Количественная мера одного определяет меру второго». Такой вид экспрессии автор называет количественно-эмотивным [Никитин М.В., 1996 :302].

Л.П. Чахоян связывает понятия эмотивности и экспрессивности с речевой деятельностью и отмечает, что их следует изучать только с учётом того, что хотел сказать говорящий, того, что высказывается им с помощью предложения, другими словами, необходимо осознать то, что предложение— это не только структурно-системная единица языка, но и высказывание, то есть системно-функциональная единица речи [Чахоян Л.П., 1988:126].

Таким образом, считаем,, что разграничение эмотивности и экспрессивности возможно в случае закрепления за категорией эмотивности статуса функционально-семантической категории, а за категорией экспрессивности статуса коммуникативной.

1.3. Связь категорий оценки и эмотивности

Понятие эмотивности иногда рассматривают вместе с понятием оценочности(оценки). Разные учёные по-разному описывают понятие оценки. Н.Д. Арутюнова считает, что оценка связана с нормой, с системой нравственных, этических, эстетических критериев. При оценке

наблюдается взаимодействие общечеловеческой системы ценностей и индивидуальных стремлений к объективной или мнимой реальности [Арутюнова Н.Д., 1988 :34].

Е.М. Вольф определяет оценку как один из видов модальности, как некую модальную рамку, которая накладывается на дескриптивное содержание высказывания и не совпадает ни с его логико-семантическим построением, ни с синтаксическим. Автор приводит формулу, лежащую в основе оценочной модальности – ArB , где A – субъект оценки (эксплицитное или имплицитное лицо или социум, с точки зрения которого даётся оценка); B – объект, предмет, событие, положение вещей, к которому относится оценка; r – оценочное отношение, которое имеет значение хорошо/плохо [Вольф Е.М., 1985 : 12].

М.В. Никитин соотносит оценку с некоторой нормой, эталоном: «особенность оценки как духовного действия состоит в том, что объект оценки соотносится по какому-то своему признаку или параметру (основанию оценки) с некоторой шкалой или эталоном количественного или качественного сравнения объектов, имеющих в распоряжении субъекта оценки, и ориентировочно определяется относительно этих координат по месту в них» [Никитин М.В., 2000:8]. Автор описывает оценку на пяти уровнях описания денотата: онтологическом (оценка решает задачи ориентации в мире, языковыми маркерами онтологической оценки являются модальные слова с семантикой меры и модуса возможности-вероятности и единицы со значением симптоматического количества); эпистемическом (оценивается мера истинности суждений, их соответствия действительности); репрезентационном (оценивается адекватность выраженных значений выражаемой мысли); прагматическом (связь оценки с ценностными прагматическими представлениями хорошо-плохо); эмотивном (оценка квалифицирует денотаты с точки зрения того, приятные или неприятные ощущения, переживания и эмоции они доставляют) [Никитин М.В., 2000: 8–19].

Некоторые учёные показывают тесную взаимосвязь между понятиями оценочность и эмотивность, например, Е.М. Вольф рассматривает эмотивность как чувственную оценку объекта, В.И. Болотов высказывает точку зрения, в которой оценочность и эмотивность взаимосвязаны. Автор полагает, что «эмоции и оценка неразделимы, если событие, описанное в тексте, затрагивает личное благополучие воспринимающего текст индивида» [Болотов В.И., 1986: 11]. Н.А. Кобрина видит в эмотивности и оценочности много общего «в плане соотносимости номинации с концептуальной сферой; здесь проявляется большая роль психологического компонента, который предопределяет очень большую степень модификации вербальной реализации сравнительно с исходным концептом» [Кобрина Н.А., 2005 : 85].

Э.С. Азнаурова считает, что отождествлять эти два понятия неверно, «ибо в их основе лежат, в конечном счёте, различные способы духовного освоения

мира» [[АзнауроваЭ.С., 1973: 116].. И.В. Арнольд, разделяя эту же точку зрения, отмечает, что «эмоциональный компонент возникает на базе предметно -логического, но раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснять предметно-логическое значение или значительно его модифицировать» [Арнольд И.В., 1990:108].

А.В. Кунин и М.С. Ретунская разграничивают эти два понятия, при этом не отрицают тот факт, что эмоции сопровождаются всегда оценкой. Под оценкой А.В. Кунин понимает «объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [КунинА.В., 1984:181].

Можно прийти к выводу, что оценочность– это языковая функционально-семантическая категория, при этом оценочные значения имеют как рациональную (интеллектуальную, логическую), так и эмоциональную основу. Но также следует отметить, что оценка является необходимым компонентом эмоциональной реакции, так как определение значимости события и ситуации, а, следовательно, и активизации эмоции, происходит через оценивание.

1. 4. Эмотивность и образность.

Понятие образности в лингвистике связывают с двумя науками: лингвостилистикой и лексикологией. Лингвостилистика рассматривает образность в функциональном аспекте, её объектом являются языковые единицы индивида, такие, как авторские употребления.

Лексикология изучает семантическую природу образных слов, являющихся элементами языковой системы. В данной области наиболее полно исследован такой аспект образности, как метафорическая образность.

М.В. Никитин предлагает посвятить проблематике образа отдельную научную дисциплину– имагиологию(имиджелогия). По его мнению, «в лингвистике до самого последнего времени, даже в когнитивной семантике, воспринимающей плодотворные импульсы от когнитологии, ограничиваются констатациями того, что в значении языковых единиц наличествует чувственно-образный компонент, но мало что известно о его характеристиках и месте в глобальной структуре языковых значений» [НикитинМ.В., 1997: 198].

Н.Д. Арутюнова в своей работе «Язык и мир человека» рассматривает понятие образности как переход оппозиции форма– материя в новое порождённое человеком отношение форма – смысл. Отделившись от материальной категории, форма(образ) сливается с духовной(идеальной) категорией [Арутюнова Н.Д., 1998 :314]. Автор считает, что «основным источником образов является зрительное восприятие, которое фиксирует форму, цвет, свет, объём, положение в пространстве, пропорции. Одного из этих элементов недостаточно для создания образа. Образ синкретичен.

Он объединяет данные, поступающие по разным каналам связи человека с миром, из которых ведущим является зрительный» [Арутюнова Н.Д., 1998 :115]. И.В. Арнольд и Н.Д. Арутюнова считают, что в основе образности лежит эмоциональное восприятие мира, которое, декодируясь реципиентом, может вызвать у него ответный эмоциональный эффект [Арнольд И.В., 1981: 74; Арутюнова Н.Д., 1990: 56].

Можно сделать вывод, что взаимосвязь понятий эмотивность и образность носит двусторонний характер. С одной стороны, образность может возникнуть вследствие эмотивного восприятия действительности, в данном случае эмотивное присутствует в семантике образных единиц. С другой стороны, эмотивное может рассматриваться как производное от образного, что связано с тем эмоциональным эффектом, который возникает у реципиента в процессе декодирования образных средств языка.

Таким образом, проанализировав такие понятия, как эмотивность, эмоциональность, экспрессивность, оценочность и образность, можно сделать вывод, что данные понятия не синонимичны и их следует разграничивать.

2.5. Языковые средства выражения и описания эмоций

Эмоциональные значения различны и многочисленны (радость, страх, гнев, удивление и др.), однако языковые средства их выражения обладают рядом некоторых специфических, присущих только им характеристик:

- 1) их употребление закреплено и допустимо в речи;
- 2) они обладают регулярностью и высокой частотностью в употреблении;
- 3) они нормативны, так как отступление от правил их употребления затрудняет восприятие речевого сигнала;
- 4) они принципиально выделимы в речи и составляют, по-видимому, собственный уровень в системе языка [Денисов К.М., 1987: 36-39]

По мнению В.И. Шаховского, «категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстает в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах» [Шаховский, 2008]. Рассмотрим некоторые из них..

Лексический уровень

Л.Г. Бабенко считает, что семантическая категоризация эмоций должна осуществляться при рассмотрении лексики, называющей эмоции, потому что в ней эмотивные смыслы эксплицитны, более устойчивы и стабильны. Эти слова – непосредственные знаки эмоций. Исследователь обращает

внимание на то, что лексика эмоций и эмоциональная лексика имеет разную природу эмотивной заряженности. Тем не менее, слова этих групп участвуют в отображении эмоций человека, они соотносятся с миром эмоций и отображают этот мир. Поэтому Л.Г.Бабенко предлагает объединить эти группы в одну и обозначить эту совокупность как эмотивную лексику [Бабенко, 1989: 12–14].

В.И. Шаховский, Г.А. Копнина, А.В. Щербаков и др. выделяют два класса эмотивной лексики: лексика эмоций, включающая слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях, и эмоциональная лексика, представляющая собой эмоционально окрашенные слова с чувственным фоном. С точки зрения В.И.Шаховского, эмотивы (в его понимании – экспрессивная лексика, выражающая эмоции) являются собственно эмотивной лексикой, так как «именно в ней осуществляется семантическая категоризация, именно она формирует лексический фонд эмотивных средств языка» [Шаховский, 1987].

М.Ю. Родионова на основе анализа ряда научных источников полагает, что в языке можно выделить три группы единиц: средства называния эмоций, средства выражения эмоций и средства описания эмоций. При этом в большинстве случаев речь идет главным образом о лексических единицах: слова, являющиеся названиями эмоциональных состояний («гнев», «радость», «презрение» и т.д.); слова, являющиеся языковым проявлением эмоций, манифестацией в речи самих эмоций, а не их обозначений (слова с экспрессивно-оценочной коннотацией); и, наконец, слова ассоциативно-эмотивные, т.е. такие, которые, не называя и не выражая эмоций, вызывают в сознании говорящих и слушающих ассоциации с теми или иными эмоциями. Последняя группа представлена в языке широким набором лексических единиц, описывающих как интенсивность переживания эмоций, так и психофизиологические симптомы эмоционального состояния, вегетативные реакции, мимику, жесты, позы, телодвижения, изменения цвета лица, фонации, локомоции и поведение человека в состоянии эмоционального напряжения. Такие лексические средства часто сопровождают основной способ репрезентации эмоционального состояния – лексические единицы, называющие эмоции, имеющие логико-предметное значение, реализующее мысль о данной эмоции [Родионова, 2015: 32–33].

По мнению Г.А. Копниной и А.В. Щербакова и др., средствами описания эмоций на лексико-семантическом уровне являются, прежде всего, слова, которые называют какое-либо чувство, эмоцию (сочувствие, страх, радость, гнев, удивление и т.д.).

Н.А. Багдасарова, исследуя лексическое выражение эмоций в контексте разных культур, предложила следующую краткую характеристику данной группы фундаментальных эмоций:

1) интерес/волнение - положительная эмоция, которая мотивирует обучение, способствует творческой деятельности, положительно влияет на внимание и любознательность по отношению к объекту интереса;

- 2) радость - максимально желаемая эмоция. Она является скорее побочным продуктом действий и условий, чем результатом стремления испытать ее. Состояние радости связано с чувством уверенности и собственной значимости;
- 3) удивление возникает под влиянием внезапного события, способствует освобождению от предыдущей эмоции и резко усиливает когнитивные процессы, связанные с тем объектом, который вызвал удивление;
- 4) горе/страдание - эмоция, переживая которую человек падает духом, чувствует одиночество, недостаток контактов с людьми, жалость к себе;
- 5) отвращение вызывает стремление избавиться от чего - либо или кого-либо, вызывается физической или психической изнашиваемостью объекта;
- 6) презрение может служить средством подготовки к встрече с опасным противником; связано с чувством собственного превосходства. «Холодная» эмоция, ведущая к деперсонализации индивида или группы, к которым эта эмоция относится. Гнев, презрение и отвращение часто идут рука об руку и поэтому их называют враждебной триадой;
- 7) страх вызывается информацией о реальной или воображаемой опасности; часто связан с неуверенностью в себе;
- 8) стыд вызывает желание спрятаться, исчезнуть; может быть связан с чувством бездарности;
- 9) вина связана со стыдом, однако стыд может появиться из - за любых ошибок, а чувство вины возникает при нарушениях морального, этического или религиозного характера в ситуациях, в которых субъект чувствует свою личную ответственность за происходящее [Богдасарова П.А., 2004].

Существует также мнение, что еще одной базовой эмоцией, а ,возможно и единственной, является вожделение [Глейтман, 2001].

На лексическом уровне средством репрезентации эмоций являются не только слова, но и фразеологические единицы. Подобно лексике, фразеология содержит богатейшие средства речевой выразительности, придаёт речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. Подавляющее большинство фразеологических единиц обозначает те же понятия, которые могут быть переданы словами или описательными конструкциями. Однако фразеологизмы отличаются от синонимичных слов нюансами значения и экспрессией, а также часто имплицитным характером языкового обозначения эмоций. Как и слова, фразеологические единицы часто не содержат прямого указания на ту или иную эмоцию, испытываемую человеком. Интерпретация эмоции в таком случае опирается на фоновые знания и языковую компетенцию [Родионова, 2015: 33].

Фонетические средства выражения эмоций включают фонологические изменения звуков (например, изменение длительности, аспирация и др.), акцентные и интонационные средства (Н.И. Жинкин, Л.В. Златоустова, И.Г. Торсуева и др.).

На лексико-семантическом уровне средствами выражения эмоциональности являются слова с эмоциональной окраской, объективно обусловленной, т.е. закреплённой лексикографически (белобрысый, шаромыга), и субъективно обусловленной, т.е. проявляющейся в контексте (проказник ты мой – ласкательно по отношению к ребёнку).

На уровне словообразования эмоциональность речи выражается стилистически окрашенными аффиксами: дочь – доченька, заяц – зайчонок, стол – столик и др.

В русском языке существует класс слов, не имеющих предметно-понятийного значения, но передающих эмоции. Это междометия: ах, ох, ух, эх, ай, ой и др.

С помощью междометий можно выразить широкий диапазон эмоций: радость, испуг, удивление и др. Также эмоции могут быть выражены с помощью некоторых частиц, например: вроде (неуверенность), ну и (удивление) и др.

На синтаксическом уровне эмоциональность выражается специальными синтаксическими конструкциями: именительными конструкциями (Ах, Франция! Нет в мире лучше края! (А. С. Грибоедов)); риторическими вопросами (Как не удивляться волшебной силе искусства?); риторическими восклицаниями (Это просто праздник какой-то!); синтаксическими повторами (И вот мама приготовила на три дня три обеда, три завтрака и три ужина и показала мальчикам, как их нужно разогревать. (Е. Шварц)). (Г.А. Золотова, М.В. Всеволодова, Е.С. Скобликова, С.Н. Цейтлин и др.). Также средствами выражения эмоциональных реакций могут служить вводные слова и сочетания, например: на счастье, к удовольствию кого-нибудь (радость); к сожалению, увы, грешным делом, к несчастью (неодобрение, сожаление) [Копнина, Щербаков, 2003: 771–772].

На морфологическом уровне в выражении эмоциональности могут участвовать все части речи (И.В. Арнольд, Э.А. Вайгла, Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Кожина, Д.Н. Шмелев и др.). Большую роль играют глаголы. Эмотивные глаголы отражают чувства и эмоции субъекта по отношению к объекту и объединяют субъект и объект в эмоциональном плане. Такая эмотивная глагольная лексика может выразить целый ряд эмоций: коммуникативные эмоции (стесняться, радоваться, гнушаться); фрустрационные (оскорбиться, печалиться, мучиться); интеллектуальные (изумляться). Глаголы также могут выразить внешние эмоции (целовать, толкать). Эмотивные существительные бывают мотивированные (производные от глагола или прилагательного) и немотивированные (страх, страсть). Подавляющее количество эмотивных существительных являются мотивированными, например: грусть, добро, страх. Эмотивные прилагательные могут отражать душевные состояния: вдохновенный, угнетенный. Эмотивные наречия исполняют роль эмоционального сопровождения какого-либо действия (наречие + глагол) или выражают признаки предмета или субъекта (существительное + прилагательное),

например: крепко спать, громко смеяться. Также выделяют слова категории состояния, которые выражают разные эмоциональные состояния: плохо, скучно, страшно, радостно, обидно, уныло. Категория состояния может выражать положительные чувства (хорошо, шутливо, скромно, весело) и отрицательные чувства (горестно, гнусно, мерзко, угрюмо).

А.С. Ильинская считает, что различные эмоциональные проявления человека могут быть выражены языковыми и паралингвистическими средствами, совокупность которых называют особым знаковым эмотивным кодом того или иного языка [Ильинская, 2006: 99]. Особый знаковый эмотивный код языка состоит из вербализованных эмотивных знаков, представляющих разноуровневые языковые единицы от фонемы до текста. Данные знаки могут обладать простой, а также осложнённой структурой, объединяющим моментом служит наличие эмотивной составляющей в структуре их значений. Большинство эмотивных знаков, отмечает А.С. Ильинская, обладают комплексным характером. Так как знаков, выражающих только эмоции, относительно немного, то зачастую они выражаются этими комплексными знаками, т.е. такими языковыми знаками, которые могут соотноситься не только с эмоциями, но и с другими объектами [Ильинская 2006: 99]. Некомплексные эмотивные знаки содержат исключительно эмотивные компоненты значения (междометия, инвективная лексика и др.), поэтому они являются наиболее чистой репрезентацией эмотивности на кодовом уровне [Ильинская, 2006: 99].

Таким образом, учёные предлагают различные варианты деления эмоциональной лексики на группы в соответствии с задачами своего исследования.

Традиционным подходом считается вычленение трёх классов эмоциональной лексики: средства названия эмоций, средства выражения эмоций, средства описания эмоций.

2.6. Лексемы как способ названия эмоций

Слова же, как уже было сказано ранее, могут называть, выражать и описывать эмоциональные состояния. Базовые эмоции и возникающие в результате их взаимодействия комплексные состояния представлены в языке в первую очередь словами, выполняющими функцию прямой номинации этих эмоций. Таким образом, базовым эмоциям в языке соответствуют слова, являющиеся их прямыми номинациями. Именно они составляют терминологическую основу любой классификации эмоций. Это слова, непосредственно называющие как сами эмоции (например, «гнев»), так и их проявление во внешности, мимике или поведении человека («гневный», гневаться») и процесс или стадию её переживания («гневаться», «разгневаться») [Родионова, 2015: 34].

Лингвистами замечено, что при установлении соответствий между эмоциями и называющими их словами возникает ряд проблем. Так, в лексиконе существуют следующие группы слов: 1) слова, обозначающие сам факт эмоционального состояния, без указания на характер эмоций (например, «волнение», «возбуждение»); 2) слова, сочетающие в своей семантической структуре несколько значений, одни из которых соотносятся с конкретными эмоциями (и / или соответствующими свойствами личности), а другие – с эмоциональным возбуждением как таковым, например, «неистовство» – это и «необузданное проявление какого-либо чувства; состояние крайнего возбуждения, иступлённость» и «иступлённая жестокость; зверство» [Ефремова,2000]; 3) слова, которые могут называть несколько эмоций, например, «ужас» – «чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние безвыходности, подавленности, оцепенения или трепета» и «крайнее изумление, вызванное негодованием или отвращением» [Ефремова,2000]. Данная лексема соотносится с такими эмоциями, как страх и удивление [Родионова, 2015: 34–35]. Такие семантические особенности данной группы слов затрудняют их однозначное соотнесение с базовыми эмоциями.

В этих случаях наиболее объективным критерием выделения слов-номинатов эмоций может служить выявление соотнесенности семантики этих слов с базовыми эмоциями, наличие в словарных дефинициях указания на такую соотнесенность, хотя бы для одного лексико-семантического варианта. Кроме того, в подобных случаях требуется анализ характера взаимодействия отдельных базовых эмоций в составе называемого словом комплексного эмоционального состояния. Так, например, в случае со словом «ужас» эмоция удивления является своего рода причиной для переживания страха, что позволяет отнести данную лексическую единицу в синонимический ряд слов, репрезентирующих эмоцию страха [Родионова, 2015: 35–36].

Кроме названия эмоции как таковой, слова часто содержат в своем значении указание на степень интенсивности переживания этой эмоции. Например, синонимический ряд существительных «ярость – гнев – злоба». «Гнев» – это чувство сильного негодования или возмущения,2000]. Существительное «ярость» обозначает сильный гнев, озлобление [Ефремова,2000]. Определение указывает на высокую степень проявления эмоции гнева. «Злоба» – трактуется как чувство гневного раздражения по отношению к кому-либо [Ефремова,2000]. Эта лексема не отражает интенсивность проявления эмоции.

Таким образом, семантика лексических единиц, репрезентирующих эмоции в языке, отражает как качественные оттенки той или иной эмоции, так и количественные характеристики, что реализуется в обозначении степени интенсивности переживания той или иной эмоции.

2.7. Соотношение категорий эмотивности и модальности

Модальность – категория, которая относится к разным предметным областям, таким как философия, лингвистика, музыка, психология, логика, программирование. В лингвистической литературе модальность рассматривается как многоаспектное явление.

Высказываются различные мнения по поводу сущности данного феномена. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой модальность определяется как «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания, к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами, такими, как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т. д.» [Ахманова, 1966: 237].

Е.И. Беляева рассматривает модальность как субъективно-объективную или субъективно-относительную категорию, которая закрепляет в системе языка результаты оценки говорящим субъектом отношений и связей действительности с точки зрения характера их познания или желательности и тем самым объективирует способы выражения этой оценки любым говорящим в каждом конкретном речевом акте [Беляева, 1987: 39].

Совершенно очевидно, что данный термин в языкознании многозначен. Однако все исследователи сходятся во мнении, что модальностью называются явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе — грамматически, лексически, интонационно — выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности.

Впервые представленная в работах швейцарского лингвиста Шарля Балли, модальность связывалась с коммуникативной организацией предложения (высказывания), в котором ученый разграничивает само содержание сообщения («диктум») и отношение говорящего к сообщению («модус», или модальный компонент). Балли трактует данную категорию исключительно как синтаксическую, подчеркивая, что модальность – это «душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта» [Балли, 1955: 44].

В дальнейшем проблема модальности рассматривалась в работах многих отечественных (Е.И. Беляева, В.В. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.Г. Гак, Г.П. Немец, В.З. Панфилов, В.И. Шаховский, В.А. Карасик и т.д.) и зарубежных ученых (Ф.Р. Палмер, А.Вежбицкая, У. Хинрикс, Дж.Оллвуд, Г. Редекер и др.).

Сегодня лингвисты выделяют, а подчас и противопоставляют два типа модальности – объективную и субъективную (Н.Ю. Шведова, И.А. Филипповская, В.З. Панфилов, Г.Ф. Мусаева и др.).

Объективная модальность рассматривается как обязательный признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих предикативную

единицу – предложение. В этом случае она соотносится с содержанием модальности, предложенной В.В. Виноградовым, т.е. «выражает отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности» [Виноградов, 1975: 55] в плане реальности (осуществленности или осуществимости).

Субъективная модальность интерпретируется через «отношение говорящего к сообщаемому» и является факультативным признаком высказывания [Золотова, 2009]. Семантический объем субъективной модальности значительно шире семантического объема объективной модальности. «Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова; включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» .

Некоторые исследователи, желая развести эти два типа, предлагают для выражения понятия «объективная модальность» использовать термин модальность, а для субъективной модальности – эмотивность [Парамонов, 1998: 76].

В качестве составляющих субъективной модальности Т.В. Романова рассматривает эмоциональную оценку, связанную с эмоциональным состоянием говорящего, и эмоциональную экспрессию, которая является своего рода способом выражения отношения человека к окружающей действительности.

«Категория модальности и категории эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого» [Романова, 2008: 16]. Нельзя не согласиться с такой трактовкой категории модальности, хотя представляется более логичным сравнение с модальностью как категорией языка не эмоциональности как психолингвистической, а эмотивности как языковой категории, в функции которой и входит выражение эмоционального отношения к предмету речи и объекту оценки.

Традиционно оценка рассматривается как один из видов модальности [Телия, 1986]. Её иногда называют оценочной модальностью. Оценочная модальность выражает отношение говорящего ко всему, что мыслится как объективное, независимо от субъекта.

Е.М. Вольф также рассматривает оценку как модальность, которая «накладывается на дескриптивное содержание языкового выражения» [Вольф, 2002: 11]. Кроме того, она использует понятия «оценочность» и «эмотивность» в качестве синонимов. Оценка имеет особую структуру, называемую «модальной рамкой», которая характеризуется рядом признаков, отражающих специфику отношения субъекта к объекту.

«Эти признаки следующие – «эмотивность», или оценочность», как собственно отношение по признаку «хорошо/плохо», «эмоциональность/рациональность», «аффективность» [Вольф, 2002: 12]. В большинстве случаев эмотивность как аспект оценки неотделима от

обозначения свойств объекта, отношения субъекта к объекту: «Эмотивность выступает на первый план в оценочных выражениях типа Какая прелесть!, в высказываниях, включающих аффективные слова вроде прекрасный, отличный, скверный, дрянной. Большинство слов-оскорблений также включает прежде всего эмотивный компонент оценки: Так, болван! – в первую очередь говорит об отношении говорящего к объекту оценки, а не о свойствах последнего» [Вольф, 2002: 38–39]. Как уже подчеркивалось ранее, на наш взгляд, понятия эмотивности и оценочности не являются тождественными. Эмотивность уже «автоматически» предполагает наличие оценки. Поскольку в данном случае, оценочность рассматривается как модальность, соответственно мы можем говорить об эмотивности как одной из ее разновидностей. Она выражает эмоциональное состояние говорящего, его эмоциональное отношение к фактам речи или оказание эмоционального воздействия на адресата. Концепция позволяет нам сделать вывод о том, что проявление эмотивности в лексико-семантической системе языка является одновременным проявлением категории модальности. Более того, эмотивность – это, прежде всего, категория, которая отображает «ценностное в своей основе отношение к действительности» [Телия, 1986:

2.8. Эмотивность как базовый компонент прагматики языка

Прагматика как один из разделов семиотики существует давно, однако интерес к прагматическим аспектам языка появился лишь в 60-70-е годы XX века. Несмотря на то, что в настоящее время он находится в состоянии становления и представляет большой интерес практически во всех отраслях языкознания, до сих пор эта область исследования не имеет четких границ.

Существует несколько подходов к определению сущности прагматики по отношению к лингвистике. При широкой трактовке прагматика понимается как наука, изучающая когнитивные, социальные и культурные аспекты языка, т.е. включает в себя экстралингвистику и смежные области знания, как социолингвистика, психолингвистика, связанные с функционированием языка в обществе. В узком смысле она рассматривается как часть общих когнитивных принципов, вовлеченных в интерпретацию высказываний [Заботкина, 1999: 3], и изучает функционирование языковых образований в речи.

Определение прагматики различается в трудах лингвистов, работающих в том или ином направлении. Исследователи синтаксиса рассматривают прагматику как остаток

при синтаксическом и семантическом анализе, в частности – нестандартные или аномальные предложения [Карасик, 1992].

В рамках семантики прагматика трактуется как оценочные и примыкающие к оценочным значения, а также вытекающие из контекста ассоциации и коннотации. Она изучает «значение в его отношении к речевой ситуации (т.е. к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям и под.) и к ее контексту. Объектом прагматики являются прагматические значения – разного рода пропозициональные установки говорящих – исходные допущения, намерения, мнения, эмоции и проч.» [Падучева, 1996: 221-222].

Ученые, разрабатывающие вопросы стилистики и риторики определяют прагматику как коммуникативную семантику, а также использование языка с целью воздействия на адресата в процессе коммуникации [Карасик, 1992].

В рамках изучения речевой деятельности прагматика – это теория пресуппозиции, коммуникативных постулатов, речевых актов [там же].

Для целей нашего исследования наиболее приемлемыми представляются определения, данные в рамках изучения семантики, стилистики и риторики, поскольку они позволяют отнести к компетенции прагматики понятие эмотивности, которая предполагает, во-первых, выражение эмоций субъекта речи, а, во-вторых, эмоциональное воздействие на адресата в процессе речевой деятельности.

Эмотивность как прагматическая категория имеет две формы своего языкового выражения : 1) системную форму, которая представлена определенным количеством лексических единиц, приспособленных для обозначения и выражения эмоции, а также эмоциональной оценки объекта речи; 2) функциональную форму, которая включает неопределенное множество фонетических, морфологических, синтаксических, интонационных явлений, способных нести информацию о внутреннем состоянии субъекта, а также служить стимулом для эмоциональной реакции реципиента [Калимуллина, 1999].

Как уже отмечалось нами в предыдущих параграфах, эмотивность как особое семантическое свойство языка в совокупности с другими коннотативными компонентами, такими как экспрессивность и оценочность, обеспечивает способность слова выступать в коммуникативном акте средством субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи. Таким образом она способствует реализации прагматических задач, нацеленных на эмоциональное воздействие.

О воздействующей эмотивной функции языка пишет В.И. Шаховский: «Эмотивность, – утверждает он, – является важнейшим компонентом прагматики языка, так как наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмоциональным стимулам, в роли которых могут выступать и эмотивы – специальные средства всех этажей языка» [Шаховский, 2009: 4-5].

Следовательно, учитывая способность категории эмотивности отражать субъективные смыслы, отношения говорящих и каузировать определенные ответные действия слушающих, нельзя не согласиться с тем, что данный феномен языка является одним из важнейших компонентов его прагматик

Резюмируя содержание вышерассмотренного материала, можно отметить:

1. Эмоции – это состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него факторов и выражающиеся прежде всего в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения его актуальных потребностей.

2. Эмоции в последние десятилетия стали предметом изучения не только в психологии, но и в лингвистике. В связи с этим учёными было признано существование нового направления в лингвистике – лингвистики эмоций. К основным проблемам, которые призвана решать эта отрасль, относятся: проблема эмотивности в языке; типология знаков, служащих для передачи эмоций в языке; проблема эмотивной лакунарности; проблема эмотивности текста и др.

3. В лингвистических исследованиях, посвящённых эмоциям, активно используются термины «эмотивность» и «эмоциональность». Основное разграничение понятий «эмоциональность» и «эмотивность» проходит по линии психологическое / лингвистическое. В данной работе в качестве рабочего будет использован термин «эмоциональность», как наиболее традиционный. Эмоциональность рассматриваем в рамках лексикоцентрического подхода и понимаем её широко как использование языковых элементов с целью выражения эмоций, отношения говорящего / пишущего к обозначаемому, а также с целью воздействия на чувства адресата.

4. В лингвистической литературе по-разному соотносятся категории эмоциональности и экспрессивности. Одни учёные употребляют термины «эмоциональность» и «экспрессивность» как синонимичные. Другие считают, что необходимо их чётко разграничивать. Третьи говорят о том, что эмоциональность – это составная часть экспрессивности. Считаем, что целесообразно категорию экспрессивности рассматривать как более широкую, так как говорящий / пишущий при выражении эмоционального отношения к тому или иному предмету, явлению всегда использует экспрессивные средства. Но в то же время экспрессивность не всегда бывает эмоциональной. Эмоциональность же речи, как и ряд других категорий (оценочность, интенсивность и образность), является составляющей частью экспрессивности.

5. Лингвисты предлагают различные варианты деления эмоциональной лексики на группы в соответствии с задачами своего исследования. Традиционным подходом считается вычленение трёх классов

эмоциональной лексики: средства названия эмоций, средства выражения эмоций, средства описания эмоций.

6. При соотношении слова с эмоцией часто возникают проблемы, потому что лексемы, обозначая эмоции, не всегда конкретно указывают на их характер; слова могут называть несколько эмоций сразу, в эмотивных лексемах может содержаться указание на интенсивность протекания эмоций и др.

7. Оценка и эмотивность являются универсальными категориями, так как они представлены во всех языках мира. Каждый язык обладает своим набором характерных средств оценки и эмотивности. Оценка – способ познания предмета, при котором субъект оценки дает некую характеристику объекту, занимает определенную позицию по отношению к оцениваемому предмету. Основная роль оценки состоит в том, чтобы сопоставить предметы с нормативной картиной мира. К наиболее важным признакам оценки можно отнести ее зависимость от времени, субъекта, а также ее социальную зависимость. Оценка – сложная, многогранная категория, в связи с чем существует множество классификаций данной категории. Для данной исследовательской работы важным представляется разделение оценки на рациональную и эмоциональную. Далее будут подробно рассмотрены только случаи эмоциональной оценки.

Эмотивность – выражение эмоций говорящим я языке. Эмотивно-оценочные средства присутствуют на различных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, словообразовательном, стилистическом, фразеологическом, синтаксическом. Наиболее широко данные лингвистические категории представлены на лексическом уровне.

Категории эмотивности и оценки взаимосвязаны. Эта взаимосвязь проявляется, например, в наличии такого вида оценки, как эмоциональная. Кроме того, при классификации эмоций важную роль играет оценочный аспект. Оценка более широкое понятие, чем эмотивность. Эмоции всегда несут в себе положительную или отрицательную оценку, а оценка может быть как эмоциональной, так и рациональной. В связи с этим эмотивность можно рассматривать как одну из разновидностей оценки.

8. Взаимосвязь понятий эмотивность и образность носит двусторонний характер. С одной стороны, образность может возникнуть вследствие эмотивного восприятия действительности, в данном случае эмотивное присутствует в семантике образных единиц. С другой стороны, эмотивное может рассматриваться как производное от образного, что связано с тем эмоциональным эффектом, который возникает у реципиента в процессе декодирования образных средств языка.

РАЗДЕЛ II.

Эмоциональный концепт как лингвокультурологическая категория

Суть лингвистической концепции эмоций заключается в том, что человек как языковая личность отражает не весь существующий мир, а только то, что имеет отношение к данному человеку, представляет для него какую-то ценность через призму собственных эмоций и переживаний. В свою очередь, вербализованная эмоция представляет собой имя концепта эмоции.

2.1. Трактовка понятий «концепт» и «эмоциональный концепт»

Традиционно выделяются два основных подхода к исследованию концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурологический. Некоторые исследователи, рассматривают еще и философский подход к пониманию концепта, который наравне с вышеназванными имеет право на существование, но оно в предметом нашего рассмотрения.

Сторонниками первого (лингвокогнитивного) подхода считаются Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев и др. Данные исследователи рассматривают концепт в качестве «квантов знания» [Алефиренко, 2002, Кубрякова 1996] или «ментальной репрезентации, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» [Бабушкин, 1996: 16].

По мнению когнитивистов, вся система знаний о мире представляет собой объединение концептов разного уровня сложности и абстракции. Концепт имеет различную структуру и проходит несколько этапов развития, прежде чем предстать в виде концептуальной системы. Сначала появляются некие первичные концепты, которые в ходе дальнейших преобразований и уточнений дают жизнь производным концептам. При этом исследователями выделяются несколько способов формирования концептов, которые определяются разнообразием форм познания: на основе чувственного опыта, мыслительной деятельности, предметно-практической деятельности, вербального и невербального общения [Болдырев, 2000: 23].

В рамках лингвокультурологии (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, Н.А. Красавский, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Л.О. Чернейко, В.И. Шаховский и др.) концепт понимается как «некоторая идеальная сущность, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Чанышева, 2004: 113].

Как отмечает Р.М. Фрумкина, одним из наиболее удачных является определение концепта, предложенное А. Вежбицкой.

Под данным понятием она понимает объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире “Действительность” [Фрумкина, 1992 : 3]. По концепции А. Вежбицкой концепты национально-специфичны, что важно для сопоставительного изучения культурного своеобразия народов.

Взаимосвязь концепта и культуры особенно подчеркивает Ю.С. Степанов: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997:40].

Рассуждая о структуре концепта, он выделяет в ней три основных уровня: 1) «активный» слой содержит основные, актуальные признаки концепта, и, являясь средством взаимопонимания и общения, значим и известен всем носителям данно-го языка/культуры; 2) пассивный, или исторический слой характеризуется дополнительными признаками концепта и актуален лишь для представителей тех или иных социальных групп; 3) буквальный смысл, или внутренняя форма является наименее актуальным и известным для обычного представителя культуры. Основу этого слоя составляет определенный этимологический признак, представляющий интерес преимущественно для специалистов конкретных наук [Степанов,1997: 44–45].

Таким образом, лингвокультурный концепт – это многомерное образование. У каждого человека есть свой, индивидуальный культурный опыт, запас знаний и навыков, которыми определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слов с личным и народным опытом человека, то есть концепт равен сумме лексического значения и опыта языковой личности [Лихачев, 1997: 281]. Концепт приближен к ментальному миру человека, следовательно, к культуре и истории, поэтому имеет специфический характер. Концепты представляют собой коллективное наследие в сознании народа, его духовную культуру, культуру духовной жизни народа. Именно коллективное сознание является хранителем констант, то есть концептов. На основе вышеизложенных положений в данной работе концепт рассматривается как лингвокультурологическая категория.

Среди множества типов концептов, выделяемых в современных научных теориях, объектом настоящего исследования выступает эмоциональный концепт. По мнению исследователей, эмоциональные концепты имеют сложную и тонкую структуру, а также богатое концептуальное содержание [Kövecses, 1990]. Они наиболее субъективны по своему характеру, так как ученые при исследовании и описании этого типа

концепта опираются, прежде всего, на субъективные аспекты восприятия действительности, которые в последующем находят отражение в языковой системе [Погосян, 2005: 17].

Как лингвокультурологическая категория эмоциональный концепт представляет собой сложное ментальное образование, которое содержит в себе как черты универсальности, так и черты этноспецифичности.

С одной стороны, «являясь частью естественного развития человеческой расы, эмоции универсальны и узнаваемы во всех культурах» [Шаховский, 2008: 17]. Этот факт подтверждается тем, что психофизиологическая природа и проявление эмоций одинаковы для всех людей без исключения, вне зависимости от их культурной и этнической принадлежности.

С другой стороны, эмоции культурно обусловлены, они «навязываются» языковому коллективу этноса различными когнитивными сценариями [Wierzbicka, 1986: 593, Вежбицкая, 2001:118]. Последние определяются такими социокультурными и психологическими характеристиками конкретного сообщества людей, как традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т.п., исторически складывающимися на всём протяжении развития, становления той или иной этнической общности.

Наиболее полное представление понятию эмоциональный концепт дает нам определение, предложенное Н.А. Красавским: «Эмоциональный концепт дефинируется как этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ и оценку, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов (в широком смысле слова), вызывающих пристрастное отношение к ним человека» [Красавский, 2001: 26]. Среди факторов, определяющих принадлежность эмоциональных концептов к этносу, Красавский отмечает традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т.п. Эти факторы исторически формируются на всем протяжении развития, становления этноса [Красавский, 2001: 74]. Основу эмоциональных концептов составляет эмоциональное понятие, которое формируется на базе перцептивных образов реального мира и фиксирует признаки эмоционально насыщенных явлений.

Поскольку эмоциональные концепты являются ментальными сущностями, их можно также интерпретировать как особую форму метарегуляции психических процессов, основанной на знаковой репрезентации, которая обеспечивает обобщенную, абстрактную, социально-выработанную категоризацию и организацию информации об эмоциональных переживаниях в виде системы взаимосвязанных языковых значений [Рейковский, 1979: 54-55].

И, наконец, отличительным признаком эмоциональных концептов является их интеллигибельность, поскольку эмоции, как известно, недоступны прямому визуальному наблюдению и представляют собой «бестелесную и трудно постижимую абстракцию» [Чернейко, 1997: 109; Воркачев, 2002: 83]

Таким образом, ознакомившись с различными точками зрения на понятия «концепт» и «эмоциональный концепт», мы можем говорить об эмоциональном концепте как о лингвокультурологической категории и определить его как сложное ментальное образование высокой степени абстракции, отражающее в языковом сознании многовековой социальный опыт народа в виде универсальных и этноспецифичных представлений об эмоциональных переживаниях.

2.2.. Разграничение понятий «концепт», «понятие», «значение»

Отсутствие единой терминологической базы в лингвистике характеризуется возникновением новых понятий для обозначения одних и тех же явлений, что создает большие сложности при определении ключевых моментов. В связи с этим видится необходимым разграничить концепт и значение, концепт и понятие,

Концепт и значение

В современной лингвистике концепт и значение используются для обозначения содержания лексических единиц. Оба они являются результатом сознательной деятельности человека, однако представляют сознание разной природы. Если концепт относится к когнитивному сознанию человека, мышлению, то значение – это продукт языкового сознания [Залевская, 2003, Красных, 2003, Попова, Стернин, 2007].

Как уже было отмечено, концепт представлен в языке значением лексической единицы. Однако, концепт намного объемнее лексического значения слова, которое способно передать лишь его существенные признаки. Так, М. В. Пименова соотносит лексическую единицу и концепт с «видимой и невидимой частью айсберга» [Пименова, 2004: 7]. Если значение выражается одной номинацией, то, для того чтобы выразить сложную структуру концепта, необходим анализ значений большого количества наименований. Например, концепт «радость» среди процессуальных смыслов может быть выражен двумя значениями: «испытывать чувство радости» и «каузировать чувство печали».

Надо также отметить контекстуальную обусловленность значений лексических единиц [Болдырев, 2001: 28]. Одни лингвисты в качестве контекста рассматривают внутриязыковой контекст, который выражает парадигматические и синтагматические отношения языковых знаков в структуре языковой системы. Другие лингвисты связывают контекст с

внеязыковыми факторами, выраженными в виде определенных «моделей знания» [там же: 29].

Таким образом, значение, будучи способным выразить лишь наиболее значимые признаки концепта, находится с ним в отношении части и целого.

Концепт и понятие

Концепт представлен в языке значением лексической единицы или взаимосвязью целого ряда значений, именуемой семантическим полем. Надо отметить, что «семантическое поле варьируется по степени психологической реальности» [Шафиков, 2006:22]. Это значит, что крупное содержательное объединение, соответствующее, например, категории ЖИЗНЬ, едва ли может рассматриваться как семантическое поле, в отличие от составляющих его компонентов, воспринимаемых как «обозримое и ясное целое» [там же] (например, поле наименований сферы деятельности, эмоций, предметов быта и т.д.).

Как правило, концепты отображают фрагменты наивной картины мира и представляют собой кванты знания, которыми обладает среднестатистическая языковая личность. Концепты, которые выражают научно-философские представления о мире и состоят только из категориальных компонентов типа коннотация, модальность, эмотивность и др., не имеют образного содержания, являясь по существу, как и представляющие их значения, категориями [Васильев, 2004: 15]. Каждое понятие можно соотнести с соответствующей категорией. Едва ли можно говорить о концептах модальности, оценки, рода, вида и т. д., также как о научно-технических понятиях (например, математическое понятие «интеграл»).

Таким образом, во-первых, концепт соотносится с объектами повседневной действительности, в то время как понятие выступает как совокупность характерных признаков объекта. Во-вторых, концепт представляется намного шире, чем понятие, и содержит в себе, кроме понятия, наши ассоциации, представления и образы, т.е. концепт и понятие находятся в отношении включения.

2.3. Методы исследования концептов

На сегодняшний день наиболее чёткая методология изучения и описания концептов разработана в рамках когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика изучает языковые формы не автономно, а с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы концептуализации объективной реальности в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды [Смирнова, 2009: 249].

Лингвокогнитивное исследование, при котором когнитивная интерпретация результатов исследования используется для описания первичной,

когнитивной картины мира, является одним из наиболее продуктивных методов изучения национальной концептосферы в современной гуманитарной науке [Смирнова, 2009: 249].

Цель лингвокогнитивного исследования – изучение значения всех слов и выражений, объективирующих тот или иной концепт в национальном языке, а также систематизация, то есть системное описание, представление в упорядоченном виде участка системы языка, репрезентирующего данный концепт (семантическое, лексико-семантическое, лексико-грамматическое, синтаксическое поле). Культурную информацию о концептах лингвистам когнитологам дает изучение таких языковых средств, как семантическая структура слова; парадигматика, синтагматика и этимология деривационные сети слова; частеречные реализации экспликаторов концепта, их частотность.

Основными приемами лингвокогнитивного описания концептов через анализ языковых данных являются [Методологические проблемы..., 2001; Попова, Стернин, 2003; Рудакова, 2004]:

1. Определение ключевого слова, представляющего данный концепт в языке, базовых языковых репрезентаций концепта («имени» заданного концепта;
2. Построение и анализ семантемы ключевого вербализующего концепт в языке (анализ словарных толкований в словарях разных типов);
3. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова, чтобы установить важнейшие черты соответствующего концепта;
4. Изучение многозначности слова в процессе её развития: анализ очередности появления новых значений слова позволяет установить определяющие это развитие черты изучаемого концепта;
5. Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова: анализ синонимов и антонимов ключевого слова, определение гиперонима и согипонимов;
6. Построение и изучение деривационного поля ключевой лексемы;
7. Построение лексико-грамматического поля ключевого слова;
8. Применение экспериментальных методов.
- 9. Анализ паремий и афоризмов, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и оценки называемого им концепта, даже если самого имени концепта там и нет (этот прием хорошо показывает народное осмысление того или иного явления;**
10. Анализ художественных текстов для выявления таких признаков, которые приобрели в составе концепта символический смысл; а также для выявления индивидуально-авторских концептов в художественных произведениях, описание которых позволяет глубже понять особенности мировидения писателя;
11. Анализ устного, разговорного словоупотребления.

Описание концепта как набора признаков, необходимых и достаточных для включения его в некий логический класс (например, класс деревьев или класс птиц).

Очевидно, что чем больше из вышеперечисленных методов и приемов использует исследователь, тем больше признаков концепта он выявит и тем ближе к истине будет построенная им модель концепта. При этом лингвисты- когнитологи также признают, что любое представление о содержании концепта в сознании носителей языка, полученное при анализе всей совокупности языковых средств выражения концепта и текстов, в которых раскрывается его содержание, нельзя считать полным, так как ни один концепт не отражается в речи полностью вследствие того, что: 1) концепт –результат индивидуального познания, обобщения, категоризации, индивидуальное всегда требует комплекса средств для своего полного выражения; 2) концепт представляет собой нежестко структурированную объемную единицу, целиком выразить которую невозможно; 3) ни один исследователь и ни один лингвистический анализ не может выявить и зафиксировать, а затем проанализировать полностью все средства языковой и речевой репрезентации концепта, всегда что-то остается неучтенным [Смирнова, 2009: 250].

Итогом лингвокогнитивного исследования должна стать «когнитивная интерпретация полученных лингвистических результатов, предполагает моделирование структуры концепта по результатам описания средств его языковой объективации.

Данная методика осуществляет когнитивное обобщение результатов лингвистического описания языковых средств, вербализующих концепт: факты языкового сознания, выявленные различными лингвистическими и психолингвистическими методами, обобщаются и интерпретируются как факты когнитивного сознания.

Результатами когнитивной интерпретации являются описание структуры концепта, т.е. когнитивных слоев, вычленяющихся в них когнитивных секторов и образующих их когнитивных признаков; ядерно-периферийное упорядочение слоев концепта; описание интерпретационного поля как совокупности концептуальных (ментальных и оценочных) стереотипов, утверждений, вытекающих из понимания и интерпретации сознанием народа» [Рудакова, 2004: 68–69].

В нашей работе мы совместим лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы.

Наша методика предполагает на первом этапе выявление когнитивных признаков на материале словарей,

На втором этапе исследования мы будем наблюдать за экспликацией выявленных когнитивных признаков и культурных смыслов в текстах.

Обобщая содержание раздела, следует отметить следующее:

1. Вербализованная эмоция представляет собой имя концепта эмоции. Эмоциональный концепт как разновидность концептов является ментальным образованием со сложной структурой. Как лингвокультурологическая категория она содержит в себе как универсальные черты, так и культурно-маркированные, присущие определенному этносу.

2. Не являются тождественными и термины «концепт» и «понятие». Концепты (в отличие от понятий) отображают фрагменты наивной картины мира и соотносятся с объектами повседневной действительности, в то время как понятия рассматриваются как совокупность характерных признаков объекта и, как правило, связываются с научно-философскими представлениями о мире. Таким образом, данные ментальные структуры следует рассматривать как часть и целое.

3. Концепт представлен в языке значением лексической единицы; при этом концепт намного объемнее лексического значения слова, которое способно передать лишь его существенные признаки. Если значение выражается одной номинацией, то, для того чтобы выразить сложную структуру концепта, необходим анализ значений большого количества наименований. Значения лексических единиц, как правило, контекстуально обусловлены. Данный контекст может быть выражен как внутриязыковыми факторами, так и внеязыковыми.

Таким образом, можно заключить, что значение и концепт также находятся в отношении части и целого.

4. Основными приемами лингвокогнитивного описания концептов через анализ языковых данных являются:

1. Определение ключевого слова, представляющего данный концепт в языке, базовых языковых репрезентаций концепта («имени» заданного концепта);
2. Построение и анализ семантемы ключевого вербализующего концепт в языке (анализ словарных толкований в словарях разных типов);
3. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова;
4. Изучение многозначности слова в процессе её развития;
5. Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова: анализ синонимов и антонимов ключевого слова, определение гиперонима и согипонимов;
6. Построение и изучение деривационного поля ключевой лексемы;
7. Построение лексико-грамматического поля ключевого слова;
8. Применение экспериментальных методик;
9. Анализ паремий и афоризмов;
10. Анализ художественных текстов;
11. Анализ устного, разговорного словоупотребления.

ГЛАВА III. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Языковая репрезентация концепта «радость\ სიხარული» в русской и грузинской языковых картинах мира

Лексикографическое представление концепта «любовь/სიყვარული (sikvaruli)»

Радость принято считать положительной эмоцией, переживаемой человеком внутренне. Приведем словарные статьи лексем «радость» и „სიხარული“.

В Словаре живого великорусского языка В. Даля круг значений лексемы “радость” обрисован следующим образом: 1. Веселье, услада, наслажденье, утеха, внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая. 2. Самое событие или предмет, возбудивший эти душевные чувства. 3. Утеха, что или кого люблю, чему или кому радуюсь. 4. Стар. Брачный пир, свадьба, южн. или запад. веселье, весёлки [sun-torrents.name>viewtopic.php].

Большой толковый словарь русского литературного языка (БАС) под редакцией Н.С.Кузнецова дает следующие толкования лексемы “радость”:

1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. Большая, бурная, искренняя, неподдельная радость. Чувство, ощущение радости. Испытывать, чувствовать, выражать радость. От радости смеяться, плакать. С радостью помогу (охотно, с готовностью).
2. То, что (тот, кто) доставляет удовольствие, даёт счастье. Радости жизни. Радость.матери - дети. В семье большая радость - получили новую квартиру. * Какая радость; будет бал! Девчонки прыгают заране (Пушкин).
3. Разг. Ласковое, нежное обращение. Радость. Ты моя!. По случаю какого-либо счастливого события. С какой радости? Чего ради, почему? [www. btslovar.ru].

В Толковом словаре современного русского языка под редакцией И.С.Ожегова и Н.Ю.Шведовой “радость” определяется так :«Радость -это 1.Весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. Испытывать радость. Доставить?. Вне себя от радости (очень рад). С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью). 2. То, что (тот, кто) вызывает такое чувство. Радости жизни. Дети - радости матери. Радость ты моя! (часто в обращении). 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство. В семье р.: приехал сын. Случилась большая радость. * На радостях (разг.) - по случаю радости, удачи. Погуляем на радостях. С какой радости? (разг. неодобр.) - Чего ради, почему? [Ожегов С. И., Шведова Н.Ю., 2000: 300].

При проведение концептуального анализа лексемы “სიხარული”, представляющей собой грузинский эквивалент слова “радость”, следует

также рассматривать сопутствующую ей в большинстве словарей лексическую единицу “სიხარული”(sikharuli)

Так, к примеру, Словарь древнегрузинского языка под редакцией И. Абуладзе дает следующее толкование слова “радость” - მხიარულება (mkhiaruleba –веселье); ლხინი(lkhini -утеха, отрада); წვეულება (tsveuleba-вечеринка); განსაცხრომელი (gansatskhromeli- чувство большого удовлетворения). Радость моя [აბულაძე ი., 1073: 139]

В Толковом словаре грузинского языка XVII-XVIII века Сулхана - Саба Орбелиани: სიხარულით (sikharulit - от радости)—ესე არს ყოვლითა ჭმუვნისაგან თავისუფლება “беспечалие”[<http://web.sanet.ge/meskhitb/lexicon>] .

В грузинско - русском толковом словаре под редакцией Н. Чубинишвили : “радость” - «беспечалие»,«чувство большого удовлетворения» [www.slovarus.info/gru_1812].

В Толковом словаре современного грузинского языка под редакцией А.Чикобава: “радость “-это 1. Чувство, которое вызвано чем-нибудь приятным, - чувство удовольствия, удовлетворенности, веселое настроение Я не знаю как выразить, какая радость сейчас кипит и исходит из моего сердца(Илия), Представьте радость женщины, когда она узнала, что жизни Эльгуджи никто не угрожал(А. Казбеги). 2. Перен. Тот, кто (то,что) вызывает это чувство удовольствия, удовлетворенности. 3. Ласковое обращение к любимому (любимой) существу. Моя радость [წიქობავა ა., 1960].

Таким образом, рассмотрев данные словарей анализируемых языков, мы пришли к следующему выводу: в русском и грузинском языках 2 основных компонента лексемы “радость”, а именно – ‘удовлетворение’ и ‘веселье’ совпадают, а, значит, являются универсальными для исследуемых лингвокультур.

Далее мы обратились к данным синонимических и антонимических словарей.

В русском языке имеются следующие синонимы лексемы “радость”: удовольствие, ликование, веселье, веселость, радостность, пиршество, упоение, потеха, удовлетворение, забава, жизнерадность, торжество, отрада, восторг, восхищение, эйфория, беспечалие, развлечение, кайф, праздник, праздничное настроение[.З.Е.Александрова, 1985: 88]. Синонимы различаются семами степени интенсивности.

В грузинском языке лексема “радость” имеет следующий перечень синонимов: გამხიარულება, მოლხენა, ლაღობა, განცხრომილება, შვება “веселье”; ლხენა “веселиться”; სიხარული”радость”; ზეიმი, დღესასწაული “праздник, “торжество”; ზადიკი “празднование”; სიამე”приятность”, “удовольствие”; სიამოვნება “удовольствие”, სიტკბოება, ნეტარება, განსაცხრომელი “наслаждение, блаженство,

удовлетворение, удовольствие”; შვება “ликование, отрада, счастье”; შექცევა “развлечение, увеселение, забава” [ბეიძისიძე ს., 1976: 122].

Таким образом, видим, что синонимический ряд имени анализируемого концепта в исследуемых языках частично совпадает. По данным рассмотренных нами словарей, в грузинском языке содержится 17 синонимов, в русском языке выделяется 22. Общими в обоих языках являются синонимы удовольствие, удовлетворение, ликование, веселье, веселость, забава, отрада, праздник, развлечение, торжество, потеха. В русском синонимическом ряду лексемы “радость”, в отличие от грузинского, отсутствуют компоненты наслаждение, блаженство, счастье. В грузинском языке, в отличие от русского, отсутствуют компоненты жизнерадостность, пиршество, восторг и восхищение, эйфория, беспечалие, кайф, упоение. Причиной данных различий является самобытность каждого языка в выражении сферы чувств.

Выражение концепта «радость / სიხარული» пословицами и фразеологизмами

Концепт «радость» значительно представлен в паремиологическом фонде русского языка. Радость в русских пословицах выражает 1) сменяемость эмоции радости другими негативными эмоциями: «Ни радости вечной, ни печали бесконечной»; «После грозы ведро, после горя радость»; «Где радость, там и горе; где горе, там и радость»; «Нет розы без шипов, нет радости без печали»;» И радость и горе — дело временное»; 2) связь с любовью «Где нет любви, там нет и радости;. 3) переживание радости благотворно для здоровья человека: «Радость прямит, а кручина крочит»; «Радость молодит, а горе старит»; «От радости и старики молодеют.»; «От радости и старики со старухами молодеют.»; 4) соматическое выражение эмоции «От радости кудри вьются, а в печали секутся»; 5) противопоставление радости негативным эмоциям: «Не видав горя, не узнаешь и радости»; 6) высшая нематериальная ценность: «Веселье лучше богатства»; «Веселого нрава не купишь»; 6) связь с материальным состоянием: «Кто не богат, тот и рублю рад»; «Тот будет рад, кто найдет клад.» [sun-torrents.name>viewtopic.php?].

В сборнике пословиц и поговорок грузинского языка встречаются пословицы с лексемой “радость”, выражающие: 1) связь с печалью: სადაც სიხარულია, იქ მწუხარებაცააო (sadats sixarulia, iq mwuxarebatsao - Где радость, там и горе);

2) сменяемость эмоции: დიდი მწუხარებას დიდი სიხარული მოსდევსო(did mtsukharebas, didi sikharuli mosdevso-За большим горем следует большая радость); 3) связь данной эмоции с любовью, счастьем : სადაც სიყვარული არ არის იქ არც სიხარულიაო (sadats sikvaruli ar aris, iq artcs sikhariltsao- Где нет любви, там нет и радости) ; სიყვარული სიხარულს შობს, სიხარული - შვება-ლხენას(sikvaruli sikharuls shobs, sikharuli –Shveba-lkhena s- букв. Любовь порождает радость, а радость-

веселье),სადაც ბედნიერებაა , იქ სიხარულიცაა(sadats bednierebaa, iq sikharulitsaa- Где счастье, там и радость);4) жертва доставляет человеку большую радость : მსხვერპლად შეეწირო, უმაღლესი სიხარულია (mskhverplad sheetsiro,umaglesi sikharulia-букв. Жертвовать собой-большая радость) [წერეთელი ა.,1956:96].

Так, в результате сопоставления русских и грузинских пословиц видно, что в пословицах и поговорках обеих культур существуют как общие, так и отличительные черты, которые дают нам общее представление о концепте «радость». Это свидетельствует о том, что рассматриваемые нами картины мира имеют множество точек пересечения, например, радость и печаль в пословицах и поговорках всегда связаны, то есть, где печаль там и радость.

Фразеологическое выражение концепта «радость/სიხარული»

Нами было проанализировано 13 русских фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «радость» Объективизация концепта радость в исследованных нами фразеологизмах даёт нам возможность выделить следующее «образное наполнение» концепта:

1. радость – свет: глаза светятся радостью; радость осветила лицо
2. радость – звук: радостные ноты в слове; тихая радость
3. радость – полёт (воздух): летать от радости; радость окрыляет, на крыльях радости
4. радость – наполнение: радость заполняет сердце; слёзы радости В русском фразеологическом фонде имеется «локативная» семантическая группа – местом обитания эмоции радость обозначаются глаза (одна радость на глазу, глаза светятся радостью). Эмоции радости окрыляют русского человека (на крыльях радости, на седьмом небе от счастья, летать от счастья.

Нами было проанализировано 12 грузинских фразеологических единиц, репрезентирующих концепт“სიხარული ,, (sikharuli-радость).

სიხარული (sikharuli-радость) в грузинском языке ассоциируется:

1. со слезами – встречается выражение სიხარულის ცრემლი(sikharulis tsremli-слезы радости);
2. с небом- большая беграничная радость выражается фразеологизмами ; ზეცას უწევს სიხარული (букв. радость достигает небес); ზეცის კარის გაღება(букв.открыть двери небес);
3. с седьмым небом - выражение მემვიდე ცამდე ასულიაო(meshvide tsamde asuliao- букв. подняться до седьмого неба) - быть очень счастливым человеком, быть радостным, блаженствовать от какого-нибудь удачного события;
4. со словом день - день считается выражением счастья, радости. Об этом свидетельствует фразеологизм სულ დღე მაქვს (sul dge maqvs),что означает быть беспечным, счастливым;
- 5.с полетом -სიხარულისგან ფრენა (sikharulisagan phrena-летать от радости);

6. с крыльями- ფრთები გამოესხმება (prtebi gamoeskhmeba –вырастают крылья) - сильно обрадоваться;

7. სიხარულით აღარ არის (sikharulit agar aris -вне себя от радости) – устойчивое выражение , передающее огромную радость;

8 выражение სევდის უკუყრა(развезть тоску) означает развеселиться ;

9. существует устойчивое словосочетание სიხარულით სავსე, სიხარულით აღივსო (наполнился радостью);

10. большое счастье, безграничная радость передается выражением სიხარულით ფეხზე არ დგას(sikharulit pekhze agara dgas- букв. от радости не стоять на ногах– не чувствовать ног под собой);

11.выражение მიწაზე ფეხს არ ადგამს(mitsathe phekhs ar adgams) означает испытывать большую радость.

Итак, общими признаками концепта «радость», передаваемые фразеологизмами русского и грузинского языков:1)связь концепта с лексемами «слезы», «небо», «полет»; 2) как в русской, так и в грузинской фразеологии, радость окрыляет человека, аналогией “седьмому небу” из русской фразеологии является “მეშვიდე ცამდე ასულიაო”.

Различие выражается в следующем:1) в соотнесении эмоции радости со светом в русской лингвокультуре; 2) в связи концепта «სიხარული»(sikharuli-радость) в грузинской языковой картине с лексемой «день».

Выводы

Итак, проанализировав материалы словарей русского и грузинских языков различных типов, а также сборники пословиц и поговорок ,можно отметить, что, наряду с универсальным категориальным признаком, концепт “радость” в русской и грузинской культурах имеет национально-культурную специфику.

1) В русском и грузинском языках 2 основных компонента лексемы “радость”, а именно – ‘удовлетворение’ и ‘веселье’ совпадают, а, значит, являются универсальными для исследуемых лингвокультур;

2) синонимический ряд имени анализируемого концепта в исследуемых языках частично совпадает. По данным рассмотренных нами словарей, в грузинском языке содержится 17синонимов, в русском языке -22. Общими в обоих языках являются синонимы удовольствие, удовлетворение, ликование, веселье, веселость, забава,отрада, праздник, развлечение, торжество, потеха, В русском синонимическом ряду лексемы “радость”, в отличие от грузинского, отсутствуют компоненты наслаждение, блаженство, счастье. В грузинском языке, в отличие от русского, отсутствуют компоненты жизнерадостность, пиршество, восторг и восхищение, эйфория, беспечалие, кайф, упоение;

3) универсальными признаками концепта «радость» в паремиологии и фразеологии рассматриваемых лингвокультур является ; а) связь с

горем , с любовью; б) связь лексемами «слезы», «неб», «полет»;в) как в русской, так и в грузинской фразеологии, радость окрыляет человека), аналогией “седьмому небу” из русской фразеологии является “ მეშვიდე ცაბდე ასულია”. Специфичность выражается в следующем: а) в русском и грузинском языках количество паремий и фразеологизмов, репрезентирующих концепт « радость», не совпадает;2) в соотнесении эмоции радости со светом в русской лингвокультуре; 3) в связи концепта «სიხარული»(sikharuli-радость) в грузинской языковой картине с лексемой «день».

3.2. Языковая репрезентация концепта «любовь/სიყვარული» и «ненависть/სიძულვილი» в русской и грузинской языковых картинах мира

Лексикографическое представление концепта «любовь/სიყვარული (sikvaruli)»

Любовь – форма духовной культуры, представленная в тезаурусе человека как индивидуальное переживание чувства преданности людям, предметам и явлениям окружающего мира, идеям, мечтам, самому себе, когда объект этого чувства становится выше и ценнее личного «Я» и без слияния с избранным объектом, овладения им, единения человек не мыслит своего существования или, по крайней мере, ощущает глубокую неудовлетворенность, свою неполноценность, неполноту индивидуального бытия. Такое понимание любви включает в себя все ее виды (к жизни, сексу, женщине или мужчине, к детям и родителям, к себе, к деньгам, славе, власти, искусству, науке, Родине, Богу и т. д.), чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-л.; чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; внутреннее стремление, склонность, тяготение к чему-либо.

Рассматривая концепт «любовь/სიყვარული(sikvaruli)», в первую очередь, обратимся к ядерной структуре (напомним, что ее возможно определить по словарным дефинициям имени концепта).

Словарные дефиниции любви отражают не столько фактические черты и признаки этого чувства, сколько представления о нем «обыденного сознания» – способ языковой концептуализации.

В толковом словаре русского языка под редакцией Н.Ю. Шведовой круг значений лексемы «любовь» обрисован следующим образом: 1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Чары, ожидание, муки любви. Признание в любви. Объясниться в любви. Брак по любви, без любви. Выйти замуж по любви(за любимого человека). Любовь до гроба(вечная). Любовь прошла, ушла, угасла. Страдать, сгореть, умирать от любви. Страстная, взаимная, безответная, платоническая, романтическая любовь. Любовь с первого взгляда(возникшая сразу с первой встречи). Склонить к любви. Любовью не шутят(посл.). Любовь не картошка(не пустяк, не безделица; прост. шутл.). Дитя любви (о желанном и любимом ребенке). Любовь зла (о том, что любимого не выбирают). 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. Любовь к родине, к родителям, к детям. Слепая любовь(всепрощающая). Любовь к ближнему. Относиться к своему делу с любовью. 3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н. Любовь к правде, к истине. Любовь к балету, к чтению, к театру, спорту. Любовь к животным. 4. Предмет любви(тот или та, кого кто-н. любит, к кому испытывает влечение, расположение). Он(она) его(ее) первая(или последняя) любовь. Он ее очередная любовь. 5. Пристрастие, вкус к чему-н. Любовь. к

спиртному, к сладкому, к нарядам, к комфорту. 6. Интимные отношения, интимная связь(прост.). Заниматься любовью. Тайная любовь: 1) скрываемые любовные чувства; 2) внебрачные любовные отношения. Совет да любовь! (разг.) – пожелание благополучия вступающим в брак. Крутить любовь(прост.) – об ухаживаниях. Прил. любовный, -ая, -ое (к1, 2 иб знач.). Любовные похождения. Любовное признание. Любовное письмо (с признаниями в любви). Любовный напиток(возбуждаемый любовью; устар.). Любовные игры– у животных: поведение в брачный период. Любознательный, -ая, -ое; -лен, -льна. Склонный к приобретению новых знаний, пытливый [Ожегов С. И., Шведова Н.Ю., 2000].

Лексикографическое описание лексемы «любовь» у С.И. Ожегова ограничивается двумя значениями: Любовь: 1. Чувство самоотверженной и глубокой привязанности, сердечного влечения: Любовь к родине. Материнская любовь. Горячая любовь. Взаимная любовь. Этот человек– ее первая любовь (первый возлюбленный). Любовь с первого взгляда(возникшая с первой встречи). 2. Склонность, пристрастие к чему-нибудь: Любовь к музыке. Любовь к искусству. [Ожегов, 2004]

Толковый словарь русского языка Н. Ефремовой трактует понятие любовь как: 1) а) Чувство глубокой привязанности, преданности кому-л., чему-л., основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу или спа-сению, сохранению кого-л., чего-л.; б) Такое чувство, основанное на инстинкте. 2) а) Такое чувство, основанное на взаимной сим-патии и половом влечении; б) Отношения двух лиц, взаимосвязанных таким чувством. 3) перен. (разг.) Тот, кто внушает такое чувство. 4) Склонность, расположение или влечение к чему-л. [Ефремова, 2000].

Толковый словарь грузинского языка под редакцией А. Чикобава дает следующие определения грузинской лексемы სიყვარული (sixvaruli): 1. ვისიმე ,რისიმე მიმართ ერთგულების, თავდადების , კეთილგანწყობილების გრძნობა (Visime, risime mimart ertgulebis, tavadadebis ,ketilgantsyobilebis grdznoba=чувство преданности, самоотверженности, доброжелательности по отношению к кому-нибудь или чему-нибудь): სამშობლოს სიყვარული(Samshoblos sixvaruli -любовь к Родине საქმის სიყვარული (saqmis sixvaruli -любовь к делу),დედის სიყვარული (dedis sixvaruli -любовь к матери). 2.გრძნობა ქალსა და ვაჟებს შორის(Grdznoba qalsa da vajis shoris: trpiali, mijnyroba -чувство между мужчиной и женщиной): პირველი სიყვარული (Pirveli sixvaruli -первая любовь); სიყვარულს ეფიცება (.sikvaruls epitseba - клянется в любви), sixvarulshi gamoutxda (при-знался в любви). 3 გადატ.(Gadat.-перен.): ადამიანი,რომლის მიმართაც ასეთი გრძნობ აქვთ (Adamiani, romlis mimartats asetis grdznoba aqvt– человек, по отношению к которому испытывают такое чувство)). მისი პირველი სიყვარული სხვაზე გათხოვდა (Misi pirveli sixkvaruli sxvaze gathovda -Его первая любовь

вышла замуж). 4. რისამე ძლიერი სიყვარული (Risame dzlieri survili, ndoma, mistsrapeba, midrekileba- сильное влечение, пристрастие, склонность к чему-нибудь): სიმართლის სიყვარული (simartlis sixvaruli – любовь к правде), მუსიკის სიყვარული (musikis sikaruli -любовь к музыке). [ჩიქობავა ა, 1960].

Таким образом, на уровне словарных определений у концепта«любовь», актуализированного в русской и грузинской лингвокультурах, обнаруживаются в той или иной степени сходные структурные единицы. Ее основное значение в целом выражает то общее понимание любви, которое присуще носителям как русского, так и грузинского языка: чувство сердечной склонности и влечения к лицу другого пола, которое может различаться по интенсивности и продолжительности. Кроме того, совпадает такой компонент концепта, как любовь, проявляющаяся в форме интереса и привязанности к какому-либо виду деятельности.

Общим для русского и грузинского толкования концепта «любовь/სიყვარული (sixvaruli)» является также тенденция к семантическому представлению понятия через синонимы. Синонимический ряд, использованный для толкования концепта«любовь» в русском языке представлен лексемами: влечение, увлечение, привязанность, склонность, наклонность, слабость(к чему), страсть, пристрастие, преданность, тяготение, мания, симпатия, верность, благоволение, благорасположение, благосклонность, доброже-лательство, предрасположение, амур», в грузинском– ღრფიალი(trpiali) მიჯნურობა(midjnuroba),მიდრეკილება(midrekileba),მისწრაფება(mistsrapeba), არშიხოზა (arshixoba)”. В обоих языках наиболее употребительной единицей при толковании концепта «любовь» является лексема «чувство».

Ядро концепта «ненависть» в русской языковой картине мира объективируется лексемой «ненависть»..

В.И. Даль определяет ненависть как «отвращение, омерзение; зложелательство, сильная нелюбовь, вражда, злонамеренность»[Даль, 1998].

По С.И. Ожегову, ненависть есть «чувство сильной вражды и отвращения» [Ожегов ,2004].

Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова определяет лексему «ненависть» как чувство сильнейшей вражды: непримиримая ненависть, питать ненависть к кому-нибудь, классовая ненависть, смертельная ненависть. [Ушаков, 1939.].

Таким образом, мы можем выделить следующие структурные единицы лексемы «ненависть»: 1) ненависть является очень сильной эмоцией; 2) ненависть и вражда - близкородственные понятия; 3) ненависть предполагает желание зла по отношению к объекту; 4) ненависть может быть основана на брезгливости.

Толковый словарь грузинского языка под редакцией А. Чикобава даёт следующее определение «ненависти»(sidzulvili)—чувство по отношению к тому, кого ненавидят, чувство вражды, недоброжелательности.[ჩიკობავა, 1960] .

Итак, можно выделить следующие компоненты лексемы “სიძულვილი” (sidzulvili): 1)ненависть является очень сильной эмоцией; 2) ненависть предполагает желание зла объекту; 3) ненависть может основываться на вражде.

Проанализировав лексемы, входящие в концепт «ненависть», можно установить, что определённая часть сем русских и грузинских единиц совпадает: желание зла объекту ненависти, брезгливость и наличие вражды. Однако в семантической структуре грузинской лексемы отсутствуют сема **интенсивность ненависти**.

Собрав показания различного типа словарей русского языка, мы выделили четыре основных синонима лексемы ненависть: вражда, неприязнь, злоба (Л. А. Введенская, 1982) и отвращение [‘С. И. Ожегов, 2004].

Словарь синонимов грузинского языка предлагает гораздо большее количество лексем, синонимичных лексеме „სიძულვილი“(sidzulvili)-ძმულვარება(mdzulvareba –ненависть),შეძულება(shedzuleba-ненавидеть), ძულვა(dzulva), ღვარძლი(злоба), შემაგება(gvardzli-возненавидеть), ზიზგი(zizgi- отвращение), შეზიზება (shezizigeba-презирать), ჯავრება (djavreba), შეჯავრება (shedjavreba-ненавидеть), ძაგება(dzageba), ათვალწუნება(atvaltsuneba-недолюбить), აბუება(abueba-пренебрежение), აჩემება (achemeba)[ნეიმანი ა, 1976:258 -]

Выражение концептов «любовь\სიყვარული», «ненависть \სიძულვილი» во фразеологизмах, в пословицах и поговорках

Анализ семантического содержания фразеологизмов, пословиц и поговорок русского языка позволил выделить следующие признаки любви:

1. Признак разлуки: «Без милого не жить, а и при милом не быть»; «Без тебя опустел белый свет»; «С глаз долой– из сердца вон»; «Реже видишь– больше любишь»;
2. Любовь как ценность: «Нет ценности супротив любви»; «Где любовь, тут и Бог»; «Бог– любовь»; «Любовь сильнее смерти и страха смерти».
3. Страдание: «Где любовь, там и напасть»; «Горе с тобою, беда без тебя».
4. Признак жертвенности: «Ради милого и себя не жаль»; «Для любимого дружка и сережку из ушка»; «Любить по-русски(т.е.без оглядки, до самоотречения).
5. Любовь– противоречивое чувство: «Не видишь– душа мрет, увидишь– с души прет»; «Спереди любил бы, а сзади убил бы».
6. Любовь и зрительное восприятие: «Любовь начинается с глаз»; «Ни пить, ни есть, лишь бы на милую глядеть».

7. Признак неподконтрольности: «Насильно мил не будешь»; «Пей не пой, все равно я не твой»; «Крестом любви не свяжешь», *любить до безумия; потерять голову; сходить с ума от кого-либо.*

8. Всесильность любви: «Любовь все поб еждает.

9. Любовь как счастье и наслаждение: «С милым и год покажется за часок»; «С милым во любви жить хорошо»; «С милым мужем и зимой не стужа».

10. Вечность любви: «Старая любовь помнится»; «Старая любовь не ржавеет»; «Любовь– кольцо, а у кольца нет конца»; «Любовь до гроба (до гробовой доски)».

11. Безответность любви: «Он к тебе оком, а ты к нему боком»; «Одно сердце страдает, другое не знает».

12. Любовь быстро приедается: «Был милый, стал постылый»; « Любовь прошла, завяли помидоры».

13. Любовь может быть слепа: «Любовь ни зги не видит»; «Любовь слепа «; "Любовь зла - полюбишь и козла".

14. Любовь бескорытна: «Полюбила молодца не из-за золотца»; «С милым рай и в шалаше»; «Деньги прах, одежда тоже, а любовь всего дороже».

15. Мгновенность, внезапность возникновения любви : *любовь с первого взгляда.*

Анализ фразеологизмов русского языка позволил выделить следующие элементы, которые лежат в основании единиц, выражающих концепт « любви »:

1. зрительный орган: *глаз не оторвать, любо дорого глядеть, смотреть тошно, оскорблять глаз своим видом;*

16. компонент «сердце» : *войти в сердце; покорять сердце; не чаять души в ком-либо; любить всей душой.*

Животные являются одним из источников образных номинаций. Так, состояние влюбленности выражается через образ кошки : *влюбляться, влюбчивая, как кошка*), а в ФЕ *ворковать, как голубки* данный образ отображает ситуацию взаимной любви и нежности.

Признаки любви, выделенные в грузинских пословицах и фразеологизмах

1. Любовь преодолевает все препятствия: „სიყვარულის ძალამ სოდაგარი აამუშავა? (Sikhvarulis dzalam sogdagari aamushava).

2. Любящие люди утрачивают способность трезво смотреть на вещи: „სიყვარული ბრმააო“(Sikhvaruli brmaao).

3. Любовь бескорытна: „სიყვარული ქობშიც არის“(Sikhvaruli qoxshits aris).

4. Любовь облагораживает человека „სიყვარული აგვამაღლებს (Sikhvaruli agvamaglebs)”.
5. Разлука может разрушить любовь: „თვალი თვალს რომ დაშორდება, გულიც გადასხვაფერდება „ (Tvali tvals rom dashordeba, gulits

gadaskhvaperdeba);“ თვალი შორსო და გული შორსო „(Tvali shorso da guli shorso).

6. Зрительное восприятие предмета любви: ვისკენაც გული მიიწევს ,თვალიც მისკენ გარბისო“(Viskenats guli mistsevs, tvalits misken garbiso).

7. Любовь как счастье и наслаждение:“სადაც სიყვარული არის არის იქ სიხარული არ არის „ (Sadats sikhvaruli ar aris iq sixaruli ar aris).

8. Любовь нельзя скрыть: „ სიყვარული სირცხვილი არ არისო““(Sikhvarulma sirtsxvili ar itsiso)

В грузинском языке нами был найден один фразеологизм, передающий состояние любви с элементом сердце : გულში ცეცხლს ჩაუგდებს(внушить к себе пламенную любовь)

Любовь ассоциируется с солнцем и луной მზე და მთვარე ამოსდის ვიხმეზე(любить кого-нибудь сильнее всех).

Паремий, содержащих в своём составе лексему «ненависть\სიძულვილი», к сожалению, в русском и грузинском языках оказалось чрезвычайно мало.

При анализе русских пословиц и поговорок о ненависти можно выделить следующие признаки:

1.Ненависть вредит тому, кто ненавидит: Ненавистные слова вредят тому, кто их говорит. Доброе слово в жемчугах ходит, а ненавистное – в портках. На ненависти далеко не уедешь. Ненавистью сыт не будешь.

2.Ненависть ассоциируется со злом: Ненависть доброту не любит, Добрая слава злему ненавистна.

3.Ненавидеть без **причины** нельзя.: Без причины ненависти не бывает; Кто кого обидит, тот того и ненавидит; Чует сердце и друга и недруга.

4. Ненавистью к человеку ни чего не решить: Слепая ненависть – плохой советчик.

5. Любовь к кому-либо может перерасти в **ненависть или наоборот** От любви до ненависти — один шаг;И любя ненавидят.

6. Чувство ненависти чаще всего выражается иронически через пословицы о любви: Любит, как волк овцу; Люблю клопа в углу: где увижу, тут и задавлю; Люблю, как черта в углу; Люб, как свекровин кулак.

В грузинских пословицах и поговорках о ненависти были выделены следующие признаки данной эмоции:

1.взаимосвязь любви и ненависти: «დიდმა სიყვარულმა სიძულვილი იცის „(Didma sikvarulma,didi sidzulvili itsis); “ ძლიერ სიყვარულს - ძლიერი სიძულვილი მოჰყავს „(Dzlier siyvaruls – dzlieri sidzulvli mokhavs).

2.Ненавистью к человеку ни чего не решить ბრმა სიძულვილი ვერაფერი იარაღიაო.

Анализ русских фразеологизмов позволил выделить следующие компоненты, которые лежат в основании единиц, выражающих концепт «ненависти»:

1. компонент холодного оружия: принимать в штыки, быть на ножах. В данных словосочетаниях можно выделить образ колкого и болезненного;

2. соматический элемент: мерить глазами, точить зубы, воротить нос, не по ноздре, всеми печенками;

3. «душа»: с души воротит, душа не лежит.

Во ФЕ грузинского языка, выражающих концепт «ненависти», можно выделить такие элементы:

1. Зрительный орган: თვალში ამოდება, ამოჩემება (tvalshi amodeba, amochemeba- невзлюбить) ;

2. компонент «сердце»: გული აკრა (gulis akra- охладеть, испытывать отвращение);

3. соматический компонент: ზურგს უჩვენებს, ზურგს შეაქცევს (букв.: показать спину, повернуться спиной).

В основании некоторых фразеологизмов в грузинском языке, как и в русском, лежат зоонимы: ისე უყვარს როგორც ძაღლს კატა (букв.: любит как собака кошку), შავი კატა გაირბენს მათ შორის (букв.: между ними пробежит черная кошка)

Проведённое исследование позволило выявить общие и специфические черты функционирования концептов «любовь\სიკვარული» и «ненависть\სოდულვოლი» в русском и грузинском языках.

Выводы

1. Таким образом, на уровне словарных определений у концепта «любовь» актуализированного в русской и грузинской лингвокультурах, обнаруживаются в той или иной степени сходные структурные единицы. Ее основное значение в целом выражает то общее понимание любви, которое присуще носителям как русского, так и грузинского языка: чувство сердечной склонности и влечения к лицу другого пола, которое может различаться по интенсивности и продолжительности. Кроме того, совпал такой компонент концепта, как любовь, проявляющаяся в форме интереса и привязанности к какому-либо виду деятельности.

2. В русском и грузинском языках совпадает часть сем концепта «ненависть»: желание зла объекту ненависти, брезгливость и наличие вражды. В семантической структуре грузинской лексемы отсутствует сема интенсивность ненависти.

3. Как в русском, так и в грузинском языках встречаются паремиологические единицы, в которых наблюдается прямая взаимосвязь любви и ненависти.

3.3. Языковая репрезентация концепта «печаль\ დარდი» в русской и грузинской языковых картинах мира

Лексикографическое представление концепта «печаль\ დარდი»

Концепт «печаль», будучи в числе отрицательных эмоциональных концептов занимает уникальное место в рассматриваемых культурах и имеет яркую национально-культурную специфику

В словаре Ефремовой Т. Ф. печаль определяется как: 1. Чувство грусти, скорби, тоски; состояние душевной горечи. Грустное, скорбное выражение (глаз, лица, уст и т.п.). 2. То, что вызывает, обуславливает чувство скорби, тоски; беда, несчастье. 3. То, что является предметом беспокойства, заботы [Ефремова, 2000].

В словаре Ожегова С. И. печаль определяется следующим образом: 1. Чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи. В глубокой печали. Тихая печаль. 2. То же, что забота (устар. и прост.). Не твоя печаль чужих детей качать (посл.) [Ожегов, 2004].

Словарь Ушакова Д.Н. дает следующее толкование данному феномену: печаль, печали, жен. 1. только ед. Скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство. «Была без радости любовь, разлука будет без печали.» Лермонтов. 2. То, что внушает (внушало) такое чувство, является (являлось) источником, причиной его (книж.). Ты вспомни быстрые минуты первых дней,... 3. Забота, огорчение (разг.). Вам то какая печаль.? Не твоя печаль (не твое дело). «Не было печали, так черти накачали.» погов. [Ушаков, 1939].

В словаре грузинского языка представлено следующее толкование лексемы „დარდი“(dardi): სიმძიმის გრძობა, გამოწვეული მძიმე მდგომარეობით, უბედურებით და მისთ., _ კაემანი, სევდა, ნალველი, გულის და რდი 2. რისამე ფიქრი, ზრუნვა; წუხილი(тревога, печаль, скорбь); შიში, ჯავრი (Печаль - чувство грусти, тоски, вызванное тяжелым состоянием, несчастьем, и т.п., скорбь, тоска, кручина, сердечная тоска, 2. раздумье, забота, тревога о чем-то, о ком-то; горе, страх) [ჩიქობავა ა., 1960].

В древнегрузинском языке скорбь, печаль, душевная боль, душевная тяжесть(მწუხარება-, mtsukhareba, სულიერი ტკივილი-sulieri tkivili, სულიერი სიმძიმე -sulieri simdzime) передавались словом სიმძიმლო (simdzimili) [.აბულაძე ი., 1973 : 100].

Таким образом, на уровне словарных определений в русской и грузинской лингвокультурах, можно выделить два основных понимания печали: 1) чувство скорби, грусти, горести, тревоги, нерадостное настроение; 2) источник скорби, горести.

Общим для русского и грузинского толкования концепта «печаль/da rdi» является также тенденция к семантическому представлению понятия через синонимы.

На основе словаря синонимов Александрова З.Н. [З.Е. Александрова, 1985: 114]. выделили синонимы лексемы печаль(23): печаль, горе, горесть, грусть, кручина, отчаяние, скорбь, прискорбие, скука, томление, тоска, траур, уныние, ипохондрия, меланхолия, соболезнование, сожаление; боль, горечь, мировая скорбь (шутл. и ирон.); грусть-тоска (народно-поэт.); сокрушение (устар.), огорчение, забота .

Все они имеют свою семантико-стилистическую специфику по отношению к понятию печали. Например, печаль, вызванная каким-то несчастным случаем, как правило, определяется как *скорбь, сожаление, прискорбие, огорчение, траур*(имеет даже яркий внешний образ – черная одежда), а глубокая печаль, тяжелое гнетущее чувство – именуется как *горе, горесть, томление, кручина, сокрушение, отчаяние, горечь*.

Печаль, связанная с физическим или душевным страданием, может обозначаться как *мука, боль, ипохондрия, томление*; мрачная унылая печаль – *скука, уныние, тоска, меланхолия и т.д.*; длительное, устойчивое чувство грусти и скорби, состояние душевной горечи обозначается как *печаль*; неглубокое и не слишком интенсивное чувство уныния, легкой печали – как *грусть*. Кроме этого, одним из ограничений является и стилистическая характеристика, в частности, например, *сокрушение* характеризуется как устаревшее, *скорбь* - как литературное, *грусть-тоска* – как народно-поэтическое.

Синонимический ряд концепта «დარდი»(dardi) в словаре синонимов грузинского языка [ბეძინი ა., 1976:230] представлен следующими лексическими единицами(23): დარდი (dardi- тоска, печаль, грусть, горе, кручина), ჯავრი (djavri- горе, тоска, печаль), ბოღმა (bogma- горечь), ვარამი (varami- горе, горести, печаль), ვაება (vaeba- траур), სევდა (sevda- тоска,) ნაღველი (nagveli- печаль, скорбь, грусть, горечь, тоска), გულისნადები (gulisnadebi - сердечная тайна), გულისტყმა (gulistqma- переживание), ფიქრი (phiqri- дума), შეჭირვება (shechirveba- тревога, грусть,), ჭირი (chiri- беда, несчастье, горе), ჭირი-ვარამი, ვაგლახი (chiri-varami, vaglakhi - горе, страдание, стенание, беда), ვაივაგლახი (vaivaglakhi- мука), დარდ-ვარამი (dard-varami- тоска-печаль), დარდუბალა (dardubala- мука, страдание, беда, огорчение, горесть, скорбь), კაეშანი (kaeshani- грусть, кручина), მწუხარება (mtsukhareba- скорбь, печаль, горе), წუხილი (tsukhili- тревога, мука, тоска, грусть, печаль, горе, кручина), დაძმარებული (dadzmarebuli- грустный, скучный, мрачный, расстроенный), დაღვრემილობა (dagvremiloba- мрачность, удрученность, угрюмость), ზრუნვა (zrunva- забота), საწუხარი (satsukhari- вызывающий беспокойство), ურვა (urva- скорбь, печаль, сокрушение).

Лексемы დარდი(dardi), ნაღველი(nagveli), კაეშანი,(kaeshani), სევდა(sevda), ჯავრი (djavri), ვარამი(varami), ფიქრი(phikri) заимствованы из арабского и персидского языков.

Итак, синонимические ряды, выявленные нами на материале синонимических словарей в сопоставляемых языках, представлены одинаковым количеством синонимических единиц: 23- в русском и 23- в грузинском.

Выражение концепта «печаль» в паремиях и фразеологизмах

В пословично-поговорочном фонде русского языка обнаружено 21 пословиц и поговорок о печали.

Пословицы и поговорки о печали выражают следующие признаки:

- активная психоматическая деструктивность эмоции», т.е. разрушающая тело и дух человека сила: «Беды да печали с ног скачали»; «Моль одежду ест, а печаль — человека»; «Печаль не уморит, а с ног собьет»; «День меркнет ночью, а человек — печалью»; «С печали не мрут, а сохнут»;
- локативность, т.е. указывается на конкретное место обитания эмоции — сердце: «Железо съедает ржа, а сердце — печаль»; «Что червь в орехе, то мечаль в сердце»;
- способ избавления от эмоции: «От всякой печали бог избавляет»; «Унеси ты мое горе, раскачай мою печаль»;
- нельзя отчаиваться и предаваться унынию: «В несчастье не унывай, а печаль одолевай»;
- осуждение переживания данной эмоции: «Печаль не украсит человека»;
- временность печального состояния человека: «Ни радости вечной, ни печали бесконечной»; «Веселое не вечно, и печальное конечно.»;
- только испытав трудности и проблемы, человек будет ценить хорошее: «Не видав горя, не узнаешь и радости»; «Не вкусив горького, не узнаешь и сладкого»;
- часто проблемы и беды наслаиваются друг на друга: «Одна беда идет, другую ведет»;
- тоскливое состояние, вызванное бедностью: «Спи в тосках на голых досках»;
- призыв к терпению и смирению: «С бедой не перекоряйся, терпи».

Общее количество грузинских пословиц и поговорок о печали составляет 10- единиц.

• Печаль делает старым до возраста: „ბევრს ნუ იჯავრებ - მალე დაბერდები“ (bevrs nu idjavreb-male daberdebio) ;

• локативность: „გულს დარდი არ დაეღევა და მამულს ღორღიო“; „ქანგი რკინას ჭამს და დარდი - გულსაო“ (guls dardi ar daeleva daeleva , da mamuls ghorghio ; jangi rkinas chams da dardi-gulsao);

• следует действовать, а не предаваться печали: „მოვიკლათ წარსულ დროებზე დარდი, ჩვენ უნდა ვსდიოთ ახლა სხვა ვარსკვლავს“ (mogiklabt tsarsul droebze dardi, chven unda vsdiot akhla skhva varsklavs); „ჭირს ნუ დაუწვები, უფრო დაგაწვებაო“ (chirs nu dautsvebi , ufro dagatsvebao) ;

- только испытав трудности и проблемы, человек будет ценить хорошее : „თუ მწარე არა ჭამე, ისე ტკბილის გემოს ვერ გაიგებო“ (tu mtsare ara chame ,ise tkbilis gemos ver gaigebo);
  - к печали можно привыкнуть:“ ჭირმა შეჩვევა იცისო“ (chirma shechveva itsiso);
  - призыв к терпению: “ჭირს უნდა გაძლება, თორემ ლხინი ლხინიაო” (chirs unda gadzleba,torem lkhini lkhiniao);
  - одна печаль заставляет забыть другую: დარდს მოგცემ, დარდს დაგავიწყებო (dards mogtsem dards dagavitskebo);
  - нецелесообразность переживания с точки зрения жизненных, бытовых интересов человека: „ცოტა ფული - ცოტა დარდი“ (tsota phuli –tsota dardi);
- Итак, анализ русских (21) и грузинских (10) паремиологических единиц показал:
- общими признаками концепта «печаль» в паремиологии рассматриваемых лингвокультур являются : локативность,;нельзя отчаиваться и предаваться унынию; осуждение переживания данной эмоции;временность печального состояния человека; только испытав трудности и проблемы, человек будет ценить хорошее;часто проблемы и беды наслаиваются друг на друга;призыв к терпению и смирению.
  - в русской паремиологии концепт «печаль» чаще всего обладает такими специфическими характеристиками как: разрушительная сила, способ избавления от эмоции, тоскливое состояние, вызванное бедностью;
  - специфическими для грузинского языка являются следующие признаки печали: преждевременное старение, нецелесообразность переживания с точки зрения жизненных, бытовых интересов, к печали можно привыкнуть, одна печаль заставляет забыть другую.

Выражение состояния печали фразеологизмами

Количество фразеологизмов, выражающих состояние печали в русском и грузинском языках, составляет 42 и 46.

Состояние печали, подавленности и угнетенности проявляются во внешнем виде человека.

Общими компонентами фразеологических единиц, репрезентирующими концепт «печаль» в русском и грузинском языках являются соматические лексемы лицо, сердце, душа, голова, глаза, волосы, нос.

Об отражении грусти, печали на лице человека говорят русские и грузинские фразеологизмы: согнать с лица улыбку, печаль туманит / застигает глаза / лицо, на нем нет лица. лицо подернулось грустью; სახეზე ღრუბელი გადაეფარება, სახეზე ჩრდილმა გადაურბინა (sakheze grubeli gadaephara, sakheze chrdilma gadaurbina-лицо затуманилось, по лицу промелькнула тень), კაცის ფერი არა აქვს (katsis pheri ara aqvs -на нем нет лица), მოღრუბული სახე (mogrubuli sakhe-нахмуренное лицо), პირსახე ჩაუბნელდება (pirsakhe chaubnelda-лицо потемнеет), თავ-პირი ჩამოტირის(tav-piri chamotiris-быть очень печальным).

При печали происходит сужение кровеносных сосудов, что приводит к оттоку крови из лёгких, в результате ухудшается поступление кислорода в организм, затрудняется дыхание и человек начинает ощущать стеснение и тяжесть в груди, о чём говорят следующие фразеологизмы: стеснить грудь / сердце, печаль теснит / щемит грудь / сердце, тоска сжимает / давит / теснит сердце / грудь / душу; ჯავრი შემოაწვა გულზე (javri shemoatsva gulze-тоска сдавило сердце), გული ხელით აღარა აქვს (guli khelt agar aqvsvs-сердце болит, ноет, сжимается, щемит, надрывается), გული, სული უკვნის (გული, სული უკვნის-душа ноет, сердце, грудь щемит).

В основе некоторых русских и грузинских фразеологизмов лежит представление о печали как тяжёлом, гнетущем душу или сердце эмоциональном грузе: камень на душе / на сердце, с камнем на душе, с тяжёлым сердцем; გულის დამძიმება (gulis damdzimeba- тяжело на душе), გულზე ლოდად, ტვირთად, დაწოლა, დადება გულზე (gulze lodad, tvirtaddatsola, dadeba gulze- тяжёлый камень на сердце (на душе).

Как в русской, так и в грузинской языковой картине лексемы душа и сердце в составе фразеологизмов угнетать сердце / душу обозначают средоточие эмоций и символизируют чувства, переживания настроения: сокрушать / сокрушить сердце, сосать за душу, сердце / душа тоскует, сокрушённое сердце, с поникшим сердцем, с тяжёлым / сокрушённым / стеснённым / упавшим сердцем, сердце падает, сердце надрывается; გულს დარდი აწევს (guls dardi atsevs- на сердце давит печаль), გული ეწვის (guli etsvis- сердце горит), გული უკვდება (guli ukvdeba-охватывает чувство грусти- сердце умирает), გული დაწყდება, დაენანება, ეწყინება (guli datskdeba, daenaneba, etskineba-расстроится, опечалится), გული ჩაწყდება (guli chatskdeba-сердце падает), (ვინმე) გულს დახურავს (vinme guls dakhuravsv- уйти в себя), (ვინმეს) გული ჩაეხურება (vinmes guli chaekhureba-сердце замкнулось)

Печаль в обеих языковых картинах передаются фразеологизмами с компонентами-соматизмами нос, рука, голова: повесить нос, вешать / повесить нос на квинту, вешать / повесить голову, опускать / опустить голову, с опущенной / поникшей головой, опустить руки, складывать руки, опускать руки, махнуть рукой, руки опускаются (отнимаются); ცხვირს ჩამოშვებს (tskhviris chamoshveba-опускать нос), ხელის ჩაქნევა (khelis chaqneva-махнуть рукой), გულზე ხელს დაიკრებს (gulze khels daikrephs-руки на грудь скрестил, сложил).

В грузинском языке репрезентатами эмоции печали выступают также соматизмы შუბლი (shubli-лоб): შუბლმეჭმუხნული (shulshechmukhnuli-нахмуренный) и წარბი (tsarbi-брови): წარბშეკრული, წარბების შეკვრა (tsarbshekruli, tsarbebis shekvra-хмурить брови, насупить брови); ნაღველი (nagveli - желчь): ნაღველმა შეიპყრო (nagvelma sheipkro-тоска нашла),

მწარე ნაღველი (mtsare nagveli-горькая печаль), შავი ნაღველი (shavi nagveli-черная печаль-состояние подавленности, меланхолии), ნაღველის ჩაწურვა გულში (nagvelis chatsurva gulshi-опечалиться), ნაღველის გახეთქვა (nagvlis gakhetqva-появление заботы), ნაღველის ჭამა(печаль поедает), მწარე ნაღველს დაღვეს, დააღვეინებს(mtsare nagvels dalevs, daalevinebs-испытать горькой желчи, т.е.испытать много горя и несчастий); სისხლი (siskhli-кровь): სისხლი გაეყინება(siskhli gaekineba-кровь леденеет, т.е. охватывает ужас от горя, страха).

Высокая степень интенсивности отчаяния в рассматриваемых языковых картинах выражается фразеологизмами: рвать на себе волосы, хоть головой об стену бейся; თავ-პირის გლეჯა(tav-piris gleja-рвать на себя волосы), თავზე ნაცრის დაყრა (tavze natsris dakra-посыпать голову пеплом), религиозным фразеологизмом - იერემიის ტირილი(ieremiis tirili-плач Иеремии).

Характерным признаком образного осмысления печали является её ассоциации с черным цветом в русской и \ грузинской лингвокультурах: чёрная меланхолия, чёрная тоска, чёрная хандра; შავი დარდი(shavi dardi-черная тоска), შავი ნაღველი(shavi nagveli-черная печаль), შავი ფიქრები (shavi phiqrebi-черные мысли).

Национально-специфическим является соотнесение эмоции печали с зелёным цветом в русской лингвокультуре(тоска зеленая).

В рассматриваемых языках печаль ассоциируется также с образом тучи, о чем говорит употребление лексем печаль, тоска, уныние во фразеологизмах дымка/облако печали, затуманиться печалью, печаль туманит/застилает глаза/лицо, навевать уныние, нагонять/нагнать уныние/тоску, наводить/нагонять тоску/уныние, разогнать /развеять /рассеять тоску, разводить/развести грусть-тоску; დარდის ღრუბელი (dardis grubeli-облако печали), მოღრუბული სახე (mogrubuli sakhe-мрачное лицо), დარდის გაქარვება (dardis gaqarveba-развеять печаль).

Выводы

На основе вышеизложенного можно отметить, что анализ смысловых структур исследуемого концепта в русском и грузинском языках позволяет обнаружить и совпадения семантических признаков, и определенные различия.

Сходство русского и грузинского языков проявляется в следующих признаках: 1) негативная коннотация, приписываемая концепту «печаль»;2) одинаковое количество синонимов;

- общими признаками концепта печаль в паремиологии рассматриваемых лингвокультур являются: локативность,;нельзя отчаиваться и предаваться унынию; осуждение переживания данной эмоции;временность печального состояния человека; только испытав трудности и проблемы,

человек будет ценить хорошее; часто проблемы и беды наслаиваются друг на друга; призыв к терпению и смирению.

- в русской паремиологии концепт «печаль» чаще всего обладает такими специфическими характеристиками как: разрушительная сила, способ избавления от эмоции, тоскливое состояние, вызванное бедностью;
- специфическими для грузинского языка являются следующие признаки печали: преждевременное старение, нецелесообразность переживания с точки зрения жизненных, бытовых интересов, к печали можно привыкнуть, одна печаль заставляет забыть другую.
- общими признаками концепта «печаль», передаваемые фразеологизмами русского и грузинского языков: связь концепта с сумрак (მოღრუბული (mogrubuli) – мрачный, печальный); присутствие во фразеологизмах с сумрак таких соматизмов, как душа, лицо, сердце, руки, волосы, нос; 3) ассоциация концепта печаль с такими понятиями как боль, грусть, страдание, скука, тревога, страх. Различия выражаются в следующем: 1) в русском и грузинском языках количество фразеологизмов, репрезентирующих сему концепта «печаль», не совпадает (42-46); 2) в соотношении эмоции печали с зелёным цветом в русской лингвокультуре; 3) в репрезентации эмоции печали в грузинской языковой картине соматизмами შუბლი (shubli-лоб), წარბი (tsarbi-брови), ნაღველი (желчь), სისხლი (siskhli-кровь).

3.4. Языковая репрезентация концепта «страх\ժոժ» в русской и грузинской языковых картинах мира

Лексикографическое представление концепта «страх\ժոժ»

Страх является защитной реакцией организма, для того чтобы быстро реагировать на какие-то опасные ситуации. Физиологическими проявлениями страха является увеличение клеточного метаболизма, повышение скорости движения крови, учащение сердцебиения, повышение уровня адреналина, глюкозы, повышение артериального давления, расширение зрачков, усиление кровотока в нижних конечностях, снижение периферической температуры. Внешнее выражение эмоции страха соответственно находит свое отражение в лексике.

Дадим лексикографическое толкование лексемы «страх» из наиболее частотных словарей русского и грузинского языков.

Толковый словарь русского языка под редакцией Ефремовой Т.Ф. даёт следующее определение лексемы «страх»: «Страх - 1. м.1) а) Состояние сильной тревоги, боязни, беспокойства, душевного волнения от грозящей или ожидаемой опасности.б) Выражение, проявление тревоги, беспокойства, боязни. 2) а) То, что вызывает сильную боязнь, тревогу, беспокойство. б) перен. разг. Кто-либо, что-либо, представляющие угрозу для кого-л. 2. нареч. разг.-сниж.1) Крайне, чрезвычайно.2) Очень много, очень сильно. 3. предикатив 1) разг. О чувстве страха, испытываемом кем-либо. 2) разг. О состоянии страха, в котором пребывает кто-либо. 3) перен. разг.-сниж. Оценка чего-либо как отличающегося высшей степенью проявления какого-л. качества. 4) разг.-сниж. Употребляется при выражении изумления от чего-либо, восхищения или ужаса в отношении кого-либо, чего-либо, многочисленного или очень большого [Ефремова, 2000:].

Лексема «страх» в Толковом словаре русского языка под редакцией Ожегова имеет следующие значения: «Страх:1) очень сильный испуг, сильная боязнь. Пример: Задрожать от страха (со страху). Навести страх на кого-н. Нагнать страху (напугать; разг.). Держать кого-нибудь в страхе (в полном повиновении и постоянной боязни). Под страхом чего-нибудь (под угрозой). На страх врагам (чтобы боялись враги). У страха глаза велики (посл. о том, кто, раз испугавшись, всего боится, преувеличивает опасность). Страх за детей (тревога). Навязчивый страх (психическое заболевание; спец.); 2) очень, в высшей степени, очень много, ужас. Пример: Грибов в лесу страх.! Устали страх.! Страх люблю купаться! ; 3) события, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса. Пример: Рассказать о всяких страхах. Насмотреться страхов» [Ожегов, 2004]. .

В Толковом словаре русского языка Ушакова: «Страх, страха (страху), м. 1. только ед. Состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас [Ушаков, 1939].

Как видим, основные значения страха в русском языке - состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью,

бедой и т.п., боязнь, ужас, оценка чего-либо как отличающегося высшей степенью проявления какого-л. качества

При проведение концептуального анализа лексемы “ შიში ”(shishi- страх), представляющей собой грузинский эквивалент слова “страх”, следует также рассматривать сопутствующую ей в большинстве словарей лексическую единицу “shishi”.

В словаре древнегрузинского языка И. Абуладзе лексема “ შიში“ (shishi-страх) трактуется как ზარი(zari -ужас),ძრწოლა (dzrtsola - трепет), თრთოლა (trtola-трепет , дрожь) [.აბულაძე ი., 1973 :139].

В Толковом словаре современного грузинского языка Чикобава ““ შიში“ (shishi)- «беспокойство (тревога) от ожидаемой опасности [ჩიქობავა ა., 1960].

В Толковом словаре грузинского языка XVII-XVIII века Сулхана - Саба Орбелиани выделяются : მწონარების შიში(mtsonarebis shishi - страх будущего), სირცხვილის შიში(sirtsxvilis shishi - страх стыда - страх испытать стыд), გაკვირვების, განციპრვების შიში(gakvirvebis, ganciprvebis shishi-страх от удивления, изумления), უღონობის შიში (ughonobis shishi -страх бессилия), კდებულების შიში (kdebulebis shishi -страх Божий, богобоязненность)[ორბელიანი, 1991-1993] .

В грузинско - русском толковом словаре под редакцией Н. Чубинишвили ““შიში ” (shishi) переводится как «горе, огорчение от приближающейся опасности; страх, боязнь, благоговение, почтение»[slovarus.info/ gru].

Так, основными семантическими компонентами грузинской лексемы “შიში”(shishi) являются :

- беспокойство (тревога) от ожидаемой опасности;
- ужас , трепет, дрожь;
- благоговение, почтение;
- страх Божий.

Таким образом, на уровне словарных определений у концепта «страх», актуализированного в русской и грузинской лингвокультурах, обнаруживаются в той или иной степени сходные структурные единицы. Ее основное значение в целом выражает то общее понимание страха , которое присуще носителям как русского, так и грузинского языка: состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас.

Общим для русского и грузинского толкования концепта «страх/shishi» является также тенденция к семантическому представлению понятия через синонимы.

Синонимические ряды, выявленные нами на материале синонимических словарей в сопоставляемых языках, представлены различным количеством синонимических единиц.

Синонимический ряд концепта «страх» в русском языке [З.Е. Александрова, 1985 :176] представлен 6 синонимическими единицами (боязнь, испуг, кошмар, паника, жуть, ужас); синонимический ряд концепта „ შიში“ (shishi) в грузинском языке [ბჯომბო ს.,1976: 126] составляют 12 наименований: ელდა (elda -удар, потрясение от сильного испуга, страха), ზარი (zari -внезапное потрясение от страха, ужас), შიშიანობა (shishianoba -страх), საშინელება (sashineleba-ужас), კრტომა (krtoma (дрожь), ძრტოლა (dzrtsola (трепет), დატრტობა (daptrkhoba (испугаться), რეტი (reti (страх), დატება (dapeteba (испугать(ся), ელემეტი მოდის (eletmeleti modis (охвачен страхом, дрожит от страха, ужаса), შეკრტომა (shekrtoma (вздрагивание), მშიშრობა (mshishroba, თავარი (tavzari (наводить страх на кого -нибудь, ошеломить), საშიშროება (sashishroeba - опасность). Такое количественное преобладание синонимических единиц, номинирующих эмоцию страха в грузинской лингвокультуре, может свидетельствовать о более детальном членении внеязыкового континуума, в котором отдельные психологические особенности и характеристики базовой эмоции получают в языке специальное имя.

Общими в обоих языках являются синонимы ужас, испуг, трепет. В русском синонимическом ряду лексемы “страх”, в отличие от грузинского, отсутствует компонент потрясение от сильного испуга, страха. В грузинском языке, в отличие от русского, отсутствуют компоненты кошмар, жуть. Причиной данных различий является самобытность каждого языка в выражении сферы чувств.

Выражение концепта «печаль» пословицами и фразеологизмами

Анализ пословично-поговорочных единиц позволил выделить несколько тематических групп, из которых часть является общей для рассматриваемых культур.

1.В обоих языках присутствуют пословицы, в которых говорится о преувеличенном, возникшем на пустом месте страхе: «У страха глаза велики»; «У страха уши велики»; «У страха сто глаз»; «Пуганая ворона куста боится»; «Пуганый зверь и воробья боится»; «Вор, что заяц: тени своей боится»; «Кого медведь драл, тот и пня боится»; შიშს დიდი თვალები აქვს (Shishs didi tvalebi aqvs -У страха большие глаза); შიშს დიდი ყურები აქვს (Shishs didi kurebi aqvs - У страха большие уши); თავის ჩრდილის ეშობა (Tavis chrdilis eshinia -бояться своей тени); დაშინებულმა ძაღლმა ცხრა წელი ხეს უყევა (Dashinebulma dzaglma tsxra tselitsadi khes ukera-букв.Напуганная собака девять лет на дерево лает) .

2..И в русском и грузинском языках. находит свое воплощение осмысление страха через смерть. В сопоставляемых лингвокультурах смерть рассматривается как неизбежность, страх смерти это естественное чувство человека: *Жив (человек) смерти боится; Страх сильнее смерти; Бояться смерти - победителем не быть; შიში ვერ იხსნის სიკვდილსა (Shishi ver ikhsnis sikvdilsa ..... Страх не спасёт от смерти) .*

3. Страх меняет поведение / психику человека: Так вот со страху все позвоночники пересчитал; Трус не знает жизни, он лишь боится ее потерять; Кто всего боится, у того и в глазах враг двоится; У труса в глазах все увеличивается – и трудности, и неурядицы; У страха глаза как плошки, а все равно не видит ни крошки. В груз. языке с этой семантикой встречается лишь одна пословица: მშობარი კაცი დღეში რვაჯერ კვდება (Mshishara katsi dgeshi gvajer kvdebaო-букв.Трус умирает в день восемь раз).

4. В обоих языках выделяются пословицы, высмеивающие обманчивую внешнюю храбрость и храбрость, проявляемое в безопасном месте : Молодец среди овец, а против молодца и сам овца; Повадки волчьи, а душа заячья; В своей конуре и собака тигр; Всяк кулик на своем болоте велик; На своей улочке и курочка храбра; И петух на своем пепелище храбрится; კატა თავებში მამაცია (Kata tagvebshi mamatsiao-Среди мышей кошка храбра); თავის კარებზე ძაღლსაც დიდი გული აქვს (Tavis karebze dzaglsats didi guli აქვს-Каждая собака у своих ворот храбра); მამალი გულადია თავის სანეხვეზე (Mamali guladia tavis sanexveze -Петух храбр на своей навозной куче); თავის კბინაზე მხდალიც ლომგულიაო (Tavis binaze mkhdalits lomguliao- В своём доме и трус храбр).

5. В русском языке, в отличие от грузинского, зафиксировано большое количество пословиц, в которых восхваляется храбрость: Смелого удача догоняет; Храбрый и под землей пробивается; Смелые глаза - молодцу краса; Кто смерти не боится, того пуля сторонится; Смелому горох хлебать, а робкому пустых щей не видать; Смелый там найдет, где робкий потеряет.

6. В русском и грузинском языках обнаруживаются пословицы, осуждающие «трусость»: Несмелый всегда позади; Врага бояться - в живых не остаться; Сробел - пропал; Хуже как боишься: лиха не минешь, только надрожишься; მგლის შიშით ცხვარი ვის გაუწყვეტია? (Mglis shishit, ttskhvari vis gautskhvetia?-Из страха перед волком, кто уничтожает овец); დადარაჯებული მკვლელი ლაჩარია და არაკაციაო (Dadaradjebuli mkvleli lacharia da arakatsiao-букв. Подстерегавший убийца - трус и ничтожество).

Русские пословицы о страхе не только высмеивают трусость, но и дают дельные советы о том, как её побороть: Стоит выкинуть страх из разума, и он тут же уйдёт из сердца; Не превращайся в овцу, ведь так волка бояться не придётся; Смел не тот, кто страха не знает, а тот, кто, увидев его, двинулся вперёд; Не так страшен чёрт, как его малюют. В грузинском языке это семантический призна не актуализируется.

7. В грузинских паремиях четко прослеживается связь между понятиями «страх» и «дружба»: გონიერი მტრის ნუ გემობია, გემობოდეს ბრიყვო მეგობრისა (Gonieri mtris nu geshinia , geshinodes brikhvi megobrisa -Умнога врага не бойся, бойся глупого друга).

Выражение концепта «страх» фразеологизмами

Фразеологизмы заключают в себя в основном описания физического и психологического состояния исследуемого понятия «страх».

Сопоставительный анализ фразеологизмов, выражающих симптомы страха в русском и грузинском языках иллюстрирует сходство в концептуализации данной эмоций с разными языками, что объясняется универсальностью психики человека.

И в русском и в грузинском языках большую группу составляют симптоматические выражения, обозначающие страх как физическую слабость либо болезненное состояние. В данной группе можно выделить подгруппы, в зависимости от частного физического изменения в организме, вызываемого страхом. В русском языке многочисленностью симптоматических выражений отличается группа выражений, описывающих страх через дрожание конечностей или всего тела: *поджилки трясутся, колени дрожат, трясёт от страха (кого-либо), зубы стучат* (т.е дрожание нижней челюсти)[<http://frazbook.ru>]. Грузинская часть подгруппы представлена симптоматическими выражениями, также описывающими страх через дрожь: შიშისაგან კანკალი, შიშისაგან ცახცახი (shishisagan kankali, shishisagan tsaxtsaxi-дрожать от страха)[გამრეკელი ბ.ბ., მაგლობლიძეილი ე.ა, 1966:421].

Продуктивным для русского и грузинского языков является описание страха через симптомы оцепенения, невозможности двигаться. Данная подгруппа объединяет русские симптоматические выражения остолбенеть, оцепенеть, окаменеть, застыть на месте (от страха), ноги отнялись от страха, ноги стали ватными (от страха) и грузинские симптоматические выражения შიშისაგან გაქვავება (shishisagan gaqvaveba- окаменеть от страха), შიშისაგან გამეშება (shishisagan gasheheba -остолбенеть от страха).

Также для обоих языков характерно описание страха через изменение цвета кожных покровов лица либо всего организма: белый/ как мел, белый\ как смерть, белый\ как полотно, побелеть\ побледнеть от страха, позеленет от страха, лица нет; შიშისაგან გაფითრება (shishisagan gafitreba- побледнеть от страха), შიშისაგან ფერის დაკარგვა (shishisagan peris dakargva- букв. потерять цвет от страха). И в русском и грузинском языках распространено описание страха через субъективные симптомы озноба, ощущения холода: кровь стынет в жилах, мороз по коже продирает, леденеть от страха; душа леденеет от страха; ჟრუანტელი დაუვლის ტანში- zhruanteli dauvlis tanshi - мороз пробирает по коже), მარღვებში სისხლი ეყინება, დნება (dzargvebshi sikhli ekhineba, dneba -кровь леденеет в жилах).

В исследуемых языках встречаются ФЕ со значением «страх», имеющие в своём составе компонент «душа/сердце», которые обозначают также состояния волнения, страданий, переживаний: сердце упало\ ёкнуло\ оборвалось \ зашло \ замерло от страха, душа в пятки ушла; შიშისაგან გულის გაპარვა, შიშისაგან გულის გასკდომა (shishisagan gulis gaparva , shishisagan gulis gaskdoma-букв. сердце оборвалось от страха); შიშით

სულის დაღევა(shishit sulis daleva -от страха испустить дух), შიშისაგან სულის გაპარვა ფეხებში(shishisagan sulis gaparva pekhebshi - от страха душа ушла в пятки).

Для носителей как русского, так и грузинского языков характерно представление о связи с сильным страхом потери рассудка, что отражено в симптоматических выражениях: обезуметь от страха, рассудок помутился от страха; შიშისაგან გონების დაკარგვა(shishisagan gonebis dakargva-от страха потерять рассудок).

Симптоматические выражения русского и грузинского языков передают представление о связи страха с потерей способности говорить: лишиться дара речи (от страха), язык отнялся\ прилип (от страха), онеметь от страха; შიშისაგან ენის დამბა(shishisagan enis damba-онеметь от страха); შიშისაგან დამუნჯება(shishisagan damunjeba - онеметь от страха); შიშისაგან ენის ჩავარდნა(shishisagan enis chavardna -букв. от страха проглотить язык); с остановкой дыхания: перехватило дыхание, дыхание прервалось; შიშისაგან სუნთქვის შეკვრა(shishisagan suntqvis shekvra-от страха перехватить дыхание).

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить универсальные и специфические особенности функционирования эмоционального концепта «страх\შიშო» в русском и грузинском языках.

-В результате сопоставительного анализа словарных дефиниций лексемы «страх \შიშო» обнаружены общие для обоих языков признаки концепта «страх/shishi»: «состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас». Признак «оценка чего-либо как отличающегося высшей степенью проявления какого-либо качества» был обнаружен только в русских источниках. Признаки «благоговение, почтение, богобоязненность» были обнаружены только в грузинских источниках.

- Объем синонимических рядов русских и грузинских номинантов концепта не совпадают (6 номинантов в русском и 12 в грузинском языках).

-В паремиях и фразеологизмах отражены как общие, так специфические представления о страхе у носителей двух языков. Как и в русском языке, страх в грузинском языке имеет отрицательный характер, но в грузинском языке страх – это что-то постыдное, человека, который его испытывает называют mkhdali (трусливый), lachari (трус).

3.5. Языковая репрезентация концепта «зависть/შურბო» и «ревность/რქვბო»

в русской и грузинской языковых картинах мира

Лексикографическое представление концептов «зависть/შურბო» и «ревность/რქვბო»

Зависть – один из важнейших мотивов человеческого поведения, это тщательно скрываемое чувство, осуждаемое обществом.

Зависть чаще всего выражается в неприязненном, враждебном отношении к успехам, популярности или материальному положению другого человека. Объектом зависти могут становиться чувства, такие, как свобода, любовь и счастье [Голубев Г.Г., 1977 : 91]

В Толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой «зависть» - чувство досады, вызванное превосходством, успехом, благополучием и т.п. другого; желание обладать тем, что есть у другого. Я с завистью смотрел на уезжающих в Крым. Она от зависти кусала себе губы. Меня мучила зависть [Т.Ф. Ефремова, 2000].

В Толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова лексема «зависть» трактуется как чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого. С завистью смотреть на что-нибудь. Из зависти сделать что-нибудь. Черная зависть. (глубокая и злобная). * На зависть (разг.) - так хорошо (такой хороший), что можно позавидовать. Здоровье у него на зависть [Ожегов С. И., 2004]

В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. Кузнецовой круг значений лексемы «зависть» обрисован следующим образом: 1) Чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого. Смотреть с завистью на машину, на модные вещи; 2) испытывать чувство зависти. Белая зависть (о чувстве радости, вызванном успехами другого человека). Черная зависть (глубокая и злобная). Завидовать белой, чёрной завистью. Лопнуть, умереть от зависти (сильно позавидовать чему-либо). На зависть кому-чему. [www. btslovar.ru]

Так, мы видим, что концепт «зависть» в словарях русского языка имеет следующие значения: 1) чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, счастье, болеть чужим здоровьем; 2) чувство досады, вызванное желанием иметь то, что есть у другого; 3) глубокая и злобная зависть (черная зависть); (черная зависть - такое чувство в своем крайне негативном проявлении»; «жалеть, что у самого нет того, что есть у другого); 4) белая зависть (чувство доброжелательности по отношению к кому-либо, достигшему каких-либо успехов, удач и т.п.).

Толковый словарь грузинского языка под редакцией А. Чикобава даёт следующее определение грузинской лексемы „შურბო“ (shuri): чувство досады при виде чего-то хорошего у другого человека. [ზოგადი ლექსიკონი, 1960].

В двуязычном грузино-русском словаре под редакцией Д. Чубинишвили лексема „შური“ (shuri) - зависть, ярость, ревность, белая зависть. [www.slovarus.info/ gru_1812] .

Итак, концепт „შური“ (зависть) в словарях грузинского языка имеет следующие значения: 1) чувство досады, ярости при виде чего-то хорошего у другого; 2) ревность; 3) белая зависть.

Таким образом, рассмотрев данные универсальных толковых словарей исследуемых языков, мы пришли к следующему выводу: в русском и грузинском языках совпадают такие компоненты лексемы «зависть», как «чувство досады», «негодование», «злоба», «белая зависть».

Следует отметить, что признаки «обладать тем, что есть у другого, «обида», «недоброжелательность», были обнаружены только в русских источниках. Признак «ревность» был обнаружен только в грузинском источнике.

В области человеческих эмоций ревность — одно из самых трудных и неприятных переживаний. Ревность близка к зависти.

Лексема «ревность» в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова определяется так: 1) мучительное сомнение в чьей-нибудь верности, любви. Семейная драма на почве ревности; 2) (устар.) усердие, рвение. С ревностью взяться за дело. [Ожегов С. И., 2004].

В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. Кузнецова представлены следующие значения лексемы «ревность»: 1) мучительное сомнение в чьей-либо верности, любви. Мучить ревностью жену. Сгорать от ревности ; 2) боязнь чужого успеха; соперничество. Испытывать ревность к успеху сослуживца; 3) устар. усердие, рвение в работе. Ревность к делу [www. btslovar.ru] .

Из проведённого анализа видно, концепт «ревность» в словарях русского языка имеет такие значения: 1) сомнение в верности, любви; 2) боязнь чужого успеха», «зависть к успеху кого –либо; 3) желание безраздельно владеть чем-нибудь; 4) соперничество; 5) усердие, рвение .

В Толковом словаре грузинского языка под редакцией А. Чикобава лексема „ეჭვიანობა“ (echvianoba) трактуется как უნდობლობა (undobloba), ეჭვი (echvi) , კოჭმანი (kokchmani). [წიგნების სწ., 1960] .

Грузинско - русский словарь под редакцией Д. Чубинишвили лексему „ეჭვიანობა“ (echvianoba) передаёт как недоверчивость, подозрительность, мнительность [www. slovarus.info/ gru_1812] .

Итак, в результате сравнительно-сопоставительного анализа словарных дефиниций лексемы «ревность» были выявлены следующие общие для русского и грузинского языков дефиниционные признаки: «мнительность», «недоверие», «сомнение в верности, любви (чувство)». Характерными только для русского языка оказались признаки «боязнь чужого успеха», «зависть к успеху кого - либо», «желание безраздельно владеть чем-нибудь»; «соперничество», «усердие», « рвение» .

Выражение концепта «зависть» в русских и грузинских пословицах и фразеологизмах

Было выбрано 86 пословиц и поговорок в русской паремиологии, в грузинской паремиологии таких единиц было проанализировано 25.

Анализ пословиц исследуемых языков позволил выделить следующие признаки концепта «зависть» :

1.«Зависть причиняет вред другим и пагубно влияет на самого себя»: «Любит кричать воробей, что соловьи затерли, а сам от зависти чирикать разучился»; «Завидливого и сон неймет»; «Завидливому и свой хлеб не сладок»; «Завидливый всегда сохнет»; в грузинской паремиологии: “შურმა დაავსო ქვეყანა, ბადილმა ააშენაო“ (Shurma daavso qvekhana, badzilma aashena); “შურიანები იხოტებიან შური კი ისევ რჩებაო“ (Shurianebi ikhotsebian, shuri ki isev rchebao); „ შური რწმენას ისე ჭამს, როგორც ცეცხლი-შემას“ (Shuri rtsmenas ise chams , rogor ts tsetskhli – sheshas).

2. «Желание иметь то, что есть у другого» «чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого»: «Завистливый сохнет по чужому счастью»; «Чужие хлеба спать не дают»; «Сосед спать не дает: хорошо живет»; «Завистнику и курица соседа гусыней кажется». В грузинской паремиологии находим единственный эквивалент: „შურიან კაცს მეზობლის ვარდი თვალში ეკლად ესობდაო“ (Shurian kats mezoblis vardi tvalshi eklad esobodao).

3. «Ненасытность» зависти»: «Завистливый сыт, а глаза голодны»; « Дай душе волю, захочется и боле»; «Сколько собаке ни хватать, а сытой не быть»; «Много, много, а еще бы столько»; «Душа не принимает, а глаза все больше просят»; «Чур одному: не давать никому». В грузинском языке можно отметить следующие примеры: „ ავი ძაგლი არც თვითონ ჭამს, არც სხვას აჭმევსო“ (Avi dzagli arts tvit chams, arts sxvas achmevso); “ერთი ძაგლი ორ კურდღელს ვერ დაიჭერს“ (Erti dzagli or kurdgels ver daichers).

В русской паремиологии существует ряд единиц, выражающих такие признаки зависти как «обида», «жалость», «ненависть» и крайне негативное проявление зависти, граничащее с желанием человекоубийства: «Господи, Господи! Свою часть проспали: к людям приваливат, от нас отваливает»; «Завидки берут, что нам не дают»; «Не то обида, что вино дорого, а то обида, что целовальник богатеет». «Господи, Господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живет» (у кого денег много да жена хороша).

В русской лингвокультуре положительную оценку получает мысль о том, что, когда тебе завидуют, то это и не так уж и плохо: «Лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине»; «Лучше быть в зависти, чем в жалости». В грузинской лингвокультуре подобных пословиц и поговорок нет.

Дефиниционный признак «хорошее», «на зависть» также находим только в русских пословицах: «Добрый сын всему свету завидище»; «На хороший цветок летит и мотылёк!» ; «На красный цветок и пчела летит».

Многие русские пословицы имеют назидательный смысл: «Чужому счастью не завидуй»; «Завистью ничего не сделаешь»; «За чужим погонишься — свое потеряешь»; «На чужой обед надейся, а свой припаси»; «Кто чужого желает, скоро свое утратит». В грузинском языке также наблюдаем похожие примеры: „ბევრის მდომმა ცოტაც დაკარგა (Bevris mdomma tsotats dakarga); „სხვის ბედაურს შენი ჯაღლალი გერჩივნოსო“(Skhvis bedaursheni djaglagi gerchivnos).

В христианской этике считается, что завистливых людей можно узнать по лицу и глазам.

Некоторые русские пословицы говорят о том, что глаза – это сосуд, не имеющий дна и краев, на что ни посмотрят всего хотят (просят), вспыхивают желанием обладать чужим добром: «У зависти глаза рачьи»; «Завистливое око видит широко (далеко)»; «Завидливы глазища колом тычут»; «Завидливые глазки все съесть хотят»; «У зависти глаза велики»; «На чужое добро глаза разгораются»; «Завидливые глаза всегда не сыты».

В других пословицах ясно выделяется значение отрицательного влияния на человека: «Сам-то наелся, да глаза не сыты (сам сыт, глаза голодны)»; «Нет пропасти супротив завистливых глаз»; Охал дядя на чужие деньги (достатки) глядя»; «Глаз видит, да зуб неймет»; «Завистливый глаз душу точит;. «Не зарься на чужое, свое береги».

В грузинском языке не только глаза выступают в качестве органа, желающего чем-либо обладать, но и сердце: კაცის თვალი ხარბიაო(Katsis tvali kharbiao); „შურის თვალით უყურებს“(Shuris tvalit ukurebs); „თვალი ცქერით ვერ გაძღებიაო და გული ნდომითაო“(Tvali tsqerit ver gazgheba da guli ndomitao).

Таким образом, проведенный нами анализ паремий показал, что концепт «зависть» чаще всего обладает такими характеристиками как: «ненасытность» (29), «желание обладать, иметь» (16), «дурной глаз» (13), «опасность»(пагубность) (10). В грузинской паремиологии концепт «зависть» чаще всего употребляется со значениями: «ненасытность» (10); «опасность» (7).

Наделенные признаками «жадность», «ненасытность», «опасность», «назидательность», «дурной глаз» паремии являются универсальными для русского и грузинского языков. При этом, такие признаки как «желание иметь», «похвала», «руки загребущие» не так распространены в грузинском языке. А соответственно данные признаки составляют этноспецифические образования, не имеющие семантических эквивалентов в языке сравнения .

Фразеологизмов со словом «зависть\შური (« shuri= зависть) не так уж и много.

Вот наиболее известные: в русском языке :

- белая зависть,
- вызывать зависть,
- испытывать зависть,

- мучиться завистью
- чёрная зависть
- чувство зависти

В грузинском языке были выделены :

- შური თვალს უბრმავებს (tvals ubrmavebs-лопнуть от зависти);,
- თეთრი შური (tetri shuri-белая зависть).

Паремий, содержащих в своём составе лексему «ревность», к сожалению, в русском и грузинском языках оказалось чрезвычайно мало.

В русской паремиологии прослеживается прямая зависимость любви и ревности: «Без ревности нет любви»; «Кто не ревнует, тот не любит»; «Ревнует — значит любит». Универсальными в русском и грузинском языках можно считать следующие паремии «Ревность - отравя жизни»; «Любовь богата радостями, а ревность - муками»; „სიყვარული ვარდია, ეჭვიანობა ეკალიო“ (Sikvaruli vardia, echvianoba ekalio). Характерной только для грузинского языкового сознания оказались паремии: „ეჭვი სიფრთხილსაც გვასწავლისო“ (Echvi siprthkholesats gvastsavliso); „ეჭვი პროგრესის ბიძგიაო“ (Echvi progresis bidzgiao) ; „ეჭვებს ბევრი თვალი აქვსო“ (Echvebs bevri tvali aqvso) .

Характерной только для русского языкового сознания оказалась паремия с признаком : «не заботится, не усердствует»: Не ревнует батрак к хозяйскому добру.

- Основную массу русских паремий составляют паремии , выражающие «неуверенность в верности, недоверчивость»; старый, ревнивый , молодой-сам стороной; ревновать не надобно много спать и ревность и рассматривающие ревность как отраву жизни.: Ревность отравя жизнь; Ревность, как ржа, губит сердце; Ревность превращает человека в зверя;. Ревнивый, что вшивый, спать спокойно.

Выводы

Итак, проведённое исследование позволило выявить общие и специфические черты функционирования эмоциональных негативных концептов в русском и грузинском языках.

Анализ словарных дефиниций позволил выявить лексемы, способные осуществлять базовую вербализацию рассматриваемых нами концептов :

1. в русском и грузинском языках совпадают такие компоненты лексемы «зависть», как «чувство досады», «негодование», «злоба», «белая зависть».

Следует отметить, что признаки «обладать тем, что есть у другого, «обида», «недоброжелательность», были обнаружены только в русских источниках.

Признак «ревность» был обнаружен только в грузинском источнике.

2. общими для русского и грузинского языков дефиниционные признаками лексемы ревность- «мнительность», «недоверие», «сомнение в верности, любви (чувство)». Характерными только для русского языка оказались признаки «боязнь чужого успеха», «зависть к успеху кого - либо»,

«желание безраздельно владеть чем-нибудь»; «соперничество», «усердие», «рвение» .

Анализ русских и грузинских паремиологических единиц показал, что русские (56) и грузинские (16) пословицы, объединенные концептом «зависть» ориентированы своим содержанием на человека, черты его характера, поступки. В русской паремиологии концепт «зависть» чаще всего обладает такими характеристиками как: «ненасытность» (49), «желание обладать» (36), «дурной глаз» (32), «опасность» (*пагубность*) (29). В грузинской паремиологии - «ненасытность» (10); «опасность» (7). Основная часть единиц, объединенных концептом «ревность» в русском языке (3) и в грузинском языке (3) представлена паремиями, не имеющими семантических эквивалентов в языке сравнения.

3.6. Языковая репрезентация концепта «смех/სოვოღო» в русской и грузинской языковых картинах мира

Лексикографическое представление концепта «смех /სოვოღო» в русском и грузинском языках

. Смех - культурно-психологический феномен как специфическая оценочная реакция человека на действительность. Являясь философской категорией, значимым культурным и языковым концептом, одним из важнейших понятий искусства и психологическим феноменом, смех, имеет этнокультурные особенности, связанные с бытом, традициями и спецификой культуры.

Смех, будучи универсальным явлением, представлен во всех языках мира, но реализуется по-разному.

Смех, по В. И. Далю, есть «хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа; но есть и смех осмеяния, смех презрения, злобы и пр...Смех есть среднее выражение между улыбкой и хохотом. Смех злостный, злорадный, сардонический» [Даль, 1998].

В Толковом словаре Д.В. Дмитриева смехом называются «прерывистые горловые звуки, которые издаёт человек в состоянии веселья, радости, удовольствия и т. п. Счастливый смех» [[http:// rus-dmitriev - dict:slovaronlene.com](http://rus-dmitriev-dict:slovaronlene.com)].

В словаре А.П. Евгеньевой «смех» описывается следующим образом :

1. Характерные прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдыхательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия и т. п. 2. в знач. сказ. Разг. Смешно. 3. в знач. нареч. Смéхом [А.П. Евгеньева, 1985].

Толковый словарь Д.Н. Ушакова дает следующее определение данному феномену:

1. Короткие и сильные выдыхательные движения при открытом рте, сопровождающиеся характерными прерывистыми звуками, возникающие у человека, когда он испытывает какие-нибудь чувства (преимущественно при переживании радости, веселья, при наблюдении или представлении чего-либо забавного, нелепого, комического, а также при некоторых нервных потрясениях); 2. сами эти звуки [Ушаков 1939] .

Итак, проведенный анализ показал, что смех в словарях рассматривают с 2-х сторон: с одной стороны существует смех формальный - смех как радость, удовольствие и энтузиазм здорового организма, т. е. дар природы, в нем нет оценки, нет отношения. С другой стороны, смех - это способ выражения отношения к действительности, ее оценка.

Можно считать, что понятие «смех» как проявление радости, способность смеяться или нечто смешное и есть ядро концепта в русском языке.

Смех может иметь положительный и отрицательный оттенок.

В словаре эпитетов мы находим смех с отрицательным оттенком: беспощадный, беспричинный, бессмысленный, бесстыдный, вынужденный, глупый, горестный, горький, грустный, деланный, дерзкий, дикий, дурацкий, едкий, ехидный, желчный, животный, злобный, злой, злорадный, злостный, истерический, ленивый, лукавый, льстивый, мучительный, наглый, надменный, напряженный, напускной, натянутый, невеселый, недобрый, неестественный, нервный, обидный, печальный, подобострастный, пошлый, презрительный, принужденный, припадочный, притворный, пьяный, равнодушный, самодовольный, сардонический, саркастический, свирепый, угодливый, фальшивый, хитрый, холодный, циничный, ядовитый, язвительный, болезненно-нервический, ведьмовской, высохший, гортанно-гордый, дряблый, железный.

И с положительным: беззлобный, беззаботный, безмятежный, беспечный, благодарный, веселый, иронический, живой, бойкий, горячий, добродушный, добрый, доверчивый, довольный, дружелюбный, задористый, задорный, заразительный, здоровый, инфантильный, искренний, кокетливый, ласковый, ликующий, одобрительный, осторожный, откровенный, пленительный, простодушный, радостный, радушный, разудалый, робкий, сердечный, сладкий, старческий, старушечий, счастливый, тайный, торжествующий, увлекательный, чистый, шаловливый, щекочущий, бубенчиковый, васильковый, домашний, золотой, младенчески-живой, обнаженный, полный, свежий, светлый, спелый, сытный, сытый, уютный, частушечный [<http://epithet.slovaronline.com>]

Далее на основе словарей синонимов Александрова З.Н. и Абрамова Н.А. [Александрова З. Е., 2001 :169; [http:// dict.t- mm.ru](http://dict.t-mm.ru) abramov\а\ ] выделили синонимы лексемы «смех»(11): хохот(хохотня), смешок, хихиканье, улыбка, усмешка, умора, гогот(гоготанье), ржанье. развлечение, шутка, и, проанализировав несколько толковых словарей русского языка(словарь Даля В. И., Ожегова С.И., Ушакова Д. Н.) выявили значения перечисленных слов:

Хохот– громкий, оглушительный смех;

Хохотня (разг.фам.)- ‘смех, хохот нескольких или многих’ лиц;

Смешок(разг.) – короткий, не сильный, непродолжительный смех; нервный смешок;

Хихиканье (разг.)- сдержанная реакция на смешное человека, не теряющего контроля над собой;

Улыбка – мимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающая удовольствие или насмешку и другие чувства; добрая, весёлая, злая улыбка;

Усмешка – улыбка, выражающая насмешку, иронию или недоверие, сопровождающаяся движением рта, как при смехе;

Шутка- ‘то, что говорят, делают с целью вызвать смех, веселье; забавная выходка, проделка, острота.’

Развлечение- то, что развлекает’: удовольствие, забава, потеха / то, к чему относятся несерьёзно: шутка, игра, игрушка; смех (разг.).

Умора (разг.) - уморительный случай, нечто очень смешное;

Гогот (гоготанье)– 1. крик гусей, гоготанье; 2. перен., громкий, резкий, несдержанный хохот, смех(прост., неодобр.);

Ржание – 1 крик лошади; 2. перен., громкий, несдержанный хохот(прост., неодобр.);

Таким образом, проведя лексикографический анализ лексем- синонимов можно выделить два основных компонента присущих функциональным синонимичным эквивалентам базового имени концепта «смех»: слова, имеющие в своем значении положительную коннотацию (8слов: гогот, ржание,умора, усмешка, хихиканье, хохотня, усмешка, шутка) и слова, имеющие в своем значении отрицательную коннотацию (3 слова: улыбка, смех, развлечение).

В Толковом словаре современного грузинского языка „სიცილი“(sitsili-смех) трактуется как„სიხარულის, მხიარულების, კმაყოფილების გამოხატვა წყვეტილი ხმებით, რომელსაც თან ახლავს ხშირი და ძლიერი ამოსუნთქვა“ "(выражение радости, веселья, удовольствия прерывыстыми звуками , сопровождающимися частым и сильным вздохом“) [ჩიქობავა ა. 1960 : 1000].

Следует отметить, что „სიცილი“ (sitsili-смех) в Словаре древнегрузинского языка И.Абуладзе ассоциируется с **высокомерием** („სიცილი და ყვედრება, ბასრობა ამპარტავანთა არს“), с **дерзостью** („კადნიერება და სიცილი მსგავს არიან ცეცხლისა, რომელი ედებინ ლერწმონასა“), со **злобой** („სიცილით იქმნ უგუნური ბოროტსა“) [აბულაძე ი.,1973:..397].

В Грузинском словаре Н. Чубинишвили описаны следующие лексемы со значением «სიცილი» (sitsili- смех):

ღიმილი(gimili) - спокойная улыбка и беззвучный смех;

კასკასი (kaskasi-) - залиvistый смех , смеяться от души;

კისკისი(kiskisi) - залиvistый смех, высокий, изящный;

თქართქარი(tkartqari) –хохот, массовый смех ;

ღინცილი(gintsili) - непристойный неприличный, злорадствующий смех, вызывающий раздражение смех исподтишка;

ღრექა(grecha- зубоскалить) –непристойно смеяться; насмешка, издевательство;

ფრუსტუნი(phrustuni-фырканье) - чиханье или тихий смех, смех исподтишка тихий смех;

ხარხარი(kharkhari) –хохот, громко смеяться;

სილოდა(soloda) - неразборчивый шум множества голосов, пьяный смех [www.slovarus.info/ gru_1812].

Толковый словарь современного грузинского языка А.Чикобава представляет следующие лексические единицы, номинирующие „სიცილი“ (смех) и их значения:

კისკისი(kiskisi-заливистый, звонкий смех, сердечный смех) - მაღალი, წვრილი ხმით გულიანი სიცილი;

ლხენა(lkhena) -ликование, смеяться и ликовать ;

ტკარცალი(tkartsali) -*громкий, резкий смех, гомерический хохот;*

ფრუტუნი, ფხუკუნი (phrustuni, phukuni) -фырканье или вынужденный, прерывистый, сдавленный смех;

ქირქილი (kirkili) - хихикать, тихий, медленный смех(диал.) [ა. ჩიქობავა.1960: 520].

Таким образом, на основе вышерассмотренных словарей, а также словаря синонимов грузинского языка А.Неймана нами были выделены следующие лексемы ((18) , передающие смех в грузинском языке კისკისი (კასკასი)(kiskisi-хохот), თქართქარი (tkartkari-хохот массовый), ტკარცალი (tkartsali-звонкий смех), ფრუსტუნი, ფხუკუნი (phrustuni, phukuni-фырканье), ლხენა (lkhena-ликование), დაოსება (daoseba-смех до изнеможения), ჩაქირქილება (chakirkileba-ухмылка), ღიმილი (gimili-улыбка), ხითხითი(khitkhiti-хихиканье), ხარხარი (kharkhari-хохот), ხვობობი (khvikvini-ржание), ღრეჭა (grecha-зубоскальство), ქირქილი (kirkili-тихий смех), ღიბცილი (gintsili-неприличный смех), ჩაცინება(chatsineba-усмешка).sitsil-kharkhari, sitsil-kiskisi В Имеретинском диалекте встречается фонетически измененная форма слова სიცილი (sitsili) სიცობი (sitsini)

Смех в грузинском языке, как и в русском, может быть: უხმო (ukhmo-беззвучным), ხმამაღალი(khmamagali-громким), მაღალი (magali-высоким), დაბალი (dabali-низким), ჩუმი(chumi-тихим); მოხდენილი (mokhdenili-изящным), წვრილი(tsvrili-тонким), უშვერი (ushveri-непристойным), უწესო (utseso-неприличным), ნაწყვეტ-ნაწყვეტი (natskvet-natskveti-отрывистым) მკვეთრი(mkvetri-резким); ნელი(neli-медленным), შეკავებული (shekavebuli-сдавленным), ნაძალადევი (nadzaladevi-вынужденным), უხეში(ukheshi-грубым).

Лексические единицы грузинского языка, передающие смех подобно русским лексемам, обладают положительной и отрицательной оценкой.

К лексемам с положительной оценкой относятся (2): ღიმილი(gimili-улыбка), კისკისი(kiskisi- звонкий смех).

К лексемам отрицательной оценки(7)- ხარხარი(kharkhari-хохот), ქირქილი(kirkili- тихий смех), ღრეჭა (grecha-зубоскальствл);

ფხუკუნი(phukuni-фырканье), ხვობვობო (khvikhvini-ржание); ღობცილო (gintsili-неприличный смех), ტკარცალი(tkartsali- гомерический хохот).

Мы нашли в русском языке следующие поговорки и пословицы, которые несут культурный компонент значения — поучение, урок от прошлых поколений, в каких ситуациях можно смеяться, в каких нельзя, что считать смешным, а что нет:

Над другими посмеешься, над собой поплачешь; После смеха бывают слезы; Бывают улыбки хуже слез; Над старым не смейся — сам сторбишься; Не смейся, горох, не лучше бобов: размокнешь — и сам лопнешь; Не смейся, квас, не лучше нас; Горшок над котлом смеется, а оба черны; Не смейся чужой беде: своя на гряде; Смехом сыт не будешь; Смех до плача доводит; Не смейся, горох, над бобами, сам будешь под ногами; Кто смешлив, тот и слезлив; Иной смех плачем отзывается; Не смейся братец, чужой сестрице: своя в девицах; Людям тын да помеха, а нам смех да потеха; От великого до смешного один шаг; Одному смешно, а другому к сердцу дошло; Смех сквозь слезы; Смешинку проглотил; Смешно дураку, что нос на боку; Смейся над собой; Пошла потеха, надорвать живот от смеха; Смех — не грех, коль приятен для всех; Кто много смеется, тому легче живется; Смех без причины, признак дурачины; Посмеялся бы над дурнем, кабы не свой; Зря смеешься, кабы не заплакать; Смеется тот, кто смеется последним; Такая шутка, что жутко; Солдат смеется — врагу плакать придется; Веселый смех — здоровье; Смешно дураку, что рот на боку; Бывает смех сквозь слезы; Иной смех, как на грех: вырвется, и человек обидится; Не любо — не смейся, а другим не мешай; Смех силе брат; Смех смехом, а дело делом; Смех смехом, а шутки в сторону; Смехом век не проживешь; Тебе смешно, а мне до сердца дошло; Чему смеешься, того и сам берегись; Добрый смех не грех; со смехом-то и беда в полбеда живет.

Фразеологизмы были отобраны из толковых (однозначных) и переводных (двуязычных) словарей русского и грузинского языков.

Количественный состав русских и грузинских ФО со значением «смех»

		Русские	грузинские	представле н в таблице:
ФО с общим значением смеяться	Содержат слова с семой «смех»	39	14	
	Не содержат слова с семой»смех»	4	2	
Всего:		43	16	

Сопоставительный анализ семантических признаков концепта «смех» в русском и грузинском языках на фразеологическом материале показал, что в обоих языках это явление оценивается скорее, как отрицательное, а также, что в исследуемых языках много общих семантических признаков, что показывает, что смех – это не только уникальное явление, но и универсальное.

Общими (уникальными) признаками для исследуемых языков являются:

1. смех- безудержное веселье: русс.: лопнуть со смеху; валяться со смеху; держаться за живот; смехом бока надсадить; заливаться смехом; кататься со смеху; надрывать животики со смеху; надрывать кишки со смеху; покатываться со смеху; смеяться до слез, смеяться до упаду; умирать со смеху; смех душит кого-нибудь; падать от смеха;

груз.: სიცლით კვდება(იხოცებიან,დაწყდებაიან) (sitsilit kvdeba, ikhotsebian, daikhotsebian); სიცლისაგან ჩაბჭირება(sitsilisagan chabjireba); სიცლისაგან ფერდები ჩაასკდათ(sitsilisagan pherdebi chaaskdat); სიცლისაგან მუცელზე კანი აღარ შერჩათ(sitsilisagan mutselze kani ar sherchat); საცილს ვერ (ვეღარ) იკავენს (იჭერს, იმაგრებს)(sitsils ver ikavebs, imagrebs); სიცლის წასკდომა(sitsilis tsaskdoma); სიცლი მოერია(\sitsili moeria); სიცლისგან სულს ვეღარ ითქვამს (sitsilisgan suls vegar itqvams);

2. смех-радость: :русс.: смех от души; смех разбирает ; груз.: ღიმილი(სიცილი) მოუვიდა(gimili(sitsili) mouvida);

3. смех- насмешка: русс.: поднять на смех; пройти за чей-то счет-; выставить на смех; морить со смеху; скалить зубы; груз.: სიცლის დაყრა; სასაცილოდ აგდება(sasatsilod agdeba);სიცილად არ ყოფნის(sitsilad ar khopnis)

4.смех- печаль: русс.:смех сквозь слезы (печальный смех), смех и слезы; груз.: სიცილ -ტირილი(sitsil-tirili); სიცილს ტირილი მოსდევს (sitsils tirili mosdevs);

5.злорадство, ирония, сарказм: сардонический смех; саркастический смех, мефистофелевский смех; гомерический смех; груз.: ტკარცალი(tkartsali) ;

6.притворство и скрытность(замаскированность): русс.: смех за глаза; в рукав смеяться; смеяться исподтишка; ухмыльнуться в усы(в бороду); груз.: ულვასში ჩაცინება, ჩაღიმება(ulvasshi chagimeba, chatsineba);

7. вызывающий, неприличный смех: русс.: ухачь как филин; ржать как лошадь; груз.: ცხენივით ხვიხვინი (tskhenivit khvikhvini);

8. попытка избавиться от смеха: русс.: подавить в себе смех; груз.: სიცილს იკავენს (იჭერს, იმაგრებს)(sitsils ikavebs, imagrebs).

II.Отличительные семантические признаки фразеологизмов в русском и грузинском языках

1. Отличительные семантические признаки фразеологизмов в русском языке

Отрицательные отличительные признаки семантики смеха в русской культуре:

смех - глупое, бесполезное занятие: курам на смех!;, смеху подобно; смеховое дело;

смех- это грех: и смех, и грех; смех как грех;

смех как маленькое существо: смешинка в рот попала.

2.Отрицательные отличительные семантические признаки фразеологизмов с компонентом смех в грузинской культуре :

1. Слишком громкий и грубый смех : რახრახო [rakhrakhi], ხარხარი[kharkhari];

2.Смех как выражение раздражения, неодобрения: ფრუტუნი (phrutuni) ფხუკუნი(phukuni).

3. Смех как выражение презрения, злой насмешки, осмеяния, злорадство : კბილები კრეჭა(kbilebis krecha);

Таким образом, на основе рассмотренного материала, мы определили, что в обоих языках репрезентация смеха происходит:

а) непосредственно через лексемы, называющие это явление;

б) через фразеологические единицы.

Выводы

Итак, проведенное исследование позволило выявить универсальные и специфические особенности функционирования эмоционального концепта «смех» в русском и грузинском языках.

Анализ словарных дефиниций русских и грузинских словарей позволил выявить лексемы, способные осуществлять базовую вербализацию рассматриваемого нами концепта .

Синонимический смысловой ряд концепта «смех» рассматриваемых языков представлен двумя группами синонимов:1) отрицательно окрашенными синонимами (8-7) ;2) положительно окрашенными синонимами (3-2):

Объем синонимических рядов русских и грузинских номинантов концепта не совпадает: (11 номинантов в русском и 19 в грузинском языках.

Во фразеологизмах отражены как общие, так и специфические представления о смехе у носителей двух языков. Как и в русском языке, смех в грузинском языке имеет в основном отрицательный характер,

3.7. Языковая репрезентация концепта «стыд/სტყბვოლო» в русской и грузинской языковых картинах мира

Лексикографическое представление концепта «стыд/სტყბვოლო»

Стыд – эмоция, возникающая в результате осознания человеком реального или мнимого несоответствия его поступков или тех или иных индивидуальных проявлений принятым в данном обществе и разделяемым им самим нормам, требованиям морали. Стыд – полностью социально обусловленная эмоция, формирующаяся в онтогенезе в ходе сознательного усвоения этических норм и правил поведения конкретного общественного строя, конкретной культуры (<http://psychology.net.ru>).

Слово «стыд» (позор, срам, чувство смущения) существовало в русском языке с древнейших времен (с XI в.).

Древнерусское «стыдь» – заимствование из старославянского, где «стыдь» восходит к общеславянскому *studъ* < *stydъ*, образованному от индоевропейского корня *steu* > *stu* при помощи общеславянского суффикса -*дь*.

Первоначальное значение слова – «то, что заставляет сжиматься, цепенеть, коченеть», отсюда и однокоренные слова «студеный», «стужа».

Родственными являются: украинское – *стид*, чешское – *stud*

Слово «стыд» в русском языке имеет несколько значений. Для определения семантического значения лексемы «стыд» мы обратились к толковым словарям.

В словаре В. Даля «стыд» – это «срамота наготы». «Понятие стыда долгое время связывали с идеей прикрытия обнаженного участка тела» [В. Даль, 1998: 113].

С.И.Ожегов в «Словаре русского языка» отмечает два значения лексемы «стыд»-1. чувство сильного смущения предосудительности поступка, вины. Испытывать стыд. Гореть (сгорать) от стыда (испытывать сильный стыд; разг.). Ни стыда, ни совести нет у кого-н. (совершенно бессовестен; разг.). К стыду своему (признаваясь в своей неправоте). 2. Стыд ,позор, бесчестье . Стыд. и срам так поступать! [Ожегов, 2004:311]

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова и в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой даны следующие значения лексемы «стыд»: 1. Чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка. Он проснется с содроганьем, полон страха и стыда. Пушкин.. Ни стыда, ни совести. Ложный стыд. 2. Позор, бесчестье. Стыд пал на седую голову мою. (Даль). Стыд и срам. 3. То же, что срам во 2 знач. (простореч.). Стыд прикрыть. [Д.Ушаков, 1939: 215; Т. Ф. Ефремова, 2000: 315].

В «Малом академическом словаре русского языка» А.П. Евгеньевой лексема «стыд» имеет четыре значения: 1. Чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения. Испытывать стыд. Гореть со стыда (испытывать сильный стыд). 2. Чувство моральной ответственности за своё поведение, поступки и т.п. Совсем стыд забыл кто-либо. У него ещё есть стыд. Ни стыда ни совести у кого-л. (разг.; о

ком-л. бессовестном или совершившем непорядочный, бессовестный поступок). Нет (в глазах) стыда у когोल. (разг.; о ком-л. бессовестном, наглom, игнорирующем нравственные правила). 3. Разг. Позор, бесчестье. Натерпеться стыда. Стыда не оберёшься. 4. Разг. Стыдливость. Девичий стыд. Юношеский стыд. •< Стыд, в функц. сказ. Стыдно, позорно. Стыдно тебе так говорить! стыд и срам. (моему и т.п.) [А.П.Евгеньева, 1985 :376].

Поскольку слово стыд многозначно, оно входит в два синонимических ряда с доминантами смущение (смущенность, замешательство, стеснение, стесненность, неловкость, неудобство, застенчивость, конфуз) и позор (бесславие, бесчестье, срам, срамота, сором, скандал, позорище, посрамление, стыдоба, стыдобушка). Каждый из синонимов передает определенный оттенок состояния стыда, например: неловко и неудобно отражают менее глубокое и интенсивное состояние, чем совестно. Стеснение связано чаще всего с нарушением этикетных, а не этических норм или теми внешними качествами или действиями человека, которые делают его непохожим на окружающих, смешным,

Слово стыд является доминантой синонимического ряда слов с семантикой стыда, так как отражает основные значения синонимов (смущение, стеснение, неловкость, неудобство и т. п.) – дискомфортное эмоциональное состояние, которое испытывает человек, нарушивший определенные этические или этикетные нормы поведения.

Особое место в группе синонимов стыда занимают диалектизмы и просторечия. Например, такие диалектизмы: опотко (безл. сказ.) [Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей 1994–2005:221]; изначальная форма слова стыд – студ (холод – поругание – стыд), производные от нее существительное (студы, остуда) (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей 1994–2005 :265) и глагол обстыдиться (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей 1994–2005: 119); огалагато (безл. сказ.) в значении «стыдно, неловко» (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей 1994–2005 :134) ; зарко (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей 1994–2005: 191). Несомненна связь последней лексемы с диалектным и разговорным зазорно, зазорный, т. е. позорный, постыдный, которые иногда используются и носителями литературного русского языка (чаще – с частицей не): И ничего зазорного в том, что ты примешь от него этот подарок (А. Маринина). Диалектные опотко, остуда, красеть, рыжеть, обзариться (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей 1994–2005:4) являются симптоматическим (физиологемным) способом передачи семантики стыда. Стеснялась, что нога большого размера), стряхивает песчинки (Л. Улицкая).

Наименование слова „სირცხვილი“ (sirtskhvili-стыд), по мнению некоторых грузинских лингвистов, этимологически является родственным слову ცხვირი (tskhviri), где ცხვრ // ცხუ-- корень, а სრ- словообразовательный суффикс, сравним ჰ-რ-ცხუ-ებ-ა . . . ა-რ-ცხუ-ებ-ს . . . სირ-ცხვლ- . . . უ-რ-ცხვრ-ო. [ჩიქობავა ა., 1960 (ა):788]. Родство лексем „სირცხვილი“ и „ცხვირი“ (tskhviri-нос) может быть связанной с древней формой наказания- отрезанием носа, которую использовали мужья по

отношению к неверным женам. Такое наказание было распространено в Пшав –Хевсуретии, Мингрелии. Отрезание носа было скорее моральным позором, чем физическим мучением, потому что нос-это заметная часть лица, и его отсутствие искажает лицо[სახოკია, 1979: 821-822].

В мегрельском языке“ჩხვინდიშ მოკვათუა“(chkhvindish mokvatua) означает отрезание носа – один их видов наказания неверных жен

В грузинском языке для обозначения половых органов человека используются лексические единицы: постыдные места. В мегрельском лексема „ონჯლორე“, кроме стыда , означает прикрытие постыдных мест[ჩიქობავა, 1938(ბ): 300].

Следует отметить, что в грузинском языке бесстыдную женщину называют лексемой „უცხვირპირო“(utskhviri). Тем, кто совершает позорный поступок часто говорят“შეგირცხვეს ცხვირო“(shegirtsxes tskhvirio).

В грузинском языке лексема«სირცხვილი»(sirtskhvili), как и русская лексема«стыд», является полисемантической.

Сулхан-Саба Орбелиани в «Толковом словаре грузинского языка XVII-XVIIIв». рассматривает стыд как страх и дает следующее определение: „სირცხვილი-შიში ბილწებისა რისამე საქმესა ზედა და არცა ესე უსასო არს ცხოვრებისაგან“ [ორბელიანი, 1993:303].

В «Толковом словаре грузинского языка» А.Чикобава представлены следующие значение лексемы «სირცხვილი»– გრძნობა, განცდა, რომელსაც იწვევს რაიმე უხერხული, სათაკილო მდგომარეობა ან საძრახისი, შეუფერებელი საქციელის ჩადენის შეგნება .2. თავის მოჭრა, სახელის გატეხა; შერცხვენა, შეურაცხყოფა სირცხვილი მოგადგა – სიკვდილი განატრაო (ანდაზა) ("Стыд" - чувство, переживание , которое вызвано какой –либо неловкой ситуацией или осознанием совершения неподобающего поступка.. 2; Опозориться .) [ჩიქობავა, 1960: :279].

В грузинском языке, как и в русском, лексема „სირცხვილი“имеет два ряда синонимов: первый с доминантой ряда в значении «позор» („სირცხვილი“ სახელგატეხილობა, თავსლაფი, სახელმოყინებულობა, შერცხვენილობა, თავის მოჭრა, სამარცხვინო, დალი, უპატიობა, უპატიურობა, უპატიოსნობა, უნამუსობა, უმართებულობა); второй доминантой «смущение» (დარცხვენილი, მორცხვობა).

Итак, анализ словарных статей показал, что в русском и грузинском языках, в первую очередь, стыд характеризуется как утрата индивидом самоуважения, ощущение вины, печали огорчения или смущения. Ряд лексикографических статей указывает на то, что чувство стыда может испытываться, когда в подобной ситуации оказывается кто-то из близких. Стыд в исследуемых языках имеет двусторонний характер – действие субъекта оценивается как им самим, так и другим, , что отражается в лексикографических источниках.

Теперь обратимся к образной составляющей концепта «стыд» /«სირცხვილი», рассмотрение которой значимо для лингвокультурологических исследований, т.к. оно выявляет этнокультурную специфику концептов.

Во время проведенного нами исследования, было обнаружено 18 фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «стыд» и 25 грузинских фразеологических единиц, репрезентирующих концепт „სირცხვილი“

Ведущим типом русских фразеологизмов по их структуре в этом блоке являются фразеологизмы со структурой глагол + существительное (сгорать со стыда; испытывать стыд; провалиться сквозь землю; не иметь ни стыда ни совести;залиться краской; потерять стыд; отбросить стыд; пригвождать к позорному столбу).

Русские фразеологизмы описывают следующие ситуаций, связанные с субъективным переживанием данной эмоции, а именно:

стыдиться(смущение , неловкость, застенчивость: сгорать со стыда, испытывать стыд , провалиться сквозь землю, прятать глаза не зная, куда глаза девать,залиться краской, кровь бросилась в лицо. побагроветь от стыда , покраснеть от стыда его щеки горели от стыда 4его щеки залила краска стыда, корчиться от стыда заливаться краской от смущения, стыда 6заливаться румянцем от стыда;

отсутствие чувство стыда: Нет ни стыда, ни совести; стыда нет (в глазах) , без зазрения совести; потерять стыд; отбросить стыд;

порицание : стыд и срам;

позор : не оберешься стыда;

смутить, заставить покраснеть : вогнать в краску;

передавать общественному осуждению, клеймить позором: пригвождать к позорному столбу.

Также в русском фразеологическом фонде имеется «локативная» семантическая группа – местом обитания эмоции обозначаются глаза : нет стыда в глазах.

Среди исследованных нами грузинских фразеологизмов 25 фразеологических единиц репрезентируют концепт „სირცხვილი“

Ведущим типом фразеологизмов по их структуре в этом блоке ,как и в русском языке , являются субстантивированные фразеологизмы, : სირცხვილის ჭამა, სირცხვილში ჩააგდება, სირცხვილში ვარდება , სირცხვილით დაწვა,სირცხვილის ოფლის წმენდა, სირცხვილის ოფლში გაწურვა,ვირზე უკულმა შესმა, თავზე ლაფის დასხმა;ულვაშის შერცხვენა; უქულოდ სიარული;კალთის მოჭრა.

В грузинских фразеологизмах о стыде представлена следующая образная составляющая концепта «стыд».

Стыд, смущение, застенчивость: სირცხვილით დაწვა,სირცხვილის ოფლის წმენდა, სირცხვილის ოფლში გაწურვა, სირცხვილის ჭამა, სირცხვილში ჩაგდება, ვაი, სირცხვილო, სახის ხელებში დამალვა, ლოყების გაწითლება; თვლების დახრა, თავის ჩაქინდრვა;

публичное посрамление: ვირზე შესმა, ვირზე უკულმა შესმა, თავზე ლაფის დასხმა, თავზე მიწის დაყრა,თავზე მწვირეს დაყრა, ქუდის მოხდა,მანდილის მოხდა,ლეჩაქის მოხდა,ტალახში ამოსვრა,ულვაშის

აწევა, უღვაშის მოპარსვა, უღვაშის შეგინება, უღვაშის შერცხვენა, უქუდოდ სიარული, კალთის მოჭრა; თვალში ჩაფურთხება; унижение, обесчещение : ნამუსის ახდა, სახელის გატეხა.

Выводы

Таким образом, изучение словарных дефиниций, фразеологизмов, в которых выражены «стыд» и «სირცხვილი», позволяет отметить, что в русской и грузинской лингвокультурах существует ряд общих признаков в понятиях, образной и ценностной составляющих концепта «стыд», позволяющих определить их понятийную, образную и ценностную стороны. Понятийную сторону данных концептов составляют: а) предписание соблюдения нравственных норм индивидом в социуме; б) общественное осуждение человека, нарушающего установленные нормы поведения. Образная сторона описываемых концептов — это ассоциации стыда с такими субстанциями, как огонь, красный цвет и живое существо. Ценностную сторону концепта «стыд» и «სირცხვილი» составляют оценочное отношение к переживанию стыда индивидом. Также существуют фразеологизмы с отличающимися смыслами в образной, поведенческой и ценностной составляющих концепта «стыд» в сравниваемых лингвокультурах.

. Проведённая работа позволяет утверждать, что в грузинской языковой картине мира имеется количественное превосходство фразеологизмов, репрезентирующих концепт «стыд».

ВЫВОДЫ ПО Ш ГЛАВЕ

1.. Проанализировав материалы словарей русского и грузинских языков различных типов, а также сборники пословиц и поговорок ,можно отметить, что, наряду с универсальным категориальным признаком, концепт “*радость*” в русской и грузинской культурах имеет национально-культурную специфику.

1)В русском и грузинском языках 2 основных компонента лексемы “радость”, а именно – ‘удовлетворение’ и ‘веселье’ совпадают, а, значит, являются универсальными для исследуемых лингвокультур;

2) синонимический ряд имени анализируемого концепта в исследуемых языках частично совпадает. В русском синонимическом ряду лексемы “радость”, в отличие от грузинского, отсутствуют компоненты наслаждение, блаженство, счастье. В грузинском языке, в отличие от русского, отсутствуют компоненты жизнерадостность, пиршество, восторг и восхищение, эйфория, беспечалие, кайф, упоение;

Общими признаками концепта «радость», передаваемые фразеологизмами русского и грузинского языков:1)связь концепта с лексемами «слезы» , «небо», «полет»;2) как в русской, так и в грузинской фразеологии, радость окрыляет человека, аналогией “седьмому небу” из русской фразеологии является “*მეშვიდე ცამდე ასულია*”.

Различие выражается в следующем:1) в соотнесении эмоции радости со светом в русской лингвокультуре; 2) в связи концепта «*სიხარული*»(sikharuli-радость) в грузинской языковой картине с лексемой «день».

2.. На уровне словарных определений у концепта «*любовь*» актуализированного в русской и грузинской лингвокультурах, обнаруживаются в той или иной степени сходные структурные единицы. Ее основное значение в целом выражает то общее понимание любви, которое присуще носителям как русского, так и грузинского языка: чувство сердечной

склонности и влечения к лицу другого пола, которое может различаться по интенсивности и продолжительности. Кроме того, совпал такой компонент концепта, как любовь, проявляющаяся в форме интереса и привязанности к какому-либо виду деятельности. Общим для русского и грузинского толкования концептов «любовь/ *სიყვარული*» является также тенденция к семантическому представлению понятия через синонимы.

3. В русском и грузинском языках совпадает часть сем концепта «*ненависть*»: желание зла объекту ненависти, брезгливость и наличие вражды. В семантической структуре грузинской лексемы отсутствует сема интенсивность ненависти.

4. Анализ смысловых структур концепта «*печаль*» в русском и грузинском языках позволяет обнаружить и совпадения семантических признаков, и определенные различия.Сходство русского и грузинского языков проявляется в следующих признаках: 1) негативная коннотация, приписываемая концепту «печаль»; 2) одинаковое количество синонимов;

Общими признаками концепта «печаль» в паремиологии рассматриваемых лингвокультур являются: локативность; нельзя отчаиваться и предаваться унынию; осуждение переживания данной эмоции; временность печального состояния человека; только испытав трудности и проблемы, человек будет ценить хорошее; часто проблемы и беды наслаиваются друг на друга; призыв к терпению и смирению.

- в русской паремиологии концепт «печаль» чаще всего обладает такими специфическими характеристиками как: разрушительная сила, способ избавления от эмоции, тоскливое состояние, вызванное бедностью;
- специфическими для грузинского языка являются следующие признаки печали: преждевременное старение, нецелесообразность переживания с точки зрения жизненных, бытовых интересов, к печали можно привыкнуть, одна печаль заставляет забыть другую.
- общими признаками концепта «печаль», передаваемые фразеологизмами русского и грузинского языков: связь концепта с семой сумрак (ძოღრუბული(mogrubuli) – мрачный, печальный); присутствие во фразеологизмах с семой печаль таких соматизмов, как душа, лицо, сердце, руки, волосы, нос; 3) ассоциация концепта печаль с такими понятиями как боль, грусть, страдание, скука, тревога, страх.

Различие выражается в следующем: 1) в русском и грузинском языках количество фразеологизмов, репрезентирующих семы концепт «печаль», не совпадает (42-46); 2) в соотношении эмоции печали с зелёным цветом в русской лингвокультуре; 3) в репрезентации эмоции печали в грузинской языковой картине соматизмами შუბლი (shubli-лоб), წარბი (tsarbi-брови), ხაღველი (желчь), სისხლი(siskhli-кровь).

5-В результате сопоставительного анализа словарных дефиниций лексемы «страх \ შიში» обнаружены общие для обоих языков признаки концепта «страх/shishi»: «состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас». Признак «оценка чего-либо как отличающегося высшей степенью проявления какого-либо качества» был обнаружен только в русских источниках. Признаки «благоговение, почтение, богобоязненность» были обнаружены только в грузинских источниках.

- Объем синонимических рядов русских и грузинских номинантов концепта не совпадают (6 номинантов в русском и 12 в грузинском языках).

-В паремиях и фразеологизмах отражены как общие, так и специфические представления о страхе у носителей двух языков. Как и в русском языке, страх в грузинском языке имеет отрицательный характер, но в грузинском языке страх – это что-то постыдное, человека, который его испытывает называют mkhdali (трусливый), lachari (трус).

6..В русском и грузинском языках совпадают такие компоненты лексемы «зависть», как «чувство досады», «негодование», «злоба», «белая зависть».

Следует отметить, что признаки «обладать тем, что есть у другого, «обида», «недоброжелательность», были обнаружены только в русских источниках. Признак «ревность» был обнаружен только в грузинском источнике.

Анализ русских и грузинских паремиологических единиц показал, что русские (56) и грузинские (16) пословицы, объединенные концептом «зависть» ориентированы своим содержанием на человека, черты его характера, поступки. В русской паремиологии концепт «зависть» чаще всего обладает такими характеристиками как: «ненасытность» (49), «желание обладать» (36), «дурной глаз» (32), «опасность» (пагубность) (29). В грузинской паремиологии - «ненасытность» (10); «опасность» (7).

7. Общими для русского и грузинского языков дефиниционными признаками лексем «ревность»- «мнительность», «недоверие», «сомнение в верности, любви (чувство)». Характерными только для русского языка оказались признаки «боязнь чужого успеха», «зависть к успеху кого - либо», «желание безраздельно владеть чем-нибудь»; «соперничество», «усердие», «рвение». Основная часть единиц, объединенных концептом «ревность» в русском языке (3) и в грузинском языке (3) представлена паремиями, не имеющими семантических эквивалентов в языке сравнения.

8. Анализ словарных дефиниций концепта «смех /სიცილი» позволил выявить лексем, способные осуществлять базовую вербализацию рассматриваемого нами концепта .

Объем синонимических рядов русских и грузинских номинантов концепта не совпадает: (11 номинантов в русском и 19 в грузинском языках.

Во фразеологизмах отражены как общие, так и специфические представления о смехе у носителей двух языков. Как и в русском языке, смех в грузинском языке имеет в основном отрицательный характер,

9. Изучение словарных дефиниций, фразеологизмов, в которых выражены «стыд» /«სიცილი», позволяет отметить, что в русской и грузинской лингвокультурах существует ряд общих признаков в понятий, образной и ценностной составляющих концепта «стыд».

Понятийную сторону данных концептов составляют: а) предписание соблюдения нравственных норм индивидом в социуме; б) общественное осуждение человека, нарушающего установленные нормы поведения. Образная сторона описываемых концептов — это ассоциации стыда с такими субстанциями, как огонь, красный цвет и живое существо.

Также существуют фразеологизмы с отличающимися смыслами в сравниваемых лингвокультурах.

В грузинской языковой картине мира имеется количественное превосходство фразеологизмов, репрезентирующих концепт «стыд».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Первые попытки исследования эмоций были предприняты в рамках философской науки с различных позиций (физиологической, психологической, социальной, культурной). В первую очередь в трудах великих мыслителей подчеркивается организующая роль эмоциональных явлений (Платон, Аристотель, Гегель и др.), их связь с процессами жизнедеятельности организма, а также отражение на физиологии и психологии человека (Декарт, Спиноза, Кант и т.д.). Большое внимание уделяется триаде «мышление – эмоция – воля». Несмотря на то, что многими разум и воля признаются определяющими в регуляции поведения, ничуть не преуменьшается значимость чувств в этом сложном процессе. Именно философам принадлежат первые классификации эмоциональных состояний по различным основаниям: по физическим показателям (у Канта на основании телесных переживаний – стенические/астенические), по знаку (у Спинозы, Канта – удовольствие/неудовольствие; у Аквинского – по отношению к добру/по отношению к злу), по форме (у Гегеля – чувства, возникающие при соответствии бытия и долженствования/чувства, происходящие из созерцания/чувства, возникающие из морального, религиозного содержания; у Канта – чувства/аффект/страсть). Философские воззрения на сущность и природу душевных переживаний легли в основу ряда психологических теорий эмоций, а также способствовали развитию отдельных направлений в рамках данной дисциплины.

. Если философия выдвинула разрозненные взгляды по вопросу сущности эмоций, то психология попыталась полученные данные систематизировать. Некоторые выдвинутые психологами классификации эмоций могут быть приняты во внимание и при проведении лингвистических исследований. Так, дифференциация положительных и отрицательных эмоций может послужить в качестве основания тех или иных оппозиций эмотивов, а разграничение базовых и вторичных – выделению денотативных классов эмотивной лексики

2. Эмоции в последние десятилетия стали предметом изучения не только в психологии, но и в лингвистике. В связи с этим учёными было признано существование нового направления в лингвистике – лингвистики эмоций.

Совокупность средств репрезентации эмоций получила в лингвистике понятие эмотивности. Категория эмотивности тесно связана с понятиями оценочности, образности, экспрессивности. Эмотивность как выражение эмоционального состояния и эмоционального отношения к фактам речи является одновременным выражением модальности, а ее способность отражать субъективные смыслы,

отношения говорящих и каузировать определенные ответные действия слушающих делает ее одним из важнейших компонентов прагматики языка.

Категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстает в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах»

.Вербализованная эмоция представляет собой имя концепта эмоции. Эмоциональный концепт как разновидность концептов является ментальным

образованием со сложной структурой. Как лингвокультурологическая категория она содержит в себе как универсальные черты, так и культурно-маркированные, присущие определенному этносу.

Вследствие отсутствия единого понятийно-терминологического аппарата возникают сложности при определении таких ментальных структур, как концепт, категория, понятие и значение. Дифференциация категорий и концептов является условной. Данные ментальные структуры следует рассматривать как часть и целое.

Концепты (в отличие от понятий) отображают фрагменты наивной картины мира и соотносятся с объектами повседневной действительности, в то время как понятия рассматриваются как совокупность характерных признаков объекта и, как правило, связываются с научно-философскими представлениями о мире.

Концепт представлен в языке значением лексической единицы; при этом концепт намного объемнее лексического значения слова, которое способно передать лишь его существенные признаки. Если значение выражается одной номинацией, то, для того чтобы выразить сложную структуру концепта, необходим анализ значений большого количества наименований. Значения лексических единиц, как правило, контекстуально обусловлены. Данный контекст может быть выражен как внутриязыковыми факторами, так и внеязыковыми.

5..Общими признаками концепта «радость», передаваемые фразеологизмами русского и грузинского языков:1)связь концепта с лексемами «слезы», «небо», «полет»;2) как в русской, так и в грузинской фразеологии, радость окрыляет человека, аналогией “седьмому небу” из русской фразеологии является “მეშვიდე ცაბდე ასულიაო”.

Различие выражается в следующем:1) в соотношении эмоции радости со светом в русской лингвокультуре; 2) в связи концепта «სიხარული»(sikharuli-радость) в грузинской языковой картине с лексемой «день».

6.. На уровне словарных определений у концепта «любовь» актуализированного в русской и грузинской лингвокультурах, обнаруживаются в той или иной степени сходные структурные единицы. Ее основное значение в целом выражает то общее понимание любви, которое присуще носителям как русского, так и грузинского языка: чувство сердечной склонности и влечения к лицу другого пола, которое может различаться по интенсивности и продолжительности. Кроме того, совпал такой компонент концепта, как любовь, проявляющаяся в форме интереса и привязанности к какому-либо виду деятельности.

Общим для русского и грузинского толкования концептов «любовь/სიყვარული является также тенденция к семантическому представлению понятия через синонимы.

7..В русском и грузинском языках совпадает часть сем концепта «ненависть»: желание зла объекту ненависти, брезгливость и наличие вражды. В семантической структуре грузинской лексемы отсутствует сема интенсивность ненависти.

3. Как в русском, так и в грузинском языках встречаются паремиологические единицы, в которых наблюдается прямая взаимосвязь любви и ненависти.

8. Анализ смысловых структур исследуемого концепта в русском и грузинском языках позволяет обнаружить и совпадения семантических признаков, и определенные различия.

Сходство русского и грузинского языков проявляется в следующих признаках: 1) негативная коннотация, приписываемая концепту «печаль»; 2) одинаковое количество синонимов;

- общими признаками концепта печаль в паремиологии рассматриваемых лингвокультур являются: локативность; нельзя отчаиваться и предаваться унынию; осуждение переживания данной эмоции; временность печального состояния человека; только испытав трудности и проблемы, человек будет ценить хорошее; часто проблемы и беды наслаиваются друг на друга; призыв к терпению и смирению.

- в русской паремиологии концепт «печаль» чаще всего обладает такими специфическими характеристиками как: разрушительная сила, способ избавления от эмоции, тоскливое состояние, вызванное бедностью;

- специфическими для грузинского языка являются следующие признаки печали: преждевременное старение, нецелесообразность переживания с точки зрения жизненных, бытовых интересов, к печали можно привыкнуть, одна печаль заставляет забыть другую.

- общими признаками концепта «печаль», передаваемыми фразеологизмами русского и грузинского языков: связь концепта с семой сумрак (მოღრუბული (mogrubuli) – мрачный, печальный); присутствие во фразеологизмах с семой печаль таких соматизмов,

как душа, лицо, сердце, руки, волосы, нос; 3) ассоциация концепта печаль с такими понятиями как боль, грусть, страдание, скука, тревога, страх. Различия выражаются в следующем: 1) в русском и грузинском языках количество фразеологизмов, репрезентирующих сему концепт «печаль», не совпадает (42-46); 2) в соотношении эмоции печали с зелёным цветом в русской лингвокультуре; 3) в репрезентации эмоции печали в грузинской языковой картине соматизмами შუბლი (shubli-лоб), წარბი (tsarbi-брови), ხალკული (желчь), სიხლი (sikhli-кровь).

9. В результате сопоставительного анализа словарных дефиниций лексемы «страх/შობი» обнаружены общие для обоих языков признаки концепта «страх/shishi»: «состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас». Признак «оценка чего-либо как отличающегося высшей степенью проявления какого-либо качества» был обнаружен только в русских источниках. Признаки «благоговение, почтение, богобоязненность» были обнаружены только в грузинских источниках.

- Объем синонимических рядов русских и грузинских номинантов концепта не совпадают (6 номинантов в русском и 12 в грузинском языках).

- В паремиях и фразеологизмах отражены как общие, так специфические представления о страхе у носителей двух языков. Как и в русском языке, страх в грузинском языке имеет отрицательный характер, но в грузинском

языке страх – это что-то постыдное, человека, который его испытывает называют mkhdali (трусливый), lachari (трус).

10. В русском и грузинском языках совпадают такие компоненты лексемы «зависть», как «чувство досады», «негодование», «злоба», «белая зависть».

Следует отметить, что признаки «обладать тем, что есть у другого, «обида», «недоброжелательность», были обнаружены только в русских источниках.

Признак «ревность» был обнаружен только в грузинском источнике.

Общими для русского и грузинского языков дефиниционные признаками лексемы ревность- «мнительность», «недоверие», «сомнение в верности, любви (чувство)». Характерными только для русского языка оказались признаки «боязнь чужого успеха», «зависть к успеху кого - либо», «желание безраздельно владеть чем-нибудь»; «соперничество», «усердие», « рвение» .

Анализ русских и грузинских паремиологических единиц показал, что русские (56) и грузинские (16) пословицы, объединенные концептом «зависть» ориентированы своим содержанием на человека, черты его характера, поступки. В русской паремиологии

концепт «зависть» чаще всего обладает такими характеристиками как: «ненасытность» (49), «желание обладать» (36), «дурной глаз» (32), «опасность» (пагубность) (29). В грузинской паремиологии - «ненасытность» (10); «опасность» (7).

Основная часть единиц, объединенных концептом «ревность» в русском языке (3) и в грузинском языке (3) представлена паремиями, не имеющими семантических эквивалентов в языке сравнения.

11. Анализ словарных дефиниций концепта « смех/ სიციხე » позволил выявить лексемы, способные осуществлять базовую вербализацию рассматриваемого нами концепта .

Синонимический смысловой ряд концепта «смех» рассматриваемых языков представлен двумя группами синонимов: 1) отрицательно окрашенными синонимами (8-7) ; 2) положительно окрашенными синонимами (3-2):

Объем синонимических рядов русских и грузинских номинантов концепта не совпадает: (11 номинантов в русском и 19 в грузинском языках. Во фразеологизмах отражены как общие, так и специфические представления о смехе у носителей двух языков. Как и в русском языке, смех в грузинском языке имеет в основном отрицательный характер,

12. Изучение словарных дефиниций, фразеологизмов, в которых выражены «стыд» \ «სიციხე», позволяет отметить, что в русской и грузинской лингвокультурах существует ряд общих признаков в понятий, образной и ценностной составляющих концепта «стыд», позволяющих определить их понятийную, образную и ценностную стороны. Понятийную сторону данных концептов составляют: а) предписание соблюдения нравственных норм индивидом в социуме; б) общественное осуждение человека, нарушающего установленные нормы поведения. Образная сторона описываемых концептов — это ассоциации стыда с такими субстанциями, как огонь, красный цвет и живое существо. Ценностную сторону концепта «стыд» и «სიციხე» составляют оценочное отношение к переживанию стыда индивидом . Также существуют

фразеологизмы с отличающимися смыслами в образной, поведенческой и ценностной составляющих концепта «стыд» в сравниваемых лингвокультурах. Проведённая работа позволяет утверждать, что в грузинской языковой картине мира имеется количественное превосходство фразеологизмов, репрезентирующих концепт «стыд».

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1.Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений // Режим доступа: <http://dict.t-mm.ru/abramov/a/>
- 2.Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. — 11-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 2001. — 568 с.
- 3.Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. — Ташкент: Фан, 1973. — 401 с.
- 4.Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слова. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М. : Наука, 1997. — С. 267-279.
5. Акимова Г.Н. Экспрессивные свойства синтаксических структур// Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — С. 15–20.
- 6.Анохин П.К. Эмоции // Большая медицинская энциклопедия. 2-е изд. Т. 35. — М., 1964. — С. 339-367.
- 7.Аристова И.Л. Общая психология. Мотивация, эмоции, воля: Учебное пособие / И.Л. Аристова. — Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2003. — 104 с.
8. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. / Ред. В.Ф. Асмус. — М., «Мысль», 1976. — 550 с. 150
9. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. — Л.: Просвещение, 1981. — 296 с.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М.: Прогресс, 1988. — 344 с.
11. Арутюнова Н.Д. Прагматика// Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 389–390.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М., 1998. — 896 с.
- 13.Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — 608 с.
14. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначений эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. — 184 с.
15. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико- фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. — 103 с.
16. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. — 394с.
17. Беляева Е.И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Е.И. Беляева. — М., 1987. — 459 с.
18. Блумфилд Л. Язык/ пер. с англ. языка. — 2-е изд., стереотип. — М: Эдиториал УРСС, 2002. — 608 с.
- 19.Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: Изд-во Тамб. Гос. ун-та, 2000. — 123 с.
20. Болотов В.И. Проблемы теории эмоциональности воздействия текста: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. — М., 1986. — 35 с.
- 21.Богдасарова П.А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур: Дис. ... канд.филол.наук. - М., 2004..].
- 22.Вайсгербер Й.Л. Язык и философия / Й.Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. — 1993. —№2. — С. 114-124.

23. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
24. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков: пер. с англ. / Под. ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
25. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 310 с.
26. Витт Н.В. Речи и эмоции: учебное пособие к спецкурсу по психологии. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1984. – 76 с.
27. Волкова Я.А. К вопросу о моделировании концептов эмоций // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: коллективная моногр. Волгоград: Волгогр. научн. изд-во, 2012. С. 72–79.
28. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 225 с.
29. Воркачев С. Г. Оценка и ценность в языке: Избранные работы по испанистике: монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2006. – 186 с.
30. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке// Сб. статей по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – С. 103–124.
31. Глейтман Г. Основы психологии : [Пер. с англ.] / Генри Глейтман, Алан Фридлунд, Даниэль Райсберг. - [5. междунар. изд.]. - СПб. : Речь, 2001. - 1246, [1] с., [8] ц. ил. : ил., портр.; 24 см. - (Мэтры мировой психологии); ISBN 5-9268-0075-7
32. Горбунов А.П. О природе эмоционального и формах его выражения в художе-ственной литературе. Труды Иркутского гос. ун-та им. Жданова. – Иркутск, 1971. – Т. 79. Серия языкознания. – Вып. 7. – С. 131–149.
33. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т.1 / Под общ. ред. В.В. Соколова. – М.: «Мысль», 1989. – 622 с. 154
34. Гриффитс П.Э. Базисные эмоции, сложные эмоции... –Электронный ресурс. Код доступа: [www. psychology-online.net](http://www.psychology-online.net/articles/doc-954.html)articles/doc-954.html
35. Грузинские народные пословицы и поговорки. –Электронный ресурс. Код доступа: [www. kids.ge](http://www.kids.ge/sayings)sayings (дата обращения: 29.08.2017).
36. Даль В. ИТолковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.: Т. 3. — М.: Терра.. 1998
37. Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных // Собрание сочинений. Т. 5. – М.: Изд. АН СССР, 1953. – С. 659-92
38. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: пер. с лат. и франц. Т. I / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: «Мысль», 1989. – 654 с.
39. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. – М.: Изд-во полит. литературы, 1978. – 271с.
40. Денисов К.М. Эмоциональность и ее выражение в речи. //Фонетика устного текста. Иваново, 1987. С.36-39.]» [LANGUAGES & LITERATURES Выпуск №23 Карпикова Е.А. Языковые способы выражения эмоций]
41. Дмитриев Д.В.. Толковый словарь // Режим доступа: [http:// rus-dmitriev - dict:slovaronline.com](http://rus-dmitriev-dict.slovaronline.com)
42. Джемс У. Психология / Под ред. Л.А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
43. Евгеньева А.П.. Словарь русского языка в 4-х томах. Т.3. Москва., 1985.

44. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
45. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.
46. Зотова И. Н. Развитие коммуникативной компетентности [Электронный ресурс] : монография / И. Н. Зотова; Фил. Российского гос. социального ун-та в г. Кисловодске. - Пятигорск : E-lit, 2011. - 1 электронный оптический диск
47. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб: Питер, 2001. – 752с.7
48. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб: Питер, 2002. – 752 с.
49. История современной психологии / Т. Лихи. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 448 с: ил. — (Серия «Мастера психологии»). URL: http://www.fidelkastro.ru/psihology/history/1_istsovrpsy.htm (дата обращения – 02.06. 2010).
50. Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы / С.В. Ионова // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. труд. – Волгоград: ВГПУ, ЦОП «Центр», 2004. – С. 5.
51. Изард К. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб: Издательство «Питер», 1999. 464с.
52. Калимуллина Л.А. Эмотивная лексика и фразеология русского литературного языка: Синхронический и диахронический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лариса Айратовна Калимуллина; Башк. гос. ун-т. – Уфа, 1999. – 347 с.
53. Кант И. Сочинения в 6 т. Т.3. – М.: «Мысль», 1964. – 799 с. URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kan/t_1_001.htm (дата обращения – 20.10. 2009).
54. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с. 92. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание / Отв. ред. А. В. Десницкая. – Л.: Наука, 1986. – 297 с.
55. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Н.А. Красавский; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2001. – 38 с.
56. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 435 с.
57. Кобрина Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации// Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 77–95.
58. Kövecses Z. Emotion Concepts / Z. Kövecses. – New York, etc.: Springer-Verlag, 1990. – 230p.
59. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1984. – 942 с.
60. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. — СПб.: ООО «Полиграфуслучи», 2005. — 432 с.
61. Кондаков И. М. (2000) .Психологический словарь. URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=957> (дата обращения: 20.10.2019).
62. Лега В.П. Лекции по истории западной философии / В.П. Лега. URL: <http://www.rodon.org/lvp/lpizf/index.htm>. (дата обращения – 17.07.2010).

63. Леонтьев А.Н. Леонтьев А.Н. и современная психология: Сборник статей // Под ред. А. В. Запорожца и др. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 288 с. 61. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении / Под ред. И.С. Нарского. – М.: «Мысль», 1985. – 621 с. – (Философское наследие).
64. Лук А.Н. Эмоции и личность / А.Н. Лук. – М.: Знание, 1982. – 176 с.
65. Мезенин С.М. Образные средства языка. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – 100 с.
66. Молоткова А.И. Фразеологический словарь русского языка.-М.: Советская энциклопедия, 1968 . –544с.
67. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / Пер. А.М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999. – 480 с.
68. Маклаков А. Г. Общая психология. Санкт-Петербург, 2001
69. Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке / Г.П. Немец. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1991. – 187 с.
70. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
71. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
72. Никитин М.В. Заметки об оценке и оценочных значениях// Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. Studia Linguistica. – СПб.: Тригон, 2000. – С. 6-22.
73. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. / Сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. Л. Свасьяна; пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
74. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М.: ООО «Издательский дом «Оникс 21 век», ООО «Издательство» Мир и Образование», 2004.
75. Осипов Ю.М. К вопросу об уточнении понятия эмоциональность как лингвистического термина// Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – 1970. – №422. – С. 119–137.
76. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / 161 Е.В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
77. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания, 1977, № 4. – С. 37–48.
78. Парамонов Д.А. О грамматическом выражении модальности в современном русском языке / Д.А. Парамонов // Вестник Омского университета, 1998, Вып. 2. – С. 76–79.
79. Платон. Федр: пер. А.Н. Егунова / Ред., вступ. ст., коммент. и др. Ю.А. Шичалина. – М.: Прогресс, 1983. – 130 с.
80. Платон. Государство. Законы. Политик / Предисл. Е.И. Темнова – М.: Мысль, 1998. – 798 с. – (Из классического наследия).
81. Погосова К.О. Концепты эмоций в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / К.О. Погосова; Сев.-Осетин. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2007. – 24 с.

82. Погосян Р.Г. Концепт «Судьба» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф.К. Сологуба: дис. ... канд. фи- лол. наук: 10.02.01/ РоманГеоргиевич Погосян; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2005. – 195 с.
83. Попова З.Д. Стернин И.А. Общее языкознание: Учебное пособие для вузов / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. – 408 с.
84. Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314
85. Писарев Д.С. Функционирование восклицательных предложений в современном французском языке и их прагматический аспект// Прагматические аспекты функционирования языка. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. – С. 114–125.
86. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. – 3-е изд., испр. / Подгот. текста В. В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с. Т.2. – С. 369–585.
87. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. – Н. Новгород: Изд-воНижегородского гос. ун-та, 1996. – 272 с.
88. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций: пер. с польск. / Общ. ред. О.В. Овчинниковой. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.
89. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография / Т.В. Романова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 310 с.
90. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глагола(на материале глаголов, обозначающих поведение) // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 114–136.
91. Сергеева Л.А. Категория оценки и способы ее выражения в современном русском языке / Л.А. Сергеева // Исследования по семантике. – Уфа: БГУ, 1991. – С. 15–23.
92. Скобликова Е.С. Концептосфера человека и модели предложения / Е.С. Скобликова // Филологические науки, 2001. – № 4. – С. 45-55.
93. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики: пер. А.М. Сухо-тина. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
94. Спиноза Б. Этика: пер. В.И. Модестова. – Мн.: Хар-вест, М.: АСТ, 2001 – 336 с.
95. Сорокин Ю.А. Эмоциональность или эмотивность? Или ни то и ни другое? // Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. А. И. Герд.(ред.). СПб.: СПбГУ, 1994–2005. 2640
96. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
97. Степанов Ю.С. Семасиология // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 440.
98. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с. 171. 96.Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 171 с.
99. Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития / Р. Тайсон, Ф.Тайсон. – Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 528 с.

100. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация. (Виды наименований). – М.: Наука, 1977.
101. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 142 с.
102. Толковый словарь русского языка С.И. Кузнецова. – Электронный ресурс. Код доступа: www.btslovar.ru (дата обращения: 25.03.2015).
103. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. – Новосибирск, 1995.
104. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
105. Фомина З.Е. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 66 с.
106. Фресс П. Эмоции // Экспериментальная психология. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 5. – С. 112–195.
107. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М.: ИНИОН, 1992. – С. 28-43.
108. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – 1992. – Сер. 2. – №3. – С. 3–29.
109. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1939.
110. Чанышева З.З. Курс лекций по древней философии: Учебное пособие для философских факультетов и отделений ун-тов / А.Н. Чанышев. – М.: Высшая школа, 1981. – 374 с.
111. Чахоян Л.П. Общая теория высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – С. 122–140.
112. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О. Чернейко. – Москва, 1997. – 319 с.
113. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – 218 с.
114. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 192 с.
115. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. – Вып. 2. – С. 3–25.
116. Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. трудов. – Волгоград: Центр, 2004. – С. 147–168.
117. Эмирова А.Н. Русская фразеология. – Ташкент: Фан, 1988. – 89
118. Ekman P. Emotion in the Human Face / P. Ekman. – New York: Cambridge University Press, 1982. – Pp. 3–41.
119. Ekman P. Basic Emotions / P. Ekman // The handbook of cognition and emotion / ed. by T. Dalgleish, T. Power. – New York: John Wiley & Sons, 1999. – Pp. 45–60.

120. Ellis H.S., Ashbrook P.W. Resource allocation of the effects of depressed mood states on memory / H.S. Ellis, P.W. Ashbrook // *Affect, cognition and social behavior* / ed. by K. Fiedler, J. Forgas. – Toronto, etc.: C.J. Hogrefe. 1988. – Pp. 25–43.
121. Ortony A., -Turner T. J. What's basic about basic emotions? / A. Ortony, T.J. Turner // *Psychological Review*. Vol. 97. No.3 (July 1990). –Pp. 315–331.
122. Plutchik R. A general psychoevolutionary theory of emotion / R. Plutchik // *Emotion: Theory, Research, and Experience. Volume I: Theories of Emotion* / ed. by R. Plutchik, H. Kellerman. –New York: Academic Press, 1980. –Pp. 3-33.
123. Tomkins S., McCarter R. What and Where the Primary Affects? Some Evidence for a Theory / S. Tomkins, R. McCarter // *Perceptual and motor Skills*, vol. 18(1), 1964. –Pp. 119–159
124. აბულაძე ი. ძველი ქართული. ი. აბულაძე. თბ., 1973.
125. გამრეკელი ნ.ნ., ე.ა. მაგალობლიძე. ქართულ–რუსული ფრაზეოლოგიური ლექსიკონი.–თბილისი: “საბჭოთა საქართველო“, 1966წ. –590გვ.
126. იაკობიძე ნ. ემოციის აღმნიშვნელ აბსტრაქტულ სახელთა სემანტიკა ქართულსა და გერმანულ ენებში ფილოლოგიის დოქტორის აკადემიური ხარისხის მოსაპოვებლად თბილისი 2015
127. რამიშვილი გ. ენათა შინაარსობრივი სხვაობა ენათმეცნიერებისა და კულტურის თეორიის თვალსაზრისით, თბილისი, 1995
128. სულხან–საბა ორბელიანი. ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი. – ელექტრონული რესურსი. <http://web.sanet.ge/meskhitb/lexic> (дата обращения: 18.04.2015
129. სახოკია თ. ქართული ხატოვანი სიტყვა-თქმანი, თბილისი, 1979.
130. ჩიქობავა არნ. სახელის ფუძის უძველესი აგებულება ქართველურ ენებში, თბილისი, 1942.
131. ჩიქობავა არნ. ჭანურ-მეგრულ-ქართული შედარებითი ლექსიკონი, თბილისი, 19438.
132. ჩიქობავა არნ.. ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი. რვატომეული. ტ.4, თბილისი, 1960.
133. ჩუბინიძე ნ. ქართულ–რუსული ლექსიკონი.–*ელექტრონული რესურსი*. www.slovarus.info/gru_1812 (дата обращения: 25.03.2015).
134. წერეთელი ა. ქართულ–რუსული ანდაზები. თბილისი: საბჭოთა მწერალი, 1956წ.–96გვ.

